

Елена Ромашова

Sabbatum

Химеры

18+

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Sabbatum
Химеры

Елена Ромашова

Sabbatum. Химеры

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63045261

SelfPub; 2020

ISBN 978-5-532-03350-4

Аннотация

Вторая книга из серии Sabbatum. Мелани вернулась память. Да еще решением суда Сенат постановил провести ей три месяца у Химер, так как был нарушен главный закон мира Инициированных – закон свободы выбора. Вернется ли жизнь в свое привычное русло? Кем же станет Мелани: Инквизитором или Химерой? Как жить, когда нельзя увидеть любимого человека Рэйнольда Оденкирка? Мелани надо переждать только три месяца. Правда, Химеры ждать не будут. Пора запускать механизм адской машины... Содержит нецензурную брань.

Содержание

Вступление	4
Шуваловы	13
Брод	33
Новенькие	51
Мы вытащим тебя	74
Кукольник	95
Начинай!	119
Кто такая Мелани?	137
Светлое будущее	154
Перезапуск системы	171
Не преступлю, не нарушу, не предам	187
Люблю	200
Конец ознакомительного фрагмента.	219

Вступление

– Опять кого-то притащила! – злобно ворчит бабушка, кидая в мою сторону колкие враждебные взгляды. – Тащит и тащит, прям сердобольная! А бабке помочь не хочет.

– Сейчас помогу. – Эту песню о том, какая я «сердобольная», «юродивая, таскающая всякую живность в дом», «а у этих тварей вши, блохи и зараза», что мы с сестрой «не помогаем, лодырничаем, как барыни», каждый раз слышу, стоит мне принести на побывку какую-нибудь больную птицу или зверька. Сегодня я нашла воробья с поломанным крылом и поврежденной лапой, беднягу сшибла машина на трассе.

– Может, Анька у нас станет ветеринаром, зря ты так на нее, – заступается Варя, сидя на кровати и занимаясь другой реставрацией: чинит свой халат, который потерял не просто товарный вид, но и кучу пуговиц, став щербатым и бесполезным.

Воробей дышит часто, мягко и пушисто. Люблю, когда природа беспомощна, она становится подобна эксклюзивной игрушке, вот только ее сломать легко, и последствия будут более ощутимые, потому что это жизнь. Жизнь, которая дышит мягко и пушисто.

– Ветеринаром она станет... Мне ждать некогда! – Бабушка с грохотом ставит лейку в угол. Затем, кряхтя и шаркая по полу, идет к умывальнику и шумно начинает умываться. –

Вон, слышали? – говорит она, когда прерывается на вдохи, стараясь, чтобы вода не затекала в рот. А мне слышно, как шершавые бабушкины руки трутся о ее морщинистое лицо. И вода льется, звенит, падая в железную раковину при каждом погружении бабушкиных ладоней. – У Скворчихи все куры подошли! Представляете? Все куры разом!

– Наверное, лиса передушила, – я кошусь в сторону Вари, которая делает вид, что ее это не касается.

– Угу, чупакабра, – Варька перекусывает зубами нитку у пришитой пуговицы. Нить лопается с неприятным щелчком. Именно в этот момент я кидаю в нее своим тапком. Тот не долетает и с мягким шлепком падает у ног сестры. Варя выпучивает глаза, мол, ты чего? Я же, поджав губы и сощутив глаза, пытаюсь донести мимикой, чтобы она промолчала в такой момент. Бабушка, умывшись тем временем, даже не заметила маленькую баталию за ее спиной и продолжила:

– Верно вам, девки, говорю, нечистая завелась в Вяземке. Ведь только подумайте: все куры передушены, все – и ни одной не пропало! Так лисы не делают. Они, может, и передушат пару, но и съедят некоторых, а тут все тушки целехонькие, будто их всех разом подкосило.

– Ой, бабушка, может, болезнь какая, чего сразу нечистая? – Варя все-таки прислушивается ко мне как к своей совести и пытается успокоить бабушку.

– Я тебе говорю, дурная, у всех шеи переломлены! Какая же это болезнь? Сколько лет живу, ты думаешь, хворь от пе-

реломанного хребта не отличу? Нечистая тут! – и крестится на икону с благоговейным ужасом, не осознавая, что настоящая «нечистая» сидит сейчас на кровати и чешет голову, пытаясь вытащить какие-то соринки из волос. Мы с сестрой грязные; оно всегда так бывает, когда приезжаем на лето к бабушке. Здесь принимать ванну дорого да и особо не надо: в речке искупаешься – и вот ты чистый. На ночь лишь ноги помыть или ополоснуться, так это дело тоже не требует затрат электричества: стоишь себе в тазике, сестра тебя поливает сверху из ковшика водой, за день нагревшейся в бочке на солнце.

Вяземка – обычная русская деревня: газ, вода проведены, на большие блага цивилизации денег нет. Да и ладно: рядом проведена трасса, можно доехать до города. Обходимся, выживаем. Бабушка, например, топит баню, а зимой у нее есть нормальный душ. Это летом все жители Вяземки превращаются в дикарей. Будто солнце, как наркотик, впрыскивается тебе в вены, и ты становишься очень близок к природе в своей простоте и неприхотливости.

Бабушка продолжает бурчать, поочередно то крестясь, то убивая залетевших мух свернутой газетой.

– Конечно, в деревне церкви-то нет! Как разрушили бесы окаянные, так деревня и потеряла божью защиту. Вот и завелось у нас.

«Бесы» – это она про советский период, когда при коллективизации церковь передали в сельхоз под амбар, все снеся

там внутри. СССР рухнул почти двадцать лет назад, но вземская церковь рухнула раньше, оставив скелет буро-кирпичных сводов на радость молодежи, которая любит там лазить и тусить.

Пока бабушка бурчит про нечистую силу, я глажу воробьишку, который лежит без сознания, но дышит. Это я не отпускаю его, передаю свои силы, чтобы жил, и осторожно начинаю посылать токи в хрупкие косточки крыла, чтобы срослись. Затем принимаюсь за его лапку, чувствуя, что энергия уже свободно проходит по крылу. Значит, залечилось. Бабушка шумно покидает комнату, сказав, чтобы мы прекращали и накрывали на стол: обедать пора.

Как только она исчезла, завершаю свое дело, делая сильный посыл тока (так я это называю) в птичье тельце. И вот он встрепенулся и, удивленно озираясь, зачирикал. Варя зачарованно наблюдает за мной: она любит смотреть, как я лечу птиц и зверей. Открыв окно, выпускаю обалдевший от жизни пушистый комочек, который с радостным воробьиным воплем вылетел в небо. Затем иду к умывальнику и тщательно мою руки хозяйственным мылом с едким запахом. В чем в чем, а в одном бабушка права: от зверей заразу получить проще простого!

– Счастливая ты, – вздыхает Варя, наблюдая за мной.

– Почему?

– Прямо как святая: всех лечишь, на тебе все быстро заживает. Мне кажется, ты даже можешь воскрешать из мертвых.

– Не говори глупостей! – Я достаю хлеб и начинаю его резать. – Ты тоже сильная.

– Ага. «Сильная». Слышала? Меня бабушка нечистой считает. Интересно, если узнают, что это я всех кур перебила, они меня сожгут, как ведьму, или в церковь поведут к священнику для изгнания бесов?

Варя сидит печальная. Я знаю, что она завидует мне, что сильно переживает за нашу необычность. А вы бы не стали переживать, когда у вас все цветы вянут и все зверидохнут, стоит только их погладить? У нас во дворе дети уже поняли, что это Варя виновата в смерти их питомцев, и за глаза обзывают ведьмой. Вчера она случайно убила кур у Скворчихи, толстой неприятной бабы на конце деревни.

– Варь, не переживай. Ты же не нарочно их перебила. Случайно вышло.

Варя вздыхает и смотрит в сторону. Мне кажется, ей больно, она себя порой боится, ну и еще неприятно, когда тебя дети обзывают и не пускают в дом.

Вчера с сестрой ходили в лес за ягодами, возвращались на закате задворками мимо дома Скворчихи, где гуляли куры. Вот Варя и решила мне показать кое-что: у нее иногда проскакивали искры между пальцев, а недавно она научилась их сама вызывать. Вообще, Вяземка благотворно скажется на ней: сестренка словно взяла свою силу под контроль, даже стала выдавать что-то новое. Один раз она случайно заставила подняться всю мебель в воздух и повисеть

пару секунд над полом. Правда, грохот был страшный, когда мебель упала на место. Бабушка подумала, что мы, заигравшись, уронили дубовый комод.

Так вот, вчера Варя хотела показать, как она с легкостью может зажечь взглядом соломинку, а в итоге ее энергия метнулась в сторону мирно клюющих кур. Эффект был страшный: всем курам разом сломало шею. Этот единоголосный хруст до сих пор в ушах стоит.

– Варюш!

Не откликается.

– Ва-а-арь! – тяну я жалостливо, пытаюсь вызвать хоть какую-то реакцию у сестренки. Но она молчит. – Не переживай ты так, ну пожалуйста. Ты – не плохая! Просто так подурачки получилось. Ну родились мы такими уродцами, что поделать? Смотри, как мы появились в деревне, тебе лучше стало, можешь спокойно Бима гладить и играть с ним. Ведь ты же никогда не тронешь Бима! Я знаю, ты его любишь. А разве бывают плохими те, кто могут любить? А? И кур ты не специально подавила! Ты же их не ненавидела! Лучше хватит молчать и грустить, помоги мне салат нарезать.

Варя поворачивается ко мне, я вижу слезы в ее глазах, и становится больно на душе за нее. Вот, действительно, невезение: родиться с такой особенностью, как у нее! Тут любой начнет считать себя плохим. Сестра подходит и вместо того, чтобы начать резать помидоры с огурцами, обнимает меня. В этот момент входит бабушка.

– А где же твой воробей? – удивляется она, глядя на пустой подоконник, где до этого я возилась с птичкой.

– Сдох, – отрезаю я, и мы с Варькой продолжаем готовить стол к обеду.

Мы – сестры Шуваловы: Анна и Варвара Александровны, 93 года рождения. На дворе июнь 2009 года. Сейчас нам по пятнадцать, в ноябре будет шестнадцать, а через год узнаем, что мы – Инициированные и вовсе не уродцы, а самые настоящие ведьмы с биполярными дарами: у одной – смерть, у другой – регенерация. А затем поступим на Начало, где я безотчетно влюблюсь в своего учителя магии Виктора, и мы с сестрой станем Химерами.

Но это все прошлое. Никому не нужное прошлое. Даже самим обладательницам. Единственное хорошее – это наша бабушка, которой мы были нужны, но через год она умрет от инфаркта, и вот тогда станет действительно гадко. Воспоминания мрачные, неприятные, злые. Сжечь и позабыть. Да нельзя.

Сама искала их, сама рвалась найти прошлое, чтобы быть цельной. И в этой гонке я потеряла самое дорогое: проморгала человека, который меня любил так, как, наверное, никто и не полюбит больше.

Не слышать мне больше шепот: «Ты моя. Я не отдам тебя никому». Не чувствовать вино с перцем в горячих поцелуях, не забываться, лежа в его объятиях по утрам. То была сказочная неделя отношений, которые я не забуду никогда. У

меня был другой дом, другая личность, даже душа, кажется, была другой. Мелани из Саббата осталась где-то там. Наверное, продолжает просыпаться каждое утро рядом с Рэйнольд-Оденкирком, печальным рыцарем суровой Инквизиции.

Я Анна Шувалова, мне двадцать лет, снова Смертная. По судебному решению священного Сената обязана провести три месяца в стане Химер, так как в прошлом году потеряла память, а Первый Светоч Саббата воспользовалась этим и пыталась меня, Инициированную, в прошлом Химеру, переделать в Инквизитора. Надо отдать должное, ей почти удалось. Почти... Знака на левой руке до сих пор нет. Я все еще не знаю, кто я: Химера или Инквизитор. Суждено мне охотиться на ведьм или убежать от охотников?

А все произошло потому, что у меня сильный дар. Кто не захочет иметь на своей стороне того, кто умеет залечивать раны? Вот и развернулась такая авантюра вокруг меня. Инквизиторы решили схитрить, сыграв на моей потере памяти. А Химеры тем временем сначала думали, что я мертва, затем, не найдя тела, рыскали по миру в поисках во главе с Марго, Виктором и моей сестрой. Кто не знает: Марго – моя бывшая Темная, моя Главная ведьма, под началом которой я была, когда существовала как Химера. Виктор – моя первая любовь, за которого я собиралась выйти замуж. Теперь не знаю, хочу ли. Я стала странным существом: обретая память и свое реальное имя, оказалась в большем смятении, чем без всего до этого. **Я не знаю, кто я, не знаю, чего хочу, и**

как жить дальше. Знаю одно: я хочу Рэйнольда Оденкирка, того, которого полюбила настолько сильно, что каждый мой вздох был о нем, а каждый удар сердца – в его честь. Но мне нельзя к нему подходить еще три месяца, иначе грозят проблемы с Сенатом, да и боюсь, Химеры не допустят. Они впились своими цепкими руками мне прямо в горло, попробуй так дозовись Рэя.

Шуваловы

Медленно открываю глаза, не желая просыпаться. Все так и есть. Я снова дома. В своей комнате. Хотя это и домом не назовешь. Я жила здесь лишь год. Зато комнату обставляла по своему вкусу, тому, который был. Сейчас мне не нравится.

Моя спальня оформлена в светлых тонах: белые стены, простая икеевская мебель и черный декор. Напротив кровати в стену встроен платяной шкаф, к которому еще не прикреплены дверцы, поэтому он показывает все свое нутро с моей старой одеждой. Черной. Только черной и темно-серой. Есть пару цветных вещей, но они, так сказать, на выход. А все потому, что в клане Теней правило: ведьмы и колдуны должны одеваться в темное. Моя Саббатовская одежда была лучше: там был белый, беж, легкие светлые ткани, цветные блузки с юбками. А Химерскую одежду только на траур. Сейчас она мне не нравится. Чужеродная.

На стене фотографии, где я и Виктор. Это тоже останки той девушки, кем была я когда-то. Будильник в виде божьей коровки, подарок Вари, плюшевый, медового цвета медведь, с которым спала в обнимку, когда тосковала по Савову, корзинка с лаками для ногтей и коллекция духов – наверное, единственное, что осталось неизменным. Прошла вторая неделя после суда, началась третья. Мне остается

ся только зачеркивать дни в календаре и молиться, чтобы не проявился Химерский знак. Ну почему я должна делать выбор? Наверное, оставаться смертной – это то, что нужно, тот самый нейтралитет. Ой, не думай об этом, Мелани, не думай...

Я встаю, лениво потягиваясь и зевая. Тру глаза, окончательно прогоняя сон. Выбирать что надеть из той черноты в шкафу не хочется, а придется. Иду по пути наименьшего сопротивления: майка и джинсы. Наша с Варей квартира, специально подаренная нам Марго и присоединенная к главному офисному зданию клана Теней, находится в Москве. У Химер все наоборот в отличие от Инквизиторов. Если Саббат был центром, и из его подземелий можно было попасть в любую точку мира, то у Химер не так. Кланов напоминают паучье гнездо. У всех Сестер в разных точках мира свои отдельные квартиры или дома, чьи двери прикреплены к порталу офисного здания их Клана.

У клана Теней небольшое здание в Москве с табличкой «Благотворительная организация по защите леса». Обычный человек, попавший туда, не найдет для себя ничего странного, просто коридоры с кабинетами. Инициированный же обнаружит улей ведьм, где каждая дверь ведет в квартиру к Химере. Все эти порталы легальны. Наверное, это тот единственный случай, когда Сенат идет навстречу Химерам в создании проколов пространства.

После суда мы сразу приехали домой. Кевин остался жить

с нами, Варя взяла его под свою опеку и поселила у нас, отдав одну из комнат. Благо метраж квартиры позволял. Но все равно, наблюдая за его попытками привыкнуть к новой жизни, думаю, Кевину трудно: привыкший к большому замку, свободе перемещений, он сейчас будто в заточении. Но держится, не подает вида. Да еще сестра ведет себя рядом с ним, как помешанная. Кевин – Солнце по определению, Варя – истинная Луна, вертится вокруг него, ища лучи его любви, зажигаясь и светясь от этого. Странное явление для меня. Никогда не видела Варвару влюбленной. А если еще вспомнить тот факт, что Кевин из Инквизиторов, то мне сносит крышу окончательно. Вот уже третий день стоит им появиться в моем поле зрения, я бесстыдно начинаю пялиться на них. Варя дерзит Кевину, порой помыкает им, показывает свой гонор, но Ганн изменился: из сладкого мальчишки ушла легкость и наивность. Он все так же улыбается, позволяет некоторые выпады со стороны Вари, но в нем словно проснулся зверь, та самая древняя мужская сила, которая делает женщину рядом с ним женщиной, беззащитной и слабой. Глядя на Варю и Кевина, я сразу вспоминаю Рэя, некоторые его повадки и действия по отношению ко мне. Да он мог просто рядом стоять, но излучать такую власть, что я понимала: достаточно небольшого усилия с его стороны – и он меня сокрушит, разрушит, уничтожит. Но вместо этого чувствовала, что в безопасности. Мир рухнет, но он меня убережет.

Я счастлива за них, честное слово. Особенно за Варю. Помню, как она переживала, что ни с одним парнем у нее не складывались отношения, и в итоге сестра пришла к выводу, что мужчина – это пережиток современного общества, что он нужен только для постели и чтобы делать детей, все остальное уже выучила и приручила женщина. «Да здравствует матриархат!»

– Ну что, готова?

Передо мной унылая тарелка с молоком и хлопьями. Кевин, выбиравший себе каши, смузи, блинчики на завтрак в Саббате, аппетитно поглощает бутерброды из белого хлеба и колбасы и запивает чаем с молоком. На мгновение мне становится страшно, что Варя его испортит окончательно.

– К чему? – уныло спрашиваю я, наблюдая, как плавают хлопья в молоке.

Боже, на это можно медитировать!

– Сегодня едем к маме. А завтра в Вяземку.

Я поднимаю глаза, чтобы посмотреть на Варю. Мы сейчас нереально похожи, потому что сестра тоже вся в черном, без макияжа и прически. Но и отличия между нами есть: у сестры волосы не так вьются и глаза зеленей. Утро, часов девять. В Саббате уже всю кипит жизнь, а у нас к этому времени лениво просыпаются.

– А Кеша? – я кошусь в сторону Ганна. Это Варя в первый день во время нашего разговора обозвала Кевина Кешой, русифицировав его имя и невольно вызывая аналогии с попу-

гаем из забавных мультиков. Поэтому, когда он был в нашем кругу, а мне надо было спросить что-то насчет Ганна, да так, чтобы он не понял, что речь о нем, я переходила на русский и заменяла имя.

– Нет, он с нами не пойдет. А вот в Вяземку можно свозить, – сестра тут же переключилась с английского на родной язык.

– С ума сошла? Кеша и деревня? Парень и так не может привыкнуть, что у нас ванная с туалетом общая на всех, а ты хочешь его в совсем дикие условия привезти, где туалет на улице и крысы в доме.

– Ну с туалетом промах. А вот крыс там нет. Марго послала туда парочку прислужниц, чтобы дом подготовили к приезду.

– Прислужниц? – Обалдеть! Это равносильно тому, что ваш начальник послал бы людей помыть полы у вас в доме. – Зачем она так старается?

– Радуется, – хмыкает Варька и с хрустом откусывает кусок овсяного печенья.

Кевин ставит кружку с веселым утенком и трещинкой по краю, затем поворачивается ко мне и говорит на чистом русском без акцента:

– Не беспокойся за меня. Мне даже весело у вас. Забавно. От неожиданности я чуть не захлебываюсь молоком, потому что сказано ровно в тот момент, когда я делаю глоток своего завтрака из ложки.

– Ох ты, Господи! – Варя подлетает ко мне и начинает бить по спине, чтобы я быстрее откашлялась.

– И давно ты говоришь на русском? – хриплю, срываясь на кашель.

– Заклинание завершилось позавчера. – Ганн улыбается своей шаловливой мальчишеской улыбкой. И до меня доходит, что вчера он прекрасно слышал весь наш разговор с Варей, где я просила ее быть осторожней с Кешей, не разбивать ему сердце. «Либо люби, либо держи на расстоянии».

– Заклинание всеязычия?

Он кивает, продолжая улыбаться идеальной белоснежной улыбкой. Варя хихикает в стороне. Понятно, она была в курсе. Смею предположить, она и навела чары на Ганна, так как заклинание сложное, а сестра талантливая ведьма, способней меня.

– Думаю, ты позабавилась... – я злая как черт. Меня только что выставили душой.

– Аня, не злись на нас, – сестра лисой, осторожно, подходит ко мне и гладит по плечу, еле сдерживая рвущийся смех. – Мы не хотели тебя высмеять или подшутить. Просто это было так мило: как ты переживала за Кевина.

– За Кешу, – поправляет Варю смеющийся Ганн.

– А вот ни капли теперь не буду за вас переживать! Засранцы вы оба! – Я вскакиваю с места, но прежде, чем рвануть в комнату, смотрю на эту улыбающуюся сладкую парочку. После чего, ткнув пальцем в Кевина, добавляю: – А вот

теперь тебя не жалко! Так тебе и надо. Надеюсь, условия Вяземки отомстят за меня, Кеша.

Я демонстративно, с гордым и оскорбленным видом ухожу в свою комнату, непременно хлопая дверью так, чтобы эти двое услышали.

Заклинание всеязычия! Ну какая я дура! Конечно же, он обратился бы к нему! Это нормально, это предсказуемо. Только не для меня наивной. А ведь сама же так английский выучила.

Заклинание сложное, но значительно облегчающее жизнь. Варя тогда талантливо сплела его, наложив на меня чары. Задача в том, чтобы правильно сплести энергетическую вязь заклинания и вложить в голову. Сделаешь правильно – и вуаля! через две недели выучиваешь язык с легкостью, главное только слушать его все эти две недели. Сначала ты не понимаешь ничего, потом только отдельные слова, затем ловишь смысл текста и можешь составить простые предложения, к концу второй недели уже в совершенстве знаешь все и можешь с трибуны ораторствовать на новом языке, рассуждая на любые философские темы бытия. А вот если неправильно сплести, это чревато проблемами с памятью, может совсем привести к дислексии или дисграфии. Поэтому я тогда и не взялась его делать. А Варя, будучи смелее меня, и, как я уже сказала, талантливее, отлично справилась, притом дважды: со мной и с собой.

Опускаюсь на кровать, и на меня накатывает тоска, стоит

снова остаться в одиночестве. Это постоянная боль, просто наедине с собой только ее и чувствуешь. Словно из незакрытого крана капает: ты привыкаешь к звуку, но все равно мешает. Моя капель состоит из одного имени – *Рэй*.

Где-то там он... Стоит закрыть глаза, так и вижу его лицо, пускай уже размытое памятью, но глаза!.. Эти глаза мне снятся каждую ночь. Бесконечная гроза с разными оттенками. Но самая мучительная – та, в которой тьма и пустота: последний взгляд, когда Виктор практически оттаскивал меня от Оденкирка к машине на ступенях Вашингтонского суда.

Я снова чувствую, как встает комок в горле, а на глаза наворачиваются слезы, превращая мир в бесформенные пятна. На тумбочке сначала загорается дисплей моего старого телефона, а затем идет звук.

Беру и вижу СМС от Виктора. Открываю, начинает загружаться фотография: на красивой белой широкой кровати стоят картонные пакеты «Chanel», а рядом коробочка с логотипом «Tiffany&Co». Подпись: «Они ждут тебя, как и я».

Пишу в ответ: «Спасибо». И закрываю. Противно. Савов в своем духе. Он знает, что мне это не нужно, такое больше подходит для Вари. Другая девушка визжала бы от счастья и обзывала меня дурой. Наверное, такая и есть. Виктор все время меня задаривал, словно пытался привязать этим бараклом, в то время как я всегда ждала от него чуть больше любви и нежности. А на это он был скуп. Может, я предвзято отношусь? На мгновение решила сделать себе больно,

представив, что это СМС от Рэя... Но больно не было. Почему-то не смогла, воображение подвело. Скорее всего, Рэй потащил бы меня в магазин, как с тем креслом. Непонятная блажь Оденкирка; даже смешно стало. Один ухаживает, покупая дорогие шмотки, другой – кресло. И я выбираю второго, пускай и чокнутого.

Три месяца...

Стук в дверь вырывает из анабиоза.

– Анька, ты готова? – Варя заглядывает в комнату. – Ты чего?

Я утираю слезы, хлюпая носом, и пытаюсь изобразить беспечность.

– Да так...

– Ты так обиделась, что расплакалась?

– Нет, – я смеюсь. – Шутка была хорошая. На такое долго не обижаются.

– А что? – Варя подходит и смотрит на меня сверху вниз со своим серьезным выражением опекуна.

– Да так...

– У тебя заело «да так»? – Она недолго молча смотрит на меня, закусывая губу. Видно, что еле сдерживается, чтобы не спросить. Варя уже с макияжем и одетая. По мне, так чересчур вычурно. Специально нарядилась, чтобы позлить мать. На руках, как обычно, куча колец. Это наша особенность: я обожаю лаки для ногтей, Варя – кольца. – Ты краситься будешь? Или так пойдешь?

По ее тону понимаю, что вид у меня не очень.

– Я не хочу пускать ей пыль в глаза. Ты сама знаешь. Я вообще не понимаю, зачем мы к ней едем.

Варя пожимает плечами. Хотя причина наша поездки кроется больше в ней, чем во мне, – она бесится, злится, и это ее способ отомстить. А мне все равно. Не скажу, что люблю маму, но и не ненавижу.

Рязань. Три часа езды от Москвы. Плюс два часа стояния в пробках. И вот мы уже у дома, где живет наша мать. Я не знаю, какой это адрес по счету. Она постоянно их меняет. Сейчас это окраина города, спальный район, новая шестнадцатизэтажка. Судя по дому, квартиры большие, так что, считай, у матери жизнь удалась. Мы вылезаем из машины: Варя обратилась к Максусу, чтобы он подвез нас, так как его красный «Audi Spyder» с открытым верхом не кричал, а вопил, о своей неприличной стоимости и деньгах владельца.

– Пошли! – Варя командным голосом призывает меня из кабриолета к любопытствующим взорам людей. Я смотрю на Макса, сидящего с каменным лицом и жующего жвачку. По ходу, он будет ждать нас в машине. Варя надевает очки и гордо и грациозно выпархивает из машины. Вот ведь шельма! Устроила спектакль, втянув меня. Я по сравнению с ней не выхожу, а вываливаюсь из авто, но мне все равно. Стуча высокими шпильками, Варвара подходит к домофону и набирает номер. После противных пищущих сигналов слышится

мамино: «Да?».

– Мам, это мы. Открывай.

На том конце возникает пауза. Знаю точно: мама в шоке. Но через некоторое время доносится ее блеющий голос:

– Мы? – Ага, не верит.

– Варя и Аня. Если не забыла, в девяносто третьем году родила двоих близняшек. Типа, дочки твои. Ну вот, мы приехали.

Варя язвит, но вместо ответа слышится щелчок открываемой двери. Входим в чистый, беленый, еще без похабных надписей и сожженных ящиков для писем, подъезд.

– Кажется, у нее инфаркт. – Варя довольно облакачивается о стену, пока ждем лифт. Сколько себя помню, мама пыталась от нас избавиться. Терпела, пока мы были маленькие, но на каждые каникулы отправляла в деревню. Один раз кинула на месяц на шею нашей крестной, у которой были задатки алкоголички, а еще, когда умерла бабушка, явилась в деревню только через две недели после похорон. То есть бабушку хоронили мы с Варей благодаря помощи всех жителей Вяземки, которые собирали деньги, чтобы по-человечески предать земле Екатерину Васильевну. Что уж говорить, когда за нами явился Поисковик из Сената, какая радость была у матери! Конечно, прозвучал вопрос: сколько стоит? Но когда заверили, что образование бесплатное, она подписала бумаги, не читая. До сих пор я в ужасе от этого. Приди человек со стороны, какой-нибудь торговец девушками в про-

ститутки, она бы и ему нас отдала, не читая бумаг! Ей, алчной до денег и мужиков, лишенной материнского инстинкта напрочь, мы были не нужны.

Лифт открылся, приглашая внутрь. В кабине висело зеркало, кем-то уже расколотое. Процесс уничтожения культуры и чистоты в этом подъезде запущен.

– Кто у нее сейчас?

– Не знаю. Я уже сбилась со счета. Вроде, какой-то предприниматель.

Мы выходим в коридор и находим черную лакированную дверь. На лице Вари расцветает улыбка хищного предвкушения. Нажав на звонок, слышим шевеление за дверью, щелчок замка – и вот дверь открывается. Ксения Шувалова, или кто она там сейчас, смотрит таким взглядом, будто привидение увидела. Хотя мы и есть для нее призраки прошлого.

– Привет, – наигранно тянет Варя противным голосом. В ее позе, тоне, взгляде все ненастоящее.

– Вы? Как вы нашли меня?

Ох! Это мы умеем. Мама до сих пор в толк не возьмет, что мы всегда будем находить, смени она хоть тысячу адресов. Точнее, это Варвара не даст ей уйти от нашего внимания.

– Как? Очень просто. Найти тебя труда не составляет. Пустишь? – Мама смотрит настороженным взглядом, решая: впускать нас или нет. Она боится Варьки, считая ее бесноватой ведьмой. В принципе, права, но не в том смысле, который вкладывает мама. Варя старается для нее специально,

напуская больше пафоса.

– А мы тут пирожные принесли!

– Мам,пусти, – говорю я усталым голосом, который разительно отличается от веселого тона сестры.

И я ее уговариваю. Мама всегда меня больше жалела и любила, если можно назвать любовью то внимание, которое она нам уделяла.

Дверь распахивается, и мы входим в квартиру. Красиво, богато, блестяще. Да и мама изменилась. Она красивая женщина, наделенная природой отличными внешними данными, даже мы с Варей проигрываем рядом с ней. Но она стала словно девушка с обложки и еще, кажется, увеличила грудь. В свои сорок Ксения обладает очень тонкой талией, длинными ногами и молодым лицом – результат дорогостоящих посещений салонов красоты.

– О! Ты грудь себе сделала. Что? Уже старая не катит? – Я закатываю глаза: Варя не может без колкостей. Сестра, позвякивая кольцами, вытаскивает из сумки с блестящим навязчивым логотипом «Prada» коробку макарунов. Уверена, что даже сладости куплены в самой Италии специально для мамы, а точнее, для того, чтобы показать ей себя.

– Мы ненадолго. Не надейся.

– Привет, мам. Ты как? – Я пытаюсь сбить начавшую повышаться температуру общения. Все, как всегда: Варя язвит, жалит остротами, а я сглаживаю острые углы разговора.

– Нормально.

Сестра, не дожидаясь приглашения и не снимая своих Лабутенов, проходит в квартиру в поисках кухни. Откуда-то из помещения доносится противный писклявый лай.

Мне почему-то стыдно за поведение Вари, хотя ее понять можно. Я разуваяюсь и шлепаю босыми ногами за своей близняшкой. В большой кухне меня встречает маленькая лохматая собачка, похожая больше на игрушечную, чем живую. Именно она, виляя хвостом, лает на нас. Мама больше от испуга за животное, чем из смущения, хватает собаку на руки. Конечно, она помнит, что все питомцы умирали от одного касания Вари. Только мама не в курсе, что сестре не надо уже касаться даже человека, чтобы вызвать травму. Так что это бесполезно!

– Как вы меня нашли?

– Ну ты же наша мама! Зов крови – сильная штука, – Варя по-хозяйски, как у себя дома, начинает суетиться, готовя нам чай.

– Что вам нужно от меня? – теперь мама спрашивает меня, глядя в глаза. У нас с ней один оттенок.

– Ничего. Пришли навестить тебя, посмотреть, как ты стареешь, – Варя продолжает выливать в слова всю ненависть и желчь.

– Ничего... Просто так пришли, – я смущенно отвожу глаза, желая провалиться на месте.

– Вот и чай готов! Ты присаживайся, мам. Что как неродная на своей кухне?

– Прекрати, – шикаю я на Варю, наблюдая, как в ней просыпается совесть: на секунду она отводит глаза, справляясь с эмоциями. На краткое мгновение я вижу на ее лице боль. – Какая милая собачка. Можно? – спрашиваю у мамы разрешения дотронуться до питомца. Та недоверчиво позволяет. Песик нежно обнюхивает мою руку, виляя своим игрушечным хвостиком. Шерсть приятная на ощупь, мягкая, действительно, плюшевая. Я не сдерживаю улыбку.

– Как ее зовут?

– Нора, – мамин голос безлик и терпелив.

– А у нас Аня замуж выходит! – Варя весела, пытается быть беззаботной.

– Поздравляю... За кого? – спрашивает мама из вежливости, присаживаясь за стол. И вот сидим мы, все Шуваловы, в сборе; точнее, остатки семьи – острый рыбий скелет.

– За американца, хоть и русского: родители эмигранты. Будет жить в Калифорнии, в Лос-Анджелесе.

Мне не нравится, что Варя говорит за меня, но не хочется перечить.

– А ты? – мама кидает злобный взгляд на сестру. Та жмет плечами.

– Есть один. Англичанин. Но, наверное, переберемся жить в Италию.

Я смотрела на Варю во все глаза: у них с Кевином все так серьезно? Или она специально тут придумывает ради мамы?

– Вы с Кевином все решили? – не удерживаюсь я и задаю

вопрос.

Варя жмет плечами, и я понимаю, что серьезно. Если не решено, то обсуждали.

– Как у тебя дела? Где работаешь? Ты замужем? – Я пытаюсь быть вежливой и милой, поворачиваясь к маме. Она изящно откидывает прядь волос, они у нее очень длинные, до самой поясницы. Мне всегда хотелось дотронуться до них, в детстве мама иногда даже позволяла.

– Работаю. Директор бутика. Замужем. – Словно специально, мама начинает кормить собаку макаронами вместо того, чтобы полакомиться самой. Хотя уверена, несмотря на то, что она знакома с подобными пирожными, именно эти вкуснее всех. От них просто исходит аромат миндаля.

– Дети? – я спрашиваю, наблюдая, как Варя рефлекторно дернула рукой от неприятной темы.

– Нет. После вас у меня никого не было, – она отвечает немного дерзко, в ее тоне проскальзывают Варины нотки.

Я киваю в ответ. Сестра говорит, что мама не раз делала аборт. Мне все равно. Я до сих пор не понимаю, почему мы к ней тянемся, когда ей всегда было откровенно плевать на нас? Как-то один ее сожитель пытался изнасиловать Варю, та врезала ему, плюс еще покалечила даром. Так вот, даже тогда мама считала нас виноватыми, она не жалела Варю, а после того, как та проявила ведьмовские способности, вовсе возненавидела и считала опасной. Я смотрю на свою близняшку, сестра нервно щелкает ногтями – наша с ней привыч-

ка. Знаю, что ее распирает спросить маму, за что она так с нами, почему всегда деньги были любимее дочерей, почему не сдала в детдом, в конце концов, раз мы так ей были не нужны? Вопросы жгут, давят на нас обеих, изменяя и ломая наши жизни. Какими мы были бы, если бы она нас любила?

– Мужу сколько лет? – Варя решает разорвать нависшую тягостную тишину.

– Двадцать шесть. А что? – мама изгибает бровь, мол, ну, давай, съязви.

– Ничего. Практически вдвое моложе тебя. Да и ровесник Аниному Виктору. – Варя уже не смотрит на нее, а лишь разочарованно вертит в своих пальцах пирожное. Видно, эффект от нашей встречи не оправдал вложенных усилий на подготовку: мама, как всегда, ничего не заметила.

Я тяжело вздыхаю и снова начинаю играть с собачкой, которая уже не тьякает, а лишь забавно виляет хвостиком, после чего перебирается ко мне на руки. Мама не реагирует даже на это. Я начинаю забавляться с песиком, и тут Варя решает погладить его. Все происходит в считанные секунды: мама со вскриком вырывает животное у меня из рук, кисть Варвары так и повисает в воздухе в незаконченном движении.

– Не смей дотрагиваться, ведьма проклятая! – шипит мама на Варю. И все. Ксения будит Химеру.

– Да тебе собака дороже твоих дочерей, – Варя не говорит, она сипит от злости. Внезапно в кухне с неприятным

шорохом и скрежетом начинают двигаться предметы: стулья, ножи, вилки, тарелки с чашками ездят взад-вперед, словно кто-то дергает их за веревочки. Еще чуть-чуть – и они сорвутся со своих мест, летя в стены и разбиваясь о пол. Сестра в гневе, я бы сказала, в бешенстве, она не контролирует магию, выплескивая ее в реальность. Химера, словно бомба, готовая рвануть и уничтожить. Такое за всю жизнь я пару раз видела. Все-таки Варвара очень сильная.

– Всю свою жизнь ты только и делала, что игнорировала нас! Мы были хуже собак для тебя. Щенков пристраивают в семьи лучше, чем ты обращалась с нами. Как же я тебя ненавижу! – Мама вскочила и, прижимая скулящую собаку к груди, с ужасом смотрела на Варю. – Как же я хочу, чтобы ты сдохла!

– Варя! НЕ СМЕЙ! – вскакиваю я с диким криком, понимая, что сейчас Варька совершит страшное и бесчеловечное. – Пускай не любила! Она не стоит, чтобы ты переживала потом за нее! Оставь! Подумай о Кевине!

Не знаю, почему вспомнила Ганна, но это подействовало моментально, будто я нашла невидимый выключатель Химеры в сестре. Найти и обесточить – миссия выполнена.

– Уходите... – шепчет мама, на ней лица нет, вся белая с широко открытыми от ужаса глазами. Она вмиг как-то постарела на глазах, будто ужас сорвал весь покров ее обманчиво-молодого вида. – Уходите и не возвращайтесь... Не надо было вас рожать... Всегда считала ошибкой... Уходите.

Я вижу, как Варя горько ухмыляется, а в глазах слезы. Вот и все. Прозвучал главный ответ на главный вопрос всего нашего существования. Мы обе были ненужные, как собаки-бродяги. Поэтому всю жизнь ищем хозяев, остро реагируя на любое, похожее на любовь, проявление к нам чувств. Неважно, Савов, Ганн или Оденкирк. Просто приди и погладь по шерстке.

– Пойдем. – Я подхожу к сестре и увожу из квартиры. Варя тихая, сутулая, старается сдержать слезы, закусывая губу и смотря вверх, вздернув подбородок. Наверное, думает, что так дольше продержится и не заплачет.

В машине она набирает СМС, я даже знаю кому: темно-рыжему парню с медовыми глазами и поцелуями. Он будет ее хозяином, станет утешителем. Варя забудется в нем и спасется.

А мне в ком спастись, когда сама отказалась от протянутой руки и сглупила в суде? Хотя есть Виктор, только он не поймет, не приласкает, так как не умеет сопереживать, и женские слезы его бесят.

– Я смотрю, встреча прошла жарко, – вздыхает Макс, заводя мотор.

– Да, как в аду. – Почему-то мне больно, но не настолько, как Варя. – Гони, Макс, домой. Чем быстрее доберемся, тем лучше.

– Да не вопрос, – хмыкает водитель, нажимая на газ и выезжая на своем шикарном автомобиле из двора. Мы молча

смотрим в окна, каждая думает о своем, осознавая всю свою неполноценность и ненужность. Неприкаянные. Вечно несущиеся куда-то. Две собаки-бродяжки в поисках своего человека.

Когда-нибудь нас пристрелят, как сосед нашу собаку, или издохнем на бегу, загнав себя до изнеможения...

Брод

Порталы Химер устроены неудобно, их меньше, чем в том же самом Саббате. Это сеть, похожая на метро, карта которой есть у каждой Химеры, даже приложение для iPhone создали. Порой, чтобы добраться побыстрее до какого-нибудь места, приходится пройти через три-четыре портала, а затем еще добираться на своих двоих. Поэтому среди Химер часто устраиваются нелегальные порталы; все зависит от расстояния прокола пространства, а также сколько нужно, чтобы проработала дверь, и сколько раз ею можно воспользоваться. Самые сложные те, что подогреваются магией Инициированных: такие порталы работают только здесь и сейчас, пока на них действуют чары.

Поэтому до Вяземки мы добирались сами. На машине. В этот раз транспорт был выбран попроще, а не как у Макса; за рулем была Варя, которая, первое что сделала, когда исполнилось восемнадцать, – побежала на курсы вождения.

Машина плавно съехала с обочины к старому дому с облупленной, выцветшей на солнце голубой краской. В окнах с резными, когда-то белыми наличниками зияли темнота и пустота. Дом мертвый. Это было понятно по запущенному, безжизненному виду с покосившимся забором и заросшему саду. Отголоски прошлого, а именно нашего с Варей детства, прочитывались по знакомым до боли деталям: на кирпичной

кладке фундамента краской написаны наши имена, подкова, которую нашли в поле, прибита на удачу у входа, куст сирени, посаженный мной, разросшийся и одичавший.

– Что-то мне страшно в дом входить, – прошептала я Кевину, который с таким же выражением лица, как и у меня, осматривался вокруг. Выглядел он, одетый не для этого места, странно: белоснежная дорогая майка-поло, джинсы, слиперы на ногах – образ для отдыха на курорте, где в программу включены теннис и гольф. Вяземка всего этого не имела. У нее была для нас особая программа.

Кевин по-дружески обнимает меня, пока мы стоим и смотрим на Варвару, открывающую дом. Под приложенными усилиями дверь поддается и с противным скрежетом ржавых петель распаивается. В доме темно, пусто и страшно. Мы стоим и пялимся на вход, на эту черную дыру в иной мир.

– В конце концов, я ведьма или кто? – спрашивает Варя, внушая самой себе бесстрашие, чтобы войти внутрь. – Да и колдун тут тоже имеется.

Кевин прыскает со смеха в кулак, глядя на робкую Варвару. Для него это забавно, я же понимаю сестру. Для нас войти туда, как окунуться в детские кошмары и загробный мир.

– Пошли, – я хватаю Варю за руку, и мы, подобно космонавтам, сходящим на новую планету, заходим в дом. Глаза медленно привыкают к темноте помещения. Воздух спертый, влажный, с запахом гнилой древесины. Наверное, где-то протекла крыша. В сердце болью отзывается знакомая об-

становка: старый бабушкин стул, часы со сломанной кукушкой, которые уже не работают, посудный шкаф с кастрюлями.

– А здесь чисто, – я замечаю, что нет ни паутины, ни мышиного помета, ни пыли, ни мертвых мух.

– Прислужницы отлично поработали, – бормочет Варя, выпуская мою руку, и смело идет внутрь дома. Позади меня входит Кевин, молча оглядывается. Его больше заинтересовала кадка, которую мы когда-то использовали для воды из колодца, и ухват, которым бабушка вытаскивала большой глиняный горшок, когда готовила в печи.

– Это что? На медведя ходить?

– Нет. Это ухват. Бабушка еще обзывала его рогачом. Он для того, чтобы горшки из печки доставать.

– Печки? – Ганн удивленно смотрит, явно не понимая меня.

– Говоришь, процесс заклинания завершен?

Он хмыкает, улыбаясь.

– Ты ответила в стиле Реджины.

Я смущенно отвожу взгляд. Саббат большая тема для нас. Мы, выдворенные оттуда, возможно, навсегда, оба по нему тоскуем. Только я пробыла там лето, а Кевин, росший под надзором своей опекуни, директрисы школы Инквизиторов Реджины Хелмак, – всю жизнь.

– Слушайте, а прислужницы хорошо поработали, – из глубины дома выходит довольная Варя. – Чисто кругом, крышу

залатали, водопровод работает, даже свежее белье оставили.

– Пойду, туалет посмотрю, – я кощусь в сторону Ганна.

– Что вы так суетитесь насчет туалета? – хмурит брови Кевин. Нет, все-таки он не для Вяземки. Весь его вид так и кричит, что он не из России и в такой глуши никогда не бывал.

– Ты в Индии был? – Варя намекает на то, что его ждет за пределами дома.

– Неужели у вас такая антисанитария? – Кевин обнимает ее и смеется.

– Нет, не антисанитария. Но противно и неудобно. Там деревянная будка с квадратным грубо сколоченным стульчаком и дырка в полу, и все это продувается ветром с улицы. Никакого слива, никакого света, никакой системы воздухоочистки.

С каждым произнесенным Вариним словом скепсис Кевина тает на глазах.

– Вы серьезно?

– Погоди пока пугать! – смеюсь над этими двумя чудиками. – Дайте, посмотрю и расскажу, что там и как.

Я разворачиваюсь и выхожу из дома. Свежий холодный ветер с запахом трав возвращает меня в детство, будто через дверь я вышла в прошлое. Начало сентября, все еще тепло, но воздух уже наполнен осенью. Вообще, в это время в природе ощущается потустороннее, ведьмовское, будто за тобой наблюдает кто-то. Химеры любят осень, в это время трава

наполняется магией смерти, так они называют уходящую в сон природу.

Я спускаюсь и иду за дом, уныло отмечая, что все заросло и обветшало. Коровник растащен местными на кирпичи. Когда бабушка Катя построила его, радости не было предела, это была ее личная победа: кирпичный, белый, теплый, он тогда странно смотрелся рядом со старым деревянным домом. А вот и туалет. Наверное, дом рухнет, а этот пенал из досок будет стоять, не потому что на века построен, а потому что такова особенность: сколько раз замечала в деревнях руины бывших когда-то зданий, а рядом притулившиеся кривые и осевшие серые туалеты, как гробы-пеналы. Вот такой странный юмор в России: дома нет давно, а туалет остается.

Я открываю дверь, ощущая шершавую поверхность, чуть дерни рукой – и получишь занозу. И изумляюсь увиденному. Видно, прислужницы первое, что сделали, – это туалет. Я даже не удивляюсь. Марго любит наказывать омерзительными заданиями. Ведь прислужницы – провинившиеся Химеры.

Внутри на заново сколоченном полу стоит белый биотуалет. Смотрится дико и смешно: будто деталь с космического инопланетного корабля. Меня начинает разбирать смех. Марго позаботилась и об этом. И опять всплывает вопрос: зачем так стараться?

– Ну как?

– Прикиньте, там стоит биотуалет. – Я смотрю, как Варя с Кевином распаковывают пакеты с едой. На столе уже стоят

итальянские десерты, бутылки вина, какие-то деликатесы.

– Отлично! Кевин, можешь не паниковать.

Варя облизывается и начинает жевать сыр, срезая складным ножом тонкие лепестки пармезана.

– Мы на сколько тут? – я осматриваю изобилие провизии на старой клетчатой клеенке.

– Дня на два.

– Зачем? – Я удивлена. Столько стараний ради бессмысленного прозябания в глуши на каких-то коротких два дня.

Кевин подсаживается к Варе и начинает есть виноград из пакета.

– Не знаю. Таков приказ Марго. Наверное, хочет, чтобы ты лучше вспомнила прошлое.

Я киваю. Скорее всего, Темная хочет, чтобы я полнее погрузилась в прошлое, чтобы выкинула инквизиторский бред из головы. А вместе с ним и моего Инквизитора из сердца.

– Бред какой-то, – я с тяжелым вздохом падаю на стул рядом с Кевином. – Два дня прозябания в Вяземке с биотуалетом. Мечта просто!

– А ты хотела бы к Виктору? – Варя смотрит на меня своим пронзительным изучающим взглядом. Она знает больше, чем я показываю. Кажется, догадывается, что я охладела к Савову: амнезия прошла, а чувства не вернулись.

Молча хватаю яблоко, украдкой ловя взгляд Ганна.

– Вы тут привыкайте к условиям, а я пойду, прогуляюсь до озера.

И, не дожидаясь их ответа, выхожу. Варя и Кевин стали напоминать мне Стефана и Еву: на людях делают вид, что между ними ничего нет, но наедине – попугай-неразлучники. Поэтому не буду мешать им своим присутствием.

Я иду на озеро, которое местные называют Бродом. А все из-за того, что одно время там тонуло очень много людей, притом пьяных, молодых, дурных на голову. Раньше при обнаружении утопленника говорили так:

– Еще одного водяного выловили!

– Да? А что так?

– Не зная броду – не суйся в воду.

Брод имел странное свойство: если купаться в нем ночью, то не видно берегов, да и дно неровное, только местные знают, где мель, а где глубина с буреломом. А авантюристов и дурных пьяных на наш век всегда хватало.

Я иду знакомой тропой, проходя мимо старых домиков соседей, вспоминаю, кто и где жил. Вот тут обитал пьяница Минька, здесь Олег, тоже любитель выпить и подебоширить, зато к нему вся деревня обращалась, если требовалось подлатать крышу. А тут баба Вера, у нее всегда было вкусное молоко; там братья Егоровы обитали, рядом подружка жила. А вот и местное отделение почты. За этим коричневым зданием с резным крыльцом уходит от дороги тропа, ведущая к Броду. Я снимаю свои кеды и ощущаю теплоту земли. Приятно, свежо, мягко. Трава щекочет щиколотки. Земля словно подпитывает меня энергией. Сразу вспоминаю, как виб-

рировала на Стоунхендже.

Нет, здесь нет энерготочки, но природа все равно чувствует меня.

Из глубин памяти возникает бархатный голос Рэйнольда, когда мы сидели с ним в придорожном кафе: «*Магия – это природа. Нарушение физических законов*». Где ты? Что ты сейчас делаешь? Думаешь обо мне? Или забыл? Проклинаешь? Обижаешься?

Ветер поднимается и начинает дуть в спину. Шелест травы и деревьев напоминает шепот, они гнутся под потоками воздуха. Стрекошущие кузнечики на мгновение замолкают, испуганные яростным ветром. Я останавливаюсь, чувствуя, как порывы стихии обнимают и ласкают мою кожу, как колыхнется юбка, щекоча ноги. Закрыв глаза, превращаюсь в эти ощущения. И вместе с ветром отпускаю шепотом любимое имя: *Рэй*.

Я часто так делаю: то пишу его имя на бумаге, а затем складываю лист в самолетик и запускаю из окна, то вывожу на запотевшем зеркале, наблюдая потом, как оно уничтожится стекающими каплями, похожими на слезы, то шепчу перед сном, то набираю ему СМС и сохраняю в черновиках, будто отправляю. Моей фантазии нет границ. Мне хочется делиться своим одиночеством с окружающей меня действительностью, хочется, чтобы Рэйнольд простил меня...

Я так виновата. Прости меня.

Брод в предзакатных лучах прекрасен. Он – зеркало заходящего солнца, алеет, искрится и сверкает. Трава с полевыми цветами пушится вокруг него. «Лохматая» – даю определение природе. Россия, действительно, непричесанная какая-то. Если в Британии даже дикое смотрится куском задуманного дизайнером ландшафта, то в России все шалое, именно лохматое. Кто-то из поэтов обозвал ее немойтой, не знаю, для меня у нее другое название.

Именно там, в кудрявых зарослях сирени справа от озера, я спасалась от насильников. Их было трое. Обкуренные чем-то парни увидели, как я шла с другого конца деревни домой. Они, словно волки, шли за мной следом, не отставая ни на шаг. Почувяв неладное, подгоняемая страхом преследования, я свернула на тропинку к Броду, думая, что успею убежать и спрятаться. Тем более, у озера должна быть Варя, изъявившая желание искупаться перед сном. Я не соизмерила их силы и свои. Они, наоборот, убыстрили шаг, нагоняя меня, как только почувяли, что ухожу в безлюдное место. А дальше началась погоня, где я кричала имя сестры. Эти звери были очень быстры, я еле успевала опережать их. Когда выбежала к Броду, с холма сразу кинулась в кусты сирени, думая, что они меня потеряют из виду, что смогу переждать в зарослях. Но не тут-то было. Один из троих больше всех жаждал крови и боли, а два его дружка отстали еще на холме. Ломая ветки, царапая руки, чувствуя, как хлещет по ногам до крови, и обжигаясь крапивой, я убегала от этого типа. Боже! Я

никогда не забуду те страх и панику. Даже воспоминаниям, когда я убежала от Саббатовцев и пыталась покончить жизнь самоубийством, прыгнув с крыши, не сравниться с этим.

Мне тогда было пятнадцать. Еще невинна и беззащитна. Он догнал меня и повалил на землю лицом вниз, я же издавала истошный крик, который и услышала Варя, сестра словно почувяла, что мне нужна помощь. Пока эта скотина заламывала мне руки, пытаюсь одновременно стянуть шорты, Варя подскочила к нему сзади. И послала такой мощный заряд магии, что он умер сразу же, корчась в конвульсиях, по телу расцветала сине-фиолетовая сетка вен, как от удара молнии.

То была первая человеческая жертва Вари. Вторая была в тот же год, только зимой, дома, когда уже саму Варю пытался изнасиловать мамин хахаль. Правда, там все обошлось более благополучно для обеих сторон: урод перенес инфаркт благодаря тому, что мама пришла с работы раньше и сразу вызвала скорую, а сестренка осталась невредимой.

М-да...

– Чего стоишь? Кого ждешь?

Веселый родной голос прерывает цепочку неприятных воспоминаний. Оборачиваюсь и вижу, как Варя идет, держась за руку с Кевином. Оба счастливые.

– Я тут подумал, что стоит отметить наш приезд! – Кевин показывает бутылку вина, которую держал в руке.

– А где фужеры?

– И это говорит та, которая упрекала меня в неприспособ-

ливаемости к условиям жизни с вами, – язвит Кевин в ответ. Он улыбается своей прекрасной улыбкой, а в ореховых глазах пляшут задорные огоньки. Тяжело слушать русский язык в его исполнении. Он все больше отрывается от Саббата и прошлой жизни. Еще немного – и, действительно, у нас будет Кеша, а не Кевин Ганн, шотландский мальчик из Блэкберна.

Он берет меня под руку, и мы все трое смотрим на водную гладь озера.

– Потрясающе! Меня окружают две самые очаровательные девушки в мире! Да еще и бутылка вина, закат, озеро...

Кевин произносит все так, будто только что сбылась его мечта. Это вызывает у нас с сестрой смех.

Мы спускаемся к водоему, после чего Кевин с помощью заклинания эффектно выталкивает пробку из горлышка, словно в руках у него шампанское, а не простое вино. Варя закуривает, глядя на озеро, которое в закате стало огненным: наверное, на дне Брода черти разожгли свой инквизиторский костер.

Бутылка идет по рукам, каждый делает глоток. Вино белое сухое, оттого и с кисловатым вкусом; «вкус грусти», кажется, так его однажды определила сестра. Сейчас я согласна с этим. А что еще остается делать глупой девчонке возле Брода, которая потеряла любовь, но взамен обрела сестру? Только грустить...

– Помнишь? – Варя кивает на кусты сирени, в которых она спасла меня. Я тоже киваю.

– А что там было? – по голосу Кевина ясно, что он ожидает какую-то пикантную подробность.

– Я там впервые убила человека.

Варя не говорит, а рубит своей честностью. Кевин смотрит на нее с некой примесью страха, недоверия и изумления. Я пытаюсь смягчить ответ сестры, открывая Ганну правду. Ведь он знает начало истории.

– Помнишь, в Италии я убежала от вас из клуба? – Кевин кивает. Не удивлена. Как такое забыть? Думаю, он помнит еще потому, что я напилась там и танцевала с Рэйнольдом возле открытого пламени. А ведь это было свидание с Кевином, после которого планировалось, что он представит меня Светочу как свою девушку. Но именно тогда все пошло наперекосяк. Оденкирк окончательно заменил Ганна в моих мыслях, я уже не хотела быть ни с кем, кроме него.

– Так вот, я вспомнила тогда то, что произошло здесь, на озере. Трое парней бежали за мной, хотели изнасиловать. Во время погони двое отстали, а один, самый прыткий, нагнал меня вон в тех кустах сирени и повалил на землю. Если бы не Варя, то он бы меня растерзал...

Кевин смотрит то на меня, то на свою девушку.

– И ты его убила? – Он все еще не верит, жаждет подтверждения. И Варвара кивает.

– Она просто перестаралась с даром, – я пытаюсь оправдать ее.

– Хватит меня выгораживать и обелять! Кевин знает, ка-

кая я. И если бы та сволочь снова была тут, повторила бы, не задумываясь. – Варя злая, но в ее тоне слышу незаметную горечь от произошедшего. Сестра отбирает бутылку у Кевина и, глядя ему в глаза, будто проверяя на прочность, делает большой глоток вина. Ганн смотрит и жалеет ее. Между ними происходит немой диалог, который можно озвучить так:

– *Смотри, какая тварь! Убила и не жалею.*

– *Жалеешь. Не обманывайся.*

Иногда кажется, что Варя словно специально перегибает палку, испытывая Кевина и его любовь. Хочет казаться хуже, чем есть на самом деле. И в эти минуты я боюсь за них, потому что если оступится кто-то из них или отвернется, то оба не выдержат и погибнут. Они нуждаются друг в друге, как диабетик в инсулине: это жизненно важно и необходимо.

Варя докуривает сигарету, тушит по-мужски, о подошву сандалий, после чего отходит от нас к месту, где растет мелкая трава, а не высокая осока.

– Анька, смотри, что я умею. Марго научила, – она задорно потирает руки, а затем обращает ладони вниз к земле. – *Ignis!*

Такого я в жизни не видела. От Вари начинает расходиться узор завитками, трава не горит, а тлеет, будто кто-то выжигает. Зрелище потрясающее. Черная снежинка расцветает на земле, где в центре стоит сестра. Запах и дым добавляют спецэффектов.

Кевин впечатлен и хлопает в ладоши. Варя, паясничая, на-

чинает раскланиваться.

– Талант! Очень сложно сделать такой ровный узор, – под-
ходит Ганн и, заключая в объятия, целует свою девушку. Я
же отворачиваюсь, чтобы не смущаться и их не смущать, по-
ка эти двое наслаждаются друг другом. Интересно, когда же
у меня проявится дар? Ведь в Париже я явно стала сильнее.
Мои раны затягивались в течение пары минут. Почему же до
сих пор спит? Может, все эти переживания усугубили и так
затянувшуюся инициацию?

– О чем думаешь? – обращается ко мне Варя, не отпуская
из объятий Кевина. Тот влюбленно смотрит на сестру, кон-
чиком пальца заправляя за ухо ее длинные волосы.

– Думаю о том, что долго знак не проявляется.

– Проявится. У нас с тобой тоже долго не было...

– А если стану Инквизитором? – я, наконец, задаю глав-
ный вопрос, который меня мучает. – Что будешь делать?

Кевин напрягается, смотрит на меня исподлобья, но Варю
не отпускает из-под своей руки.

Сестра молчит и отводит глаза в сторону, каждая черта ее
лица искажена злостью, будто искривили отражение у зерка-
ла.

– Чего молчишь? – пытаюсь выжать хоть что-то из нее.
Знаю, что она сама запуталась, как и я.

– А что ты хочешь услышать? Я искала тебя, перевернула
все вверх дном. Сначала все думали, что ты погибла. Одна
лишь я верила, что жива! Потом не нашли тела, начали га-

дать, где ты. Я ходила, упрашивала Марго, а ты не откликнулась ни на мой зов, ни на ее. Лишь однажды, – Варя выпустила Кевина и, словно опасный зверь, надвигалась на меня, не говоря, а шипя от переполняющих ее чувств, – лишь однажды я смогла прорваться в твой сон, но они опять спрятали тебя. Все сдались. Одна лишь я не сдавалась, сходила с ума, каждый вечер перебирая варианты: что с тобой случилось, что могли сотворить с тобой.

Она встает напротив меня и смотрит злым взглядом глаза в глаза. Я чувствую враждебность сестры, но не настолько, чтобы ее магия была готова выйти за пределы. Варя любит меня, она не способна причинить мне боль, так же, как и я. Если только словами...

– Ты думаешь, я не заметила, насколько ты влюбилась в Оденкирка?

И вот первый удар.

– Варя, прекрати! – Кевин пытается остановить ее. Бесполезно. Ножи уже летят, успевай уворачиваться.

– Я видела, какие ты взгляды кидала на него в суде, знаю, что ты о нем постоянно думаешь.

– Варя! – Кевину не нравится это. Наверное, со стороны выглядит пугающе, будто сестра хочет броситься на меня с кулаками, которые сжимает.

– Ты с ним была лишь неделю. Неделю! Что он успел тебе наплести? Что любит? Жить не может? А ты знаешь, что именно Оденкирк помешал Сакате найти тебя? Ты знаешь,

что это его идеей было вытащить тебя из больницы и сделать Инквизитором?

– Откуда ты знаешь? – последние слова больно вонзаются в сердце.

– Кевин рассказал. Они там все согласились, когда он предложил это в качестве мести за погибшую сестру.

– Варя! – Ганн уже рычит от злости, еще чуть-чуть, и он сам накинется на нее.

– Мне все равно это, – отвечаю сестре, наблюдая, как от ярости сжимаются ее челюсти, а губы кривятся. – Все мы делаем ошибки. Между прочим, ты сама влюблена в Инквизитора, который участвовал в этом фарсе.

Мне показалось, или я услышала, как заскрежетали зубы у Вари. Не знаю, как давно они вместе, но уже настолько въелись друг в друга, что просто стали неотделимы. Коснись одного – затронешь другого.

– Хорошо. Тогда подумай о Викторе.

– А что о нем думать?

– Вот видишь, ты даже думать о нем не хочешь! А он искал тебя не меньше меня. Виктор любит тебя, замуж зовет, и это после того, что ты в его сторону не глядела на суде, что завела интрижку на стороне с врагом, наверняка, спала с ним, – Варя шепчет, чтобы слова не долетали до ушей Ганна, но уверена, тот слышит все.

– Я не хочу Виктора.

– Аня, прекрати себя вести как ребенок. Не хочу конфету,

дайте мне бутерброд с колбасой! Включи мозги и посмотри на реальное положение дел. Твой Инквизитор не примет тебя, если ты станешь Химерой, а если станешь Инквизитором, он не даст тебе общаться с Химерами. И бросит, как только ты надоешь ему. И с кем ты тогда останешься? Ни семьи, ни сестры, ни любовника. Ты с ним была неделю. Всего неделю! Когда с Виктором – год! Я хоть не в восторге от Савова, но он пытается вернуть тебя и борется. С ним будет стабильность. А где твой Инквизитор? Ты хоть слышала от него что-нибудь за эти две недели?

– Нет. – Я готова расплакаться от обиды.

– Если бы любил, нашел бы способ весточку кинуть.

– Он не может, ему запретили со мной общаться.

– Но телефоны никто не отменял. Мог бы через Кевина кинуть сообщение...

Варя говорит равнодушно и отчужденно, будто о погоде. А у меня внутри все сжимается от боли. Ведь, действительно, мог. Если не знает моего номера, то мог через Кевина узнать. Неужели отказался от меня? Неужели не простил?

Варя разворачивается и направляется к тропинке, чтобы уйти. Кевин стоит хмурый, ему не понравилось наше выяснение отношений. Судя по виду, он выскажет это сестре и, наверное, между ними будет ссора. Ну и пусть. Мне ее не жалко сейчас, после того, как медленно терзала меня словами.

– Ах, да, – Варя оборачивается, уже будучи на холме, и

смотрит на меня сверху вниз, – у твоего Инквизитора день рождения будет на следующей неделе. Разрешаю поздравить.

И уходит. Кевин бросает последний хмурый взгляд на меня и медленно идет за своей девушкой.

Остаюсь одна с болью в сердце. И уже не сдерживаясь, плачу, опускаясь на землю в траву, рядом с выжженным узором, который чем-то напоминает Инквизиторское солнце с примесью Химерской луны. Брод уже смотрится темным холодным омутом, ветер пробирает до дрожи. Но мне все равно, я плачу в траве рядом с лютиками и клевером: насмешники и триада¹ – вот и все, что остается в моей жизни.

¹ Лютики – в славянской культуре имеют значение шутки, насмешки. Клевер означает тройственность. Также означает веру, надежду и любовь.

Новенькие

Я наконец-то проснулся. Каждую ночь подсознание пытает меня. Сначала снится что-то отвлеченное либо вообще ничего, но к утру всегда повторяется одно и то же: моя память будто порвана на клочки, и в этих кусочках постоянно Она. Вот я целую девушку на чердаке, ощущая мягкую податливость и привкус крови, вот мы с ней предаемся страсти в номере отеля Нью-Йорка, где целую каждый изгиб девичьего тела, вот ее глаза загораются любопытством, и она спрашивает меня про мир Инициированных на плавучем домике в Китае, а вот финальный мучительный аккорд: Мелани шепчет «прости меня», когда Виктор отгаскивает ее и сажает в машину.

Она уезжает. Исчезает куда-то. Теряю ее из своего поля зрения и реальности. Уж лучше бы сожгли меня, чем пытали разлукой. Где-то там Мелани, и я не имею права даже заговорить с ней. Она совершила ошибку, и я теперь понимаю почему: это следствие моей глупой недомолвки. И вот – мы по разные стороны баррикад. Еще сама Мелани усугубляет мои пытки постоянным ведьмовским зовом. То нахожу свое имя, написанное ее рукой на листе, то оно на глазах выводится на запотевшем зеркале невидимым пальчиком, то выложено лепестками хризантемы, неизвестно откуда взявшимися в моей комнате, то перед тем, как уснуть, слышу ее ше-

пот. В последний раз ветер принес бумажный самолетик с многочисленным «Рэй». Это невыносимо. Я не могу ответить! Мелани, ты сама закрыла мне доступ! Да еще проклятый сенатский запрет на три месяца. Это изводит, лишая сил и остатка разума. Я уже готов броситься на ее поиски. Но еще держусь. Не могу. Это грозит наказанием от Сената, может, даже костром. Три месяца! Только три месяца! А дальше приму ее любую.

Сначала я пытался отвлечься: просился у Реджины, чтобы отправила на дело. Но после суда Сенат не присылал запросов; все Инквизиторы из Саббата, как выразился Гроховски, *persona suspecta*². И я заточен в собственном доме, как в тюрьме: без дела, без радости к жизни, без нее. Меня словно лишили смысла жизни, ввергнув опять в пучину беспроектной тьмы, которая была после смерти Мириам.

Держись, Рэй, не поддавайся. Осталось чуть-чуть.

Прошло совсем немного, всего лишь три бесконечные недели. А если еще причислить неделю, когда она была в Карцере, то практически месяц. Иногда ловлю себя на мысли, что, может быть, я сошел с ума и сам придумал Мелани Гриффит, а все призывы девушки лишь галлюцинации. Тогда открываю телефон и смотрю на фотографии, сделанные в Париже. Как она прекрасна на них: улыбается, чуть капризничает, не желая фотографироваться, но счастливая. Тогда она была моя. Моя девочка...

² *Persona suspecta* – подозрительная личность.

Итак, утро. Через два дня у меня день рождения. Двадцать шесть зря прожитых лет. Зажигайте свечи, несите торт. Наверное, мои что-нибудь затеют. Субботовцы сначала боялись моего поведения, тихого, безучастного ко всему, потом поняли, что так, уходя в себя, я борюсь с унынием и тоской. Даже Ева заметила, что держусь молодцом. Не знаю, что она ждала от меня. Для всех я – прежний, вернувшийся, Рэйнгольд Оденкирк, мрачная тень Саббата.

Делаю привычные движения: просыпаюсь, вспоминаю Мелани, затем встаю, иду в душ, прогоняя остатки сна, одеваюсь тщательно и скрупулезно, заправляю кровать, что-то в стирку, что-то забираю из стирки, иду на завтрак. Чем больше движений и внимания на дела, тем меньше вывожу на передний план мысли о Мел. Одевшись и приведя себя в порядок, я отправляюсь в столовую, чтобы в очередной раз пялиться на Артура и слушать чужие разговоры, поглощая кашу или яйца пашот.

Но сегодня, выйдя из комнаты, первое, что вижу, – открытая дверь в комнату Мелани. На долю секунды вспархивает бабочкой надежда, что она там, вернулась. Но тут же приходит холодное осознание невозможности.

Я заглядываю внутрь: там суетятся две горничные. Одна меняет белье на кровати, грубо скомкав постель, другая вытаскивает одежду Мелани, складывая стопкой на тележку.

Эти две служанки, как первооткрыватели гробниц, нару-

шая покой священного для меня места, варварски уничтожают привычный уклад вещей, оставленный хозяйкой. По сути, они уничтожали дух комнаты, дух Мелани.

– Что вы делаете? – я взрываюсь, как пороховая бочка, напугав обеих женщин.

– Приказ мисс Реджины: убрать комнату для заселения, – та, что у комода, оказывается смелее, быстро придя в себя после грубого оклика.

– Заселения? – Я не верю своим ушам. Кто-то придет? Так мало того! Из двадцати чертовых комнат понадобилась именно эта? – Уходите.

Я еле сдерживаю гнев, стараясь быть по возможности вежливым и не напугать служанок еще больше.

– Что? – спрашивает та, что у постели. А зря. Потому что я срываюсь на крик:

– Вон отсюда!

– Но мисс Реджина...

– Вон отсюда! Живо!

От ярости магия из меня выплескивается, как из переполненного бокала, и кувшин на окне взрывается водой и осколками стекла прямо нам под ноги. Женщины в ужасе. Бледные от страха, они спешат быстрее убраться. Я успеваю выхватить из тележки одежду Мелани. Горничные не уходят, а практически спасаются бегством, оставляя меня в разоренной комнате любимой.

Теперь все не так! Все испорчено и нарушено! Захлопнув

дверь магией, пытаюсь навести порядок.

Резким движением с помощью колдовства заправляю постель. Затем, уже без магии, порывисто, неаккуратно убираю вешалки с многочисленными платьями, блузками, юбками в шкаф. Меня трясет от ненависти к Реджине. Хочется все переколотить, а не ограничиться кувшином.

Внезапно мои пальцы попадают на знакомые кружева: давно забытые ощущения. И я извлекаю на свет черное искрящееся платье, в котором Она была в Италии. Теперь оно бесформенной тряпкой висит на вешалке, а когда-то так соблазнительно смотрелось на хозяйке, подчеркивая тонкую талию и длинные ноги. Закрыв глаза, дотрагиваюсь до кружевной ткани, вспоминая ощущение, когда под ней была горячая кожа девушки, и как Мелани в танце извивалась возле меня, а мои руки бесстыдно изучали ее контуры, путаясь в этих самых складках платья. Все мое существо вспыхивает желанием вернуться в прошлое. Я зарываюсь лицом в платье, глубоко вдыхая и чувствуя запах Ее тела и духов. Боже, это нереально! Блаженство. Как будто Она рядом... Как будто снова обнимаю.

Но это глупость. Это просто дурацкое платье. Не Мелани. Это призрак прошлого. Поэтому, сглотнув ком в горле, осторожно вешаю платье обратно в шкаф. Затем смотрю на разлетевшийся кувшин. С помощью заклинания испаряю воду, но осколки у моих ног по-прежнему блестят, как разбитые мечты. С ними придется повозиться. Не хочу возвра-

щать горничных, мне никто не нужен. Поэтому я концентрируюсь и медленно поднимаю осколки с пола с помощью магии: в свете солнечных лучей они выглядят, как клубящийся рой стеклянных мошек. Одно неверное движение или перебор с силой – и они могут впиться в меня, как хищные насекомые, потом сиди, выковыривай из тела стеклянные занозы. Помогая двумя руками, я медленно опускаю их в мусорное ведро. Отлично! Я еще способен на колдовство.

Я доволен собой и проделанной работой. Оглядываюсь вокруг, подмечая детали. Кресло, купленное для Мелани, я сдал в магазин из-за бесполезности. Поэтому на его месте снова стоит темно-оранжевый неудобный монстр. А на окне завял тюльпан, оставив тонюсенькую ниточку стебля, засушенные лепестки, как крылья бабочки, и черную бесплодную землю. Все. Умер. Нет Мелани, чтобы каждый раз реинкарнировать цветок.

Тоска от разлуки с любимой заполняет все мое существо, так что я, недолго думая, открываю окно и швыряю горшок на улицу, выплескивая наполняющие меня эмоции в одном броске. В этот момент за окном замечаю Реджину, выходящую из своей машины. Горшок с грохотом разбивается у черного седана, чуть не попав на капот. Светоч неспешно поднимает голову и встречается со мной взглядом. Хелмак слышит, как клокочет ненависть во мне обрывками сумбурных мыслей, в том числе злость и на нее, что тронула комнату моей любимой. Я встречаю взгляд Главной и посылаю

ей мысль: «Катись к черту!». После чего закрываю окно, выхожу из спальни Мел и блокирую дверь заклинанием, чтобы ни одна горничная туда не сунулась.

– Что это было? – из комнаты напротив внезапно появляется Курт. Рыжий, высокий, широкоплечий.

– Ты про что?

– Про грохот, – он кивает на дверь комнаты Мелани.

– Ничего. Просто Реджина выбрала бунт.

– В смысле? – в позе Ганна проявляется оживление. Раньше он не был столь мрачен и сдержан. Теперь Курт стал похож на меня. И эмоции редко нарушают этот холодный вид.

– Она решила кого-то заселить в комнату Мелани, забыв спросить меня.

– Хм... Понимаю. Но она директор. Светоч. И это ее школа.

– Да? А когда она человек? – Курт понимающе кивает. – Что за новенькие?

– Не знаю. Реджина взяла кого-то, пока мы без лицензий Сената. Это даст хоть какой-то доход.

– Ты идешь на завтрак? – Курт жмет плечами. Из него слова теперь клещами надо вытягивать. – Ты снова к Джесс уходишь?

Ганн кивает с неким отсутствующим видом, в задумчивости потирая пальцем губы, будто не видит других вариантов, как провести день. Выбор не велик. Я бы тоже куда-нибудь дел себя.

– Думаю, что Реджина захочет нашего присутствия за обедом, поэтому к Джесс я пойду после. Ты тоже особо далеко не девайся, – Курт указывает рукой на дверь Мелани. – Скорее всего, потребует объяснений. Готовься.

Я еле сдерживаюсь, чтобы не послать Хелмак вслух. В итоге понимаю, что говорить с Куртом больше не о чем, исчезаю с лаконичным «бывай» и прощальным жестом.

Последние дни после предательства брата Ганн прозябает на квартире у своей подружки. Он тоже не понимает, как Кевин мог предать нас ради Химеры. Сестра Мелани очень... неприятная особа. Когда я увидел ее на суде, первое, что бросилось в глаза, – невероятная схожесть с любимой, но через секунду понял, что Варвара далеко не ее сестра. Теперь догадываюсь, как они затащили такого ангела, как Мелани, к Химерам. Достаточно взглянуть на Варвару и Виктора.

Любимая защищала меня, покрывала перед Судьями, но и Виктора тоже. Я понял это по Реджине, когда она позвала представителя нашей стороны.

– Если вы хотите спросить, были у меня отношения на Начале с Виктором, когда он был преподавателем? Нет, не было. Он не влиял на мой выбор стороны. Наши отношения возникли позже, когда я уже выбрала клан Теней.

Все стало понятно. Логично. Савов задурил голову Мелани еще на Начале, нарушив закон свободы выбора, влияя на нее и утягивая на свою сторону. Судя по всему, он не любит ее. Считает своей вещью.

– Не подходи, Оденкирк! Слышал? Ты не имеешь права теперь даже быть рядом с ней!

Сволочь. Зверь. Бездушная Химера. Савов, не радуйся, она выбрала тебя по глупости, из-за ошибки. Я не позволю тебе отнять у меня еще и Мелани, как ты сделал с Мириам.

Все эти воспоминания и мысли всплывают постоянно, они бродят во мне, как вино, делая мою ненависть к Виктору и желание убить его крепче. Наступит день, Савов, мой день гнева.

Сначала хочу идти поупражняться в стрельбе, но передумываю, так как Хелмак обязательно оттуда вытащит, и мне достанется за мой поступок. Поэтому я выбираю побег. Заглядываю в библиотеку и вытаскиваю на свет «Портрет Дориана Грея», зачитанный мною до дыр. А затем ухожу в Китай на плавучий домик. В по-настоящему безлюдное место, только ты и природа.

В Китае все та же тишина и темно-изумрудная сочная зелень деревьев. Плеск воды. Нереальная прозрачность озера. Но здесь стало холодно. С исчезновением Мелани сюда пришли ветра. Плавучий домик – место Мелани, ничье больше. Теперь оно неразрывно связано с ней: сюда я приводил ее читать, давал основные знания, которые получаем на Начале, здесь ревностно прятал от Кевина и прочих. Помню, как ловил себя на мысли, что нравится осознание того, что Мелани ждет меня здесь. Это были неправильные чувства: навер-

ное, так радуется маньяк, когда схватывает жертву и держит в ловушке. Помню, как пытался бороться с этим. Но мысль, что хотя бы так делаю девушку своей, не имея на нее никаких прав, поднимало настроение и дарило удовлетворение от собственнического чувства и ситуации, что именно я был ее учителем.

Ревнивый дурак – вот кем я был. Хотя им и остался. Стоит задуматься, что происходит у нее, насколько близка с Савовым, – кровь моментально вскипает и приливает к лицу. Я сразу вспоминаю нашу ночь с Мелани. Мысль, что она может быть нежной с кем-то помимо меня, отравляет воздух.

Я начинаю бороться с этой ревностью и мыслями. Нахожу спасение в книге, пытаюсь отвлечься на текст:

– Дориан для меня теперь – все мое искусство, – сказал художник серьезно.

– Видишь ли, Гарри, иногда я думаю, что в истории человечества есть только два важных момента. Первый – это появление в искусстве новых средств выражения, второй – появление в нем нового образа. И лицо Дориана Грея когда-нибудь станет для меня тем, чем было для венецианцев изобретение масляных красок в живописи или для греческой скульптуры – лик Антиноя.

Почему-то я только сейчас задумаваюсь: так ли уж плох сам Дориан Грей, когда его сделали таким окружающие?

Сколько вины лежит за его падение на других? Раньше

читал эту книгу, как Инквизитор: ты тот, какой путь выбираешь сам. На мой выбор не влиял ни алкоголизм матери, ни сестра, ни кто-либо из учеников или учителей Начала. Я всегда имел свое мнение. Но когда мои интересы помножились на Мелани, я словно взглянул с другого ракурса. На мою любимую проще повлиять, обмануть. Слишком доверчива и беззащитна. Вот и обрубали крылья ангелу...

Я снова достаю из кармана телефон, открываю последние фотографии. Глядя на Мел, тут же отчетливо вспоминаю ее голос, нежность кожи, привычки, аромат, как она ласкалась, словно котенок. Такая маленькая, изящная, что когда обнимал, прятал ее в кольце своих рук. Тоже мне Химера, опасное существо! Да и Инквизитор из нее тоже никудышный. В Мелани нет борца, лишь терпение и стойкость...

Поняв, что снова отвлекся, вернулся на любимый круг Ада, опять принимаюсь за чтение. В этот раз, сосредоточившись на произведении, я все-таки могу уйти от навязчивых мыслей о девушке, при этом незаметно скурив целую пачку сигарет на голодный желудок. Именно перед обедом в крови зазвучал приказ Светоча, чтобы мы собрались в ее кабинете. Захлопнув книгу, я оставляю ее в домике, намереваясь прийти сюда еще раз и почитать. Выйдя во двор Саббата, наталкиваюсь на Стефана и Еву. Не здороваясь, сразу задаю интересующий меня вопрос:

– Кто новенькие?

– Две девушки, – Ева поправляет туфельку, стоя на одной

ноге и держась за Стефана, чтобы не упасть.

– Девушки? – я удивлен. В мире Инициированных есть странная особенность: сторону Инквизиторов чаще выбирают мужчины, а девушки чаще направляются к Химерам. Я это объяснял тем, что женщины не любят правила, чаще подвержены искушениям. Не зря именно Ева сорвала яблоко в райском саду. Правда, почему это допустил Адам, стоявший рядом? Возможно, в этом кроется наша нерешительность: поддаваться искушению?

– Да. Одна брюнетка, другая рыжая, – Валльде сообщает неинтересные мне детали. Наверное, увидела их, когда заглядывала в будущее.

– И что предскажешь насчет них?

На мой вопрос Стефан ухмыляется.

– Еве интересна рыжая, – Стеф странно это произносит, хитро поглядывая на свою подругу. Валльде, закончив возиться со своей туфелькой, теперь скептически смотрит на Клаусснера, сложив руки на груди.

– А что не так? Будет подбивать к тебе клинья? – спрашиваю я у друга, рассчитывая, что моя догадка про ревность Евы правильная.

– Нет. Но она не говорит, – Стефан улыбается, почесывая бороду. Кому-то не мешало бы побриться. Выглядит Клаусснер рядом с Евой небрежно и помято, когда сама Валльде излучает строгость, собранность и нордическую отстраненность в своем белом отутюженном костюме. Невольно так и

хочется обозвать их «Леди и Бродяга». Они даже чем-то похожи на этих мультипликационных героев.

– Пойдемте, – Ева вздыхает и идет к двери, не дожидаясь нас.

– Ну, пойдём, посмотрим на рыжую. – Впервые с тех пор, как прошел суд, у меня возникает живой интерес вместо меланхолии и апатии.

По пути к кабинету Реджины и Артура, к нашей троице присоединяются Курт и Ной – вот и вся инквизиция Саббата в сборе. Мы входим и видим двух девушек, стоящих возле вежливо улыбающегося Артура. Рыжую я замечаю сразу по яркому всполоху волос, она высокая, статная и спортивная. Новенькая излучает уверенность, открыто встречая наши взгляды большими серьезными глазами. Другая стоит рядом, чуть в стороне, будто пытается спрятаться. Девушка ниже своей подруги, ростом с Мелани, и примерно той же комплекции, тоньше и изящнее подруги.

– Проходите, – Реджина приглашает нас всех войти, потому что мы топчемся у входа, как чужие.

Новенькие оборачиваются к нам: если рыжая смотрит открыто, как смотрят на будущих партнеров, то вторая кидает недоверчивые взгляды исподлобья. Опять это мне напоминает Мелани. Хотя девушка была совершенно не похожа на нее.

– Познакомьтесь с нашими новыми ученицами. Сара Луиза Чейз, – Реджина указывает на статную рыжую. Та кивает

в знак приветствия. – У Сары редкий дар: она умеет слышать разговоры из прошлого.

Мы рассказываемся по своим местам, что невольно вызывает у меня ассоциацию, как готовились к суду.

– То есть «умеет слышать»? – Ева удивленно выгибает бровь. Все-таки ей не дает покоя эта Сара. Что же Валльде видела в будущем, что проявляет такой интерес к новенькой?

– Я знаю, что среди вас есть человек, который может видеть прошлое. Так вот, у меня дар наподобие. Я могу только слышать, но не вижу что происходило, – Сара изящно откидывает рыжую медь своей пышной копны.

– А зачем нам дар наподобие Ноя? – Ева бестактна как никогда.

Все удивленно уставились на Валльде, которая не позволяла себе таких выпадов при знакомстве.

– Ной очень полезен Сенату, я посчитала нужным принять запрос Сары, чтобы она помогала наравне с твоим братом, – немного удивляясь вопросу Евы, произносит Хелмак.

Все понятно. Реджина преследует коммерческий интерес. Пока все инквизиторы Саббата сидят без лицензий на охоту, Хелмак выискивает способы получения заказов. Так как Ной, действительно, любимчик Сената, она нашла ему пару, еще одну рабочую лошадку. Шкурный интерес. Ну что же, это понять можно.

– Кстати, Сара, твое обучение продолжит Ной. Он станет

твоим преподавателем в Саббате, – Реджина обращается к рыжей девушке, но на реплику реагирует брат Евы: высокий, худой и с белыми, как у альбиносов, волосами в своем дорогом приталенном костюме он смотрится внушительно. Ной встает с места и кивает Саре в знак приветствия. И теперь осознаю то, что неуловимо присутствует между этими людьми – стать и холодная уверенность. Будто они с одной планеты. Даже ростом подходят друг другу. Отличная пара образовалась, сразу видно – будущие Архивариусы.

– И вторая наша ученица, – продолжает Реджина, правда, мне не понравилось, какой мимолетный взгляд она кидает в мою сторону. – Кристен Деннард.

Девушка выходит чуть вперед, и теперь я могу ее рассмотреть. Если вначале в ее облике я находил схожесть с Мелани, теперь понимаю, как сильно ошибался. Кристен не смущена, а просто не любит внимание, она напряжена и недоверчива. Девушка чуть задирает подбородок и цепляется большими пальцами за ремень джинсов, будто внутренне готовится к критике от нас. Одетая, в отличие от Сары, не в костюме, а в кожаную мотоциклетную куртку, черные узкие джинсы, выгодно подчеркивающие красоту длинных ног. Молодец, детка, я оценил твои старания.

– Кристен только что с Начала, в отличие от Сары, которая пробыла год в американской школе Инквизиторов «Охотники». У нее тоже очень редкий дар, – Реджина практически мурлычет от удовольствия. У меня закрадываются со-

мнения: уж не подвержена ли мисс Хелмак коллекционированию Инициированных с редкими дарами? – Мисс Деннард обладает даром Щита. Так что, Клаусснер, твои шутки на новенькой отрабатывать бесполезно.

Реджина невзначай напоминает о Мелани в первый день знакомства с нами, словно режет меня по сердцу.

– А можно подробнее про Щит? – Стефан улыбается Кристен, намекая, что ищет слабинку для применения своего дара к Деннард.

– Я блокирую дары по отношению к себе, – она хитро улыбается Клаусснеру в ответ. Ее голос мягкий, приятный, даже, можно сказать, свежий, будто колокольчики на ветру. Я отмечаю, что девушка красива, но видно, что непокладиста, об этом говорит ее цепкий взгляд серо-голубых красивых глаз под темными изогнутыми бровями. Немного нахальна. Не люблю таких.

– Все заклинания или только дары? – это уже подключается Ной, спец по теории кинетики Инициированных.

– Только дары, и выборочно.

– Максимальное количество людей?

– Десять.

Курт даже присвистнул. Это круто в столь юном возрасте держать оборону сразу от десяти Инициированных. Кристен довольно ухмыльнулась на его реакцию.

– Сколько пробыла на Начале? – Курт подключается к Ною.

– Три года.

– А что так долго?

– Заминка произошла. Знак долго не проявлялся. А потом я ждала вакансий в Инквизиторских школах.

– А с каких пор у нас стали ждать вакансии? – Ева недоверчиво косится в ее сторону.

– Я просто хотела либо к Охотникам, либо к вам.

Ничего себе разброс! Охотники, или как мы, шутя, их называли, «охотники за головами», были очень сильной школой: там был упор на физические упражнения, а не на разработку даров. По сути, делали солдат. Наша школа была непопулярна. Слишком мало учеников. Только благодаря Реджине, которая держала нас вот уж несколько лет, Саббат зазвучал на устах Инквизиции.

Я и Стефан – одни из лучших охотников, Ной – любимчик Сената, выдерживаемый Архивариусами на дела. Ева – хороший специалист по обрядам экзорцизма, но в остальном, как ведьма и охотница, не блещет талантами. Курт тоже неплох, но часто упускает преступников. Поэтому, не обнаружив явных причин странного желания оказаться здесь, не сдерживаюсь и спрашиваю у Кристен:

– Охотники делают ставку на физическую подготовку, они достаточно популярны. А почему мы?

Внезапно девушка переводит свой взгляд на меня и смотрит в упор, чуть улыбаясь. Я невольно тоже начинаю улыбаться в ответ уголками рта.

– Я фанат одного Инквизитора. Много наслышана о нем. В комнате проносятся смешки и свистки. Я смущенно улыбаюсь и отвожу взгляд. Черт! Девица беззастенчиво флиртует.

– И чем же я удостоен такой чести?

Она откидывает темно-каштановые волосы, скрипя кожаной курткой и продолжая прожигать меня взглядом. Я уже не смущаюсь. Наоборот, меня это забавляет.

– Ни одного промаха в делах для Сената.

– Ну, знаешь ли, в Инквизиции есть и способнее меня: Варлак, Клаусснер, Булутер, Романова, Ковальчук, Грасс... Тебе продолжать?

Кристен жмет плечами.

– Ты симпатичный.

Это вызывает очередной прилив смеха у всех.

Артур, все это время молчавший и следивший за разговором, наконец подключается к нам:

– Стефан, я бы обиделся на твоём месте! Тебя уже не считают за симпатичного.

– Сейчас Ева обидится, – Реджина осаживает брата, чем вызывает еще больший смех. Ева сидит в замершей позе и стучит ногтями по столу, всем видом показывая, что солидарна с Первым Светочем Саббата. – Ладно, прекращаем паясничать. Так или иначе, тебе ее обучать, Оденкирк.

Заявление Реджины вместо того, чтобы успокоить окружающих, вызвало улюлюканье, свист и смешки в мою сто-

рону. Я же сидел и горько улыбался, чувствуя, какую шутку сыграла со мной Светоч. Это месть за горшок, не иначе.

После обеда, когда Курт приглашает девушек на ознакомление с замком, я ловлю момент поговорить с Реджиной, как только все покидают столовую.

– Зачем это?

– Суббату нужно существовать на что-то, вот и взяла учеников.

– Я не об этом, – смотрю на Реджину, которая делает вид, что не понимает. Хотя на самом деле, кто-кто, а уж она знает лучше всех, что творится не только в жизни каждого, но и в голове.

– Тебе нужно отвлечься, Рэйнольд. Посмотри на себя, – кивает на меня. – Ты стал словно призрак. Если остальные считают, что ты справляешься, надевая каждое утро свой безупречный костюм, то я – не все. У тебя же в голове только одно: Мелани, Мелани, Мелани.

На каждое упоминание ее имени она делает легкий удар по столу своей ладонью, но эффект производит страшный: будто мне в голову гвоздь вбивают.

– Ты посмотри, – Реджина тут же ловит мое состояние, – Рэй, ты имя ее даже слышать не можешь!

– Реджина, я люблю ее. И так просто вычеркнуть из сердца и головы не могу, как это делаешь ты с ее вещами из комнаты!

Я взрываюсь. Мы говорим со Светочем на повышенных тонах; уверен, наши голоса слышны в замке, который эхом разносит любой громкий звук.

– Кстати, о комнате! Хорошо, что вспомнил. Что это было с утра?

– Это комната Мелани! Вещи тоже! И ты не имеешь права распоряжаться ими, стоит хозяйке покинуть пределы замка!

– Ох ты! Неужели думаешь, что она вернется? – Хелмак вздергивает подбородок и скрещивает руки на груди. Ее вопрос болезненный: вот уж несколько недель задаюсь им постоянно.

– Да, я верю, – голос-предатель звучит неуверенно.

– Химеры ее тебе так просто не отдадут. Я буду удивлена, если она еще не одна из них. Они хотели ее – они получили и теперь не выпустят живой. Это во-первых. А во-вторых, неужели ты думаешь, что она захочет вернуться после всего, что мы сделали?

– Она любит меня.

– Какая уверенность! – саркастически фыркает Реджина.

– То, что Мелани отказалась от меня на суде, ошибка, просто глупая недосказанность. И ты знаешь это, потому что сама была в суде! Так что не смей, слышишь, Реджина, не смей пытаться оттолкнуть меня от нее.

– Дурак, ты, Оденкирк. Неужели не понимаешь, что я пытаюсь уберечь тебя от ошибок и боли? – Реджина тяжело вздыхает и устало садится на один из стульев. Она смотрит

на меня снизу своими светлыми серыми глазами, которые излучают материнскую заботу. Это остужает мой пыл. – Думаешь, мне не тяжело наблюдать, как ты мучаешься? Ну не дадут вам быть вместе! Вы же на разных сторонах.

– Почему ты думаешь, что Мелани снова станет Химерой?

Реджина опять тяжело вздыхает и отворачивается. Видно, что не хочет говорить свое мнение. Светоч пытается найти доводы, которые уже заранее бесполезны против моего любящего сердца.

– Хорошо. Давай представим, что она снова станет Инквизитором. И что дальше?

– Она вернется сюда.

– Скажи мне, как она будет жить дальше? Она не сможет, как Клаусснер, ненавидеть сестру. Или смириться с потерей, как Курт. Поверь, здесь, – Реджина указывает на сердце, – она очень привязана к сестре, как и та. У нее такая же связь, что у тебя была с Мириам. Ты до сих пор не оправился от ее потери. А уже шестой год идет!

В столовой повисает тишина. Слышно, как в коридоре что-то звякнуло, кто-то прошел мимо, наверху заиграл мобильник, судя по мелодии, одной из новеньких. Именно в эту затянувшуюся грустную паузу я слышу отчетливый зов Мелани: «Рэй», – и ветер проносится по столовой, раскачав люстру и всколыхнув занавески. Секунда, и все затихает, оставляя меня в смятенных чувствах.

– Она тебя зовет? – Реджина оглядывается вокруг, будто

не понимает, что произошло.

– Да...

Зовет, но я не могу прийти или ответить. Это лишает покоя и остатков силы.

Светоч вздыхает, как отчаявшиеся родители, когда их уговоры не действуют на детей.

– Бог с вами! Делайте, что хотите. Комната твоя.

– А что насчет Кристен?

– А что насчет нее? Ты будешь обучать. Девочка талантлива.

– Слишком дерзкая, и мне не нравится, что она... – слово «поклонница» не хочется озвучивать.

– Является твоей фанаткой? – Реджина хмыкает, разглядывая свои идеальные глянцевые ногти. – Зато отвлечет от Мелани. Ты же сам устал от этих мыслей. Разлекайся!

Последнее Хелмак выдает резко и отрывисто, давая понять, что разговор окончен. Светоч встает и, цокая каблуками, удаляется, оставляя меня одного. Отлично! Я теперь должен обучать какую-то нахалку. Не люблю таких. С ними проблем не оберешься.

Я слышу легкий шорох откуда-то из коридора, и через мгновение там проскальзывает тень. Кажется, кто-то стоит за дверью. Я, не раздумывая, быстро встаю со стула и подлетаю к входу, чтобы подглядывающий не успел сбежать. Резко открыв дверь, хватаю шпиона и ощущаю кожаную куртку под рукой.

Щеки новенькой заливают стыдливый румянец, темно-каштановые волосы кажутся черными в тени; девушка смотрит на меня красивыми большими голубыми глазами, но рот кривится в дерзкой ухмылке.

– Подслушивала?

– И подсматривала...

Она вызывающе смотрит в глаза, будто спрашивает: «Ну? Что дальше будешь делать?» Злость зверем просыпается во мне.

– Еще раз будешь подслушивать мои разговоры, я быстро собью твою спесь. И не таких приструнивал!

В подтверждение слов я встряхиваю ее, как куклу, ощущая, насколько сильнее ее физически. Но даже на то, что могу свернуть ей шею легким движением, Кристен смотрит дерзко и вызывающе.

– Ruit! – рычу я. И девушку сбивает с ног мое заклинание, придавливая к полу. Она вскрикивает от беспомощности, но ничего сделать не может. Девушка лежит на полу лицом вниз у моих ног. Для такой нахалки, как она, это унижительно, знаю по опыту.

Я разворачиваюсь и, не оглядываясь, ухожу. Стоит мне выйти из коридора к общей лестнице, как заклинание прекращает действовать и освобождает дерзкую. Но мне все равно, то было воспитательная мера. Кажется, у меня с Деннард будут проблемы.

Мы вытащим тебя

Ночью не спалось совсем, потому что бабушкин дом был наполнен непривычными звуками. Пугающими. Сверчки стрекочут, ветер скрипит чем-то снаружи, машины проезжают быстро, редко и шумно. И все кажется, что сейчас войдет призрак бабушки, шаркая и кряхтя. А еще здесь очень темно. Ведь в городе свет льется в спальню от фонарей, реклам и баннеров за окном, постоянно ездят машины, ходят люди независимо от времени суток. А тут даже электричество не издает свой мерный пищащий звук, нет тикающих часов, и постоянно кто-то копошится: то ли зверь, то ли птица под крышей. Кровать неудобная. Как я на ней в детстве спала? Скрипучая, жесткая, пахнет железом и плесенью. Варя и Кевин легли в сенях на более широкую и новую кровать. Желание остаться наедине у двух безумно влюбленных понятно. Поэтому не претендую на удобство. Пускай нежатся в объятиях друг друга на широкой кровати.

Не выдержав этой ужасной тишины и темноты, я одеваюсь и, крадучись, выхожу на свежий ночной воздух. Надо мной распласталось огромное черное небо с яркими брызгами звезд, словно небесный художник неловко взмахнул кистью. Красиво. Луна желтая, круглая, глядит на меня своим глазом, все видит, все знает.

– У него через несколько дней день рождения... – шепчу

я ей, сидя на крыльце. – Я могу позвонить! Услышу голос. Его голос! Я скучаю по нему, Луна. Очень. Ты скажи ему, что люблю его.

Я замолкаю, утираю слезы и хлюпаю носом. После чего вспоминаю слова заклинания, только они бессмысленны сейчас. Их нужно шептать возлюбленному. Мне все равно, поэтому, шмыгая носом, шепчу себе в коленки:

– Я, Дева-Луна, зову через ветер, зову через звезды, зову через облака: пусть придет в мои сны, в мою явь тот, кто любит меня – Рэйнольд Оденкирк.

Рыдаю снова, опять. Варя жестокими словами вскрывала меня похлеще патологоанатомов в морге.

«Аня, прекрати себя вести как ребенок. Не хочу конфетку, дайте мне бутерброд с колбасой. Включи мозги и посмотри на реальное положение дел. Твой Инквизитор не примет тебя, если ты станешь Химерой, а если станешь Инквизитором, он не даст тебе общаться с Химерами. Он бросит, как только ты надоешь ему. И с кем ты тогда останешься? Ни семьи, ни сестры, ни любовника. Ты с ним была неделю. Всего неделю! Когда с Виктором год! Я хоть не в восторге от Савова, но он пытается вернуть тебя и борется. С ним будет стабильность. А где твой Инквизитор? Ты хоть слышала от него что-нибудь за эти две недели?» – «Если бы любил, нашел бы способ всточку кинуть».

Ну почему я сомневаюсь? Ведь Рэй признался, что любит! Почему? Ведь мог бы СМС Кевину послать. Через Гроховски

же посылал сообщение! Или он боится, что я опять все пойму превратно? Я обязана ему позвонить. Достаточно услышать его голос, чтобы узнать: ждет меня он или нет.

– Не спится? – Я вздрагиваю от неожиданности. Обернувшись, вижу Ганна, который, как и я, вышел завернутым в одеяло поверх куртки.

– Нет. А тебе?

– Слишком тихо в доме. Жутко.

Ганн спускается и присаживается ко мне на ступеньку. Через непродолжительную паузу звучит голос Кевина, глуша стрекотание сверчков. Я стараюсь вытереть слезы и меньше хлюпать носом.

– Ты прости ее за то, что она тебе наговорила. Она действительно с ума сходила, когда искала тебя.

Я вздыхаю. Уже простила. На Варю обижаться долго не умею, как бы больно она не сделала.

– Я смотрю, ты в самом деле сильно полюбила Оденкирка.

Киваю, не в силах произнести хоть что-то. Опять повисает молчание, не знаю, о чем думает Кевин, но я пытаюсь справиться со слезами, чтобы не разрыдаться на плече у Ганна.

– Я ошиблась, Кев, – специально перехожу на английский, чтобы Ганн понял, что я все еще Мелани. Что Гриффит и Шувалова – это один и тот же человек, который не разграничивается амнезией и знанием языков. – Я должна была выбрать Рэя, не Виктора. И Варя это сразу же почувствовала.

– Ты выбрала то, что должна была.

Я смотрю на Кевина, не понимая, что он имеет в виду. Ганн смотрит меня: я не вижу его медового цвета глаз, они в ночи черные, но знаю, что взгляд серьезный. Теплый и заботливый.

– Ты выбрала семью. Я выбрал любовь. И мы на разных сторонах... Невозможно сложить то, что не складывается. Закон выбора суров.

– Да-да, закон суров, но это закон, – вспоминаю крылатую латинскую фразу, в которую Кевин вложил свое понимание.

Да, как-то не задумывалась, что он в том же положении, что и я.

– Ты жалеешь? – спрашиваю то, что съедает меня изнутри.

Кевин как-то неоднозначно жмет плечами.

– Глядя на тебя, понимаю, что тогда бы жалел о потере Варвары.

– Ты ее любишь? – улыбаюсь, не сдерживаясь. Приятно слышать признания в любви, пускай и не к тебе. Мужчины сразу становятся такими милыми, ранимыми. Ты понимаешь, что, несмотря на различие между ними и нами, в любви мы едины.

– Ну... – мнется Кевин, широко улыбаясь. По нему видно все без слов, но я хочу услышать! – Знаешь, иногда приходит глупая мысль, что влюбился в тебя, потому что ждал Варю.

– Какое странное признание!

Кевин смущенно смеется.

– Просто она у тебя нереальная. Со своими тараканами в

голове, но... – он запинается, так как видно, что не находит слов от восхищения. – И как вы не похожи! Я до сих пор не понимаю, как вы можете быть сестрами.

Настала моя очередь смеяться. Многие задаются этим вопросом. Но такова жизнь со своим суровым законом выбора. Просто Варя когда-то сделала его раньше меня, я же сейчас расплачиваюсь.

– Варя сказала, что вы в Италию поедете...

Кевин кивает.

– Поэтому столько итальянской еды?

– Это Лаура прислала.

– Лаура?

Лаура Клаусснер – сестра Стефана. Кевин застаёт меня врасплох. Удивление, граничащее с шоком.

– Она Химера, – напоминает мне Ганн.

– Я помню. Просто не думала, что ты и Варя общаетесь с ней.

– А что такого?

– Как? – Я вспоминаю то, что мне рассказывал Рэй про нее. Для меня Лаура отвратительная личность. – Она же пыталась убить Еву.

– Пыталась, – Кевин смотрит на меня в упор. Поднимается резкий пронизывающий ветер, который пытается забраться ко мне под одеяло, приходится сильнее закутаться, чтобы не продрогнуть окончательно. – Она Химера, как и Варя. Думаю, у каждого на этой стороне есть мертвец на своем счету.

И я отвожу глаза, смотря в черноту ночи, которая шелестит листьями, стрекочет сверчками, лает где-то собакой. Ганн напомнил мне об Анджелине и двух француженках, моем личном списке смертей.

– И какая она?

– Лаура? Красивая. – Это было сказано без явного интереса и желания продолжать тему.

– Значит, ты, Варя и Италия.

– Вряд ли...

– Почему? – я удивляюсь скепсису Ганна.

– Кто нас отпустит? Если только под надзор клана Монакьелли³. Но вряд ли Марго отпустит Варю, как и она не уйдет от Темной... Со мной тоже все сложно.

– Мне не нравится, как ты это говоришь. Будто нет выбора.

От печального тона Кевина, в котором слышится безысходность, меня бросает в дрожь.

– Мелани, кому нужен сбежавший Инквизитор?

– Ну есть же Инициированные, ушедшие в мир Смертных...

– Есть. Но обычно у них есть образование, дом, работа, или же уходят на покой после службы Сенату, который обеспечивает им счастливую старость. У меня ничего нет. Мне неку-

³ Монакьелли – согласно итальянскому фольклору маленькие антропоморфные существа с кошачьими чертами, в длинных монашеских сутанах и маленьких красных остроконечных колпачках. <http://www.bestiary.us/monakelli>.

да уходить. А еще я выдал планы Светоча Темной, между прочим, это карается Сенатом. Пока Варвара укрывает меня как свою пару, Химеры держат меня. Стоит ей отказаться – меня убьют. И вполне возможно, свои же.

То, что Кевин говорил, было страшно. Я и подумать не могла, чем он рисковал ради сестры и меня. Во истину Ганн любит ее!

– Да и Варю не кину.

В этом простом предложении скрывается что-то опасное.

– Что ты имеешь в виду?

– А ты сама не догадываешься? – Он горько ухмыляется, и я замечаю, что ночь идет на убыль, скоро будет рассвет, так как теперь могу рассмотреть цвет глаз Кевина.

– Нет. Я не понимаю.

– Ты в курсе, что Химеры готовят какой-то план на вас двоих?

– В смысле? – я ошарашенно таращусь на парня.

– Два года назад, как вы появились у Химер, по миру Инициированных пронесся слух, что Химеры заполучили оружие против Инквизиции...

– Я знаю эту историю. Ты уже говорил.

Тут же вспомнился номер в отеле Нью-Йорка, когда Кевин увел меня к сестре. Тогда я ничего не понимала, и все, что он говорил, казалось полнейшим бредом.

– Вас прятали с сестрой, берегли как зеницу ока. Тебя это не настораживало?

– Нет... Марго никогда не говорила, что мы оружие или что-то типа этого. Все, как обычно. Да и не прятали нас... – жму плечами. Пытаюсь вспомнить хоть что-то странное и настораживающее в действиях Маргариты, и не припоминается. Ну, может, Темная к нам с сестрой была больше расположена, чем к другим, но вряд ли кто-то будет настораживаться, когда ты в любимчиках у Главной.

– Ну то, что про нас говорили, что мы оружие и так далее, мы с Варей знали и всегда смеялись над этим. Мало ли что придумают люди! Тем более Химеры любят пускать пыль в глаза, преувеличивать.

Я смотрю на Кевина и понимаю, что не убедила.

– Рассказывай.

– Что рассказывать? Все и так понятно. Химеры заполучили тебя и сестру – два самых сильных дара. Субботовцы считают, что вас с сестрой готовят для переворота против Сената.

Я не сдерживаюсь и начинаю хихикать. Неужели Ганн серьезно?

– Кевин, это же смешно! Я и Варя против Сената! Ты о чем? Зачем это Химерам, во-первых? Во-вторых, если бы мы были, как ты говоришь, оружием, то нас бы готовили, как солдат. А ничего нет из этого. В-третьих, мы бы с Варей не пошли на революцию. Не-а! Ни за какие коврижки! И в-четвертых, я же смертная! Мой знак был Инквизиторский, ты сам видел! Стоит ему проявиться, как я уйду от Химер.

Я продолжаю смеяться, несмотря на серьезного Ганна, который буравит меня взглядом.

– Мелани, ты всего пару недель у Химер, а уже сомневаешься в себе и своем знаке.

– В смысле? – Я хоть улыбаюсь, но напугана пронизательностью Кевина.

Он прав: все эти воспоминания будят во мне плохое, я уже не прежняя Мелани. Я что-то среднее между Аней и Гриффит.

– Короче, не говори Варе, – он серьезно смотрит на меня, выжидая знака, что поняла. И я легонько киваю. – У Химер, как понял, помимо вас есть еще какие-то сильные ведьмы и колдуны.

– Удивил! – Я закатываю глаза, всем видом показывая, что открытия он не сделал.

– Нет, Мел, послушай. Короче, один раз я услышал довольно странный разговор Марго с кем-то по телефону. Ваша Темная не знала, что на мне заклинание всеязычия, и я уже понимаю русский. Среди Химер есть кто-то, кого она назвала Кукольником. Якобы он работает на дистанции в тандеме с Психологом над тобой и Варей. Что пара недель – и ты станешь Химерой, только надо правильно выполнять их инструкции.

Пауза. Кевин смотрит на меня выжидаяюще, будто я должна охнуть от рассказанного. Но ничего. Не впечатлил.

– И что?

Глупый вопрос, согласна. Но срывается с губ быстрее, чем я успеваю остановить себя.

– Тебе это ни о чем не говорит?

– Нет. А должно?

Кевин жмет плечами и сильнее кутается. Я замечаю, что птицы начинают петь, радуясь приближающемуся солнцу.

– Странно это...

– Что странно? По-моему, нормально, что моя Темная хочет вернуть меня и верит, что я буду Химерой.

Приступ зевоты напоминает, что мы уже полночи торчим на крыльце дома, и уже клонит в сон. В воздухе к тому же становится влажно. Туман выполз медленно, будто дым, из-под земли и стелется легким маревом.

– Психолог, Кукольник... Почему вам ничего не сообщают о них?

Рот, кажется, сейчас порвется. На меня наваливается нереальная усталость. Хочется спать.

– Мне кажется... ты слишком много вообразил... – Зевота мешает говорить. Все, не могу. Пора отчаливать спать.

– Кевин, я спать хочу.

– Я вижу. Сейчас сам пойду.

Не дожидаясь его, встаю, подбираю одеяло пальцами, чтобы не наступить на него грязной подошвой, отмечая, что от тумана ткань стала влажной, а в ворсинках поблескивают маленькие капельки росы.

– Ты в курсе, что Виктор послезавтра приезжает?

А вот это уже шокирует меня больше, чем кукольники с психологами.

– Виктор? Послезавтра?

– Ну то есть, уже завтра приезжает, – поправляет себя Кевин, глядя на часы, которые скрывают под браслетом Инквизиторское солнце на запястье.

– Зачем?

– Как я понял, за тобой. После того, как ушли с холма, он звонил Варе, так как ты телефон отключила.

Стою, убитая новостью. Вот уж кого не хотела видеть, так это Виктора! Полагала, что ближайшую неделю буду в России. Видно, мое пребывание у Темных закончилось. Клан Альфа просят ученицу к себе. Но тут же в мое сознание врывается другая мысль:

– Кевин, а у Рэя когда день рождения?

– Послезавтра.

Я мысленно отмечаю, что, если улучу момент, то позвоню ему.

– Ты дашь мне его номер?

– Мел, – голос Кевина звенит в тишине утра настороженными нотками, – не вздумай звонить со своего телефона.

– Почему?

– Если Виктор или твоя Темная узнают про звонок, ему несдобровать. Тут же побегут к Архивариусам в Сенат.

– Ты прав, – я соглашаюсь, что мысль разумна. С легкостью могу подставить Рэя, им достаточно будет заглянуть в

мой телефон. – Тогда как мне его поздравить?

– Я дам тебе свой, если хочешь.

И улыбка расцветает на моем лице. Хочется кинуться Ганну на шею и расцеловать в щеки, но вместо этого шепчу: «Спасибо», – и исчезаю в доме, чтобы выспаться перед отъездом из Вяземки.

* * *

– А как тебе эти? – Ева держит в своих длинных изящных пальцах блестящие новые мужские часы.

Я жму плечами и чешу в затылке. По мне, все часы тут хороши.

– Или вот эти? С кожаным ремешком?

– Я бы выбрал стальные. Но откуда я знаю? Может, Рэй любит кожаные ремешки, они удобнее и не звякают. Сама знаешь, как лишний шум мешает, когда выслеживаешь на охоте...

Ева кидает осторожный взгляд на консультанта, которому улыбку будто приклеили.

– Я смотрю, ты очень внимательный друг.

Моя красавица язвит, откидывая прядь волос и открывая взору свою белую изящную шею. Хочется приникнуть к ней губами, почувствовать, как бьется пульс, и вдохнуть запах духов, который сплетается с ароматом ее тела.

– Ева, не понимаю, зачем столько стараться? Даже если

мы купим женские часы или вот эту вазу, он не заметит.

Я киваю на огромное фарфоровое чудовище какого-то сумасшедшего новомодного дизайнера. Объект современного искусства встречает всех входящих своей пузатой формой, заставляя шарахаться в сторону или удивленно пялиться.

– Впервые в жизни мы можем сэкономить на подарке, – улыбаюсь Еве, но та возмущенно ударяет меня по плечу.

– Прекрати, Стеф. Как ты можешь шутить на эту тему?

– А что еще остается? – Я отворачиваюсь в сторону витрин с другими часами, в то время как Ева возвращается к вопросу, какие часы подарить Оденкирку: стальные или с кожаным ремешком.

Я слышу, как она говорит: «Берем вот эти». Оборачиваюсь и вижу, что кожаные убираются на прилавок, а стальные отправляются на упаковывание.

– Я заплачу, – бурчу, пока Ева не успела расплатиться за наш общий подарок. Знаю, что после бутика будет снова возмущение: «Стефан, я вполне могу и сама заплатить». Но мне все равно. Порой моя женщина забывает, что она МОЯ женщина, выдвигая всю свою независимость на первый план.

Пока с моей карты тает значительная сумма, Ева следит за тем, как упаковывают часы. И вот, держа бумажный пакетик с подарком для Оденкирка, подходит ко мне. Сейчас начнется.

– Я тебе деньги переведу в Субботе.

Сказано не для того, чтобы уверить меня в своей честно-

сти, а как напоминание, что подарок общий. Молчи, Стеф, не возражай. Иногда Ева раздражает этим. Хочется, чтобы она дала слабину, и я мог побаловать ее подарками, заплатить за ужин, чтобы вспомнила, что мужчина – я, и могу себе позволить дарить и заботиться о своей женщине. Хотя тут подарок для Оденкирка... Бог с ней! Пускай переводит, если хочет, если это принесет ей удовлетворение. Иногда кажется, что Ева никогда не выйдет за меня. Так и будет держать на расстоянии.

– Надеюсь, Оденкирку понравится. Если нет, подарю эту вазу. И пусть не вякает потом.

Достаю телефон и щелкаю на мобильник фарфоровое чудовище.

– Я смотрю, мистеру понравилась наша ваза.

Оборачиваюсь в немом шоке на голос продавщицы. Нет, не показалось, она серьезно.

– Очень. Я в восторге от этого... объекта!

– О! Это работа известного итальянского скульптора. Называется «Пунктуальность».

– Ну да... Я только так пунктуальность и представлял.

Пузатое чудовище с зеркальными выемками в виде глаз и шипами смотрелось несуразно в строгом швейцарском бутике часов. Понятно, что эта ваза попала сюда не случайно: наверняка, стоит дорого, либо этот самый «известный скульптор» хотел избавиться от неполучившегося творения и подарил уродца магазину.

– Стефан у меня ценитель современного искусства, – Ева похлопывает меня по плечу, обращаясь к консультанту. Я еле сдерживаюсь, чтобы не прыснуть со смеха.

– Если хотите, могу дать вам адрес арт-салона этого художника.

– Конечно, давайте! – Ева протягивает руку, и ей на ладонь ложится визитка, которая через секунду исчезает в кармане белоснежного пиджака. – Стефан, я теперь знаю, где искать тебе подарок к Рождеству.

– Даже не вздумай, – протягиваю, мило улыбаясь.

Вот же шутница! Я беру ее за подбородок и, будто бы в благодарность за заботу, целую в губы, хотя оба издеваемся друг над другом. Уверен, в ближайшем будущем в моей спальне появится такое же фарфоровое чудовище, которое я с удовольствием расколочу или передарю Рэю.

Мы шли к ближайшему кафе, шутя и подначивая друг друга.

– Будешь возникать, я тебе скуплю все произведения этого скульптура!

– Все не надо. Только «Пунктуальность»! Я просто в неопишемом восторге от этой вазы. Такая красота зря простаивает! А вообще, тебе стоит навестить этого скульптора.

– Стеф, неужели в тебе проснулся ценитель современного искусства?

– Нет, милая, во мне проснулся Инквизитор. Судя по вазе,

с этим скульптором нужно провести обряд экзорцизма.

Ева заливается смехом. Мой самый любимый звук во Вселенной.

– Как ты думаешь, Рэйнольдс понравится наш подарок?

– Мне кажется, ему действительно будет все равно. Сама знаешь, чего бы он желал на день рождения.

Ева притихла, и у меня на душе заскребли кошки от недоброго предчувствия.

– Даже не вздумай! Не лезь, куда не просят, – я рычу на Валльде. Это чревато проблемами! Мы и так, можно сказать, отделались легким испугом в суде, а ведь дело могло принять другой, более серьезный оборот. И сейчас я меньше всего хотел, чтобы Ева рисковала или игралась с законом.

– Я и не думаю. Успокойся. Просто мне их жалко... Рэй же без ума от Мелани. И она от него.

– Не надо было этого ублюдка Савова выбирать!

Я не понимаю, почему Ева защищает ее. По мне, Мелани сама виновата. И если ей плохо с Виктором, то так ей и надо! Жаль только Рэйнольда. Понимаю, что у него в душе творится.

– Ты несправедлив.

– Да?! – я восклицаю слишком громко, пара прохожих оборачивается на меня.

– Вспомни, как летом ты торчал на Начале и пытался прорваться ко мне. И каким ты приехал! «Ева, прости! Не могу жить без тебя».

Я останавливаюсь и смотрю в ее жестокое лицо. Ева единственная, кто может меня пытаться словами, издеваться, унижать, и я не отвечаю, потому что, серьезно, жить не могу без нее. Когда она далеко от меня, мне словно воздух перебивают.

– Не сравнивай нас и их! Мелани выбрала другого, я же тебе не изменял.

– Она сделала ошибку в суде. Так же, как и ты, когда удалил ее. Результат тот же: она сейчас наказана удалением от Рэйнольда.

– Ты, вообще, с чего решила, что она раскаивается в выборе?

– Стефан, я вижу будущее. Там, где Рэй, постоянно вертится Мелани. Она словно призрак возле него. То же самое в отношении нее.

– Ты все еще видишь, как Рэй сжигает Мелани?

Ева отворачивается, пытаясь скрыть печаль на своем лице, но я все равно замечаю.

– Да, вижу. Ничего не изменилось.

И мы скорбно молчим, осознавая, что расставание Оденкирка и Гриффит – лишь начало трагедии. У этой пары нет будущего.

– Стефан! Ева!

И я вздрагиваю от прозвучавшего голоса за спиной. Ее еще не хватало на мою голову!

– Лаура? Ты что здесь делаешь? – Я смотрю, как моя сест-

ра отделяется от компании мужчин, среди которых, уверен, есть очередной любовник, и идет к нам навстречу. Отмечаю, что она изменилась. Стала более красивой, опасной и... опытнее, что ли. В ее движениях появилась какая-то зрелая леность хищницы. Полы красного кашемирового пальто развевались подобно плащу римских полководцев.

– Я тут затем, зачем и вы. Отдыхаю, веселюсь, кушаю шоколад.

– Мы тут не отдыхаем, – Ева холодна и вежлива. Сестра улыбается своей восхитительной улыбкой, под которой скрывается ненависть к моей женщине.

– Да? Тогда зачем?

– По делам Инквизиции, – отвечаю я за Еву.

– О! Наслышана о вас и вашем деле в суде. Поздравляю, что остались живы.

– Спасибо.

– Я бы на вашем месте кутила и праздновала это событие. Избежать костра редко кому удается.

– Не сомневаюсь! Уж кто-кто, а ты, наверное, знаешь, каково это.

Лаура, кидающая оценивающие взгляды в сторону Евы, раздражает меня своей наигранной беззаботностью. Поэтому рефлекторно выдвигаюсь чуть вперед, будто пытаюсь закрыть подругу от сестры.

– Ты давно не был у матери, Стеф. Она о тебе спрашивает, беспокоится.

Я киваю. Моя вина. Я, действительно, забросил маму с этой кутерьмой в Саббате.

– Навещу. Не беспокойся.

– Мать все спрашивает, не женился ли ты? Не обзавелся ли детьми?

Она хитро сверкает глазами.

– Нет, не обзавелся. А вот свадьбу планирую.

Я чувствую, как дернулась Ева, но сжимаю ее ладонь, чтобы успокоилась.

– Ева, дорогая, ты как-то устало выглядишь.

– Ну не всем же выглядеть так потрясающе, как ты.

Женщины улыбаются так, будто готовы разорвать друг друга, дай только повод.

Именно в этот момент к нам подходит мужчина в черном длинном пальто с кейсом и в солнечных очках. Любой Инициированный сразу поймет, что перед ним Архивариус из Сената. Мужчина снимает очки, показывая узкие темные глаза. Похоже, кореец...

– Стефан Клаусснер?

– Да.

– Добрый день. Архивариус Кан Син Гю. Я прибыл по обвинению вас Верховным судом мира Инициированных Святым Сенатом в незаконном убийстве Химеры Макса Бёхайма и в сокрытии улики. В связи с этим вы изымаетесь из мира Инициированных в Карцер до суда. Прошу проследовать за мной.

В воздухе повисает напряженная тишина. Я оборачиваюсь и вижу бледное от страха лицо Евы.

– Кто? – сипит Лаура, будто слова даются ей тяжело. Она тоже стоит ошеломленная и напуганная. – Кто из Химер обвиняет?

– Клан Татцельвурм⁴.

– Заклинатели змей...

Я вижу: Лаура знает больше, чем показывает. Не удивляюсь. Оно и так понятно, что Химеры мстят за исчезнувшего Заклинателя, которого я убил летом, когда тот обращал Мелани в Химеру, при этом не закончив обряд и инфицировав девушку, едва не превратив в одержимую бесами. Сейчас Мелани в руках у Химер, и эти твари не упустили возможность отомстить за смерть Заклинателя. Вряд ли они пустят Гриффит как свидетеля. Наверное, наплели Сенату, что я ради забавы прибил Химеру.

Дело дрянь! Я вздыхаю, осознавая, что, возможно, в последний раз вижу сестру и Еву. Молча отдаю пакет с часами невесте и иду за Архивариусом.

– Стефан!

Я оборачиваюсь на крик Евы: она стоит, храбрится, но в глазах стоят слезы.

– Мы вытащим тебя, – внезапно продолжает за нее Лаура. И я не сдерживаю улыбку. Впервые эти две женщины едины

⁴ Татцельвурм – в германской мифологии разновидность дракона, черный змей с головой кошки и двумя кошачьими лапами.

и не ссорятся.

Кукольник

Я вся как на иголках: завтра у Рэя день рождения. Сначала хотела схватить телефон Ганна и, не дожидаясь завтрашнего дня, позвонить ему. Но сдержала себя. Потому что это неправильно. Вдруг он не простил меня? А тут я, заранее поздравляющая его. Нет. Лучше сделать это вовремя, чтобы в любой момент, можно было сказать: «А я просто решила поздравить». Детская отговорка, но спасительная. Да и перед Варей не хочется светиться с телефоном: она сразу поймет, что я звоню раньше срока.

Ну и некрасиво поздравлять за день. В итоге, я убедила себя подождать.

На смену самоуговорам пришла нервозность. Я не знала, куда себя деть. Варя, чувствуя вину за то, что высказала свои мысли по поводу меня и моей влюбленности, весь день молчала и не мешалась. Знаю, она заметила мое лихорадочное беспокойство, и ей это не нравилось, но из-за чувства вины она весь день сдерживалась, чтобы не язвить.

Под конец дня я просто с ума сходила и решила позвонить Нине.

Нина Субботина – единственная подруга из моего клана Теней, если наши отношения можно назвать дружескими. Я вообще мало зналась с сестрами и братьями из Химер, в основном мой круг общения состоял из Марго, Вари, Нины,

Макса и Лены. Все. Не густо. А мне много и не надо было.

Нина и Лена – сестры с разницей в пять лет. Только Нина была в моем клане, а Лена в другом, замужем за Максом и обзавелась ребенком от него. Это редкость среди Химер, которые не любят обременять себя узами Гименея. А уж тем более завести ребенка! Так или иначе, а Лена и Макс счастливы. Аминь.

Макс – простой смертный, Лена – Химера из клана Воронов, сумевшая сделать карьеру бизнес-леди, конечно же, не без колдовства. Мне нравилось бывать у них в гостях и нянчиться с маленькой Катюшкой. Для кланов Воронов и Теней Лена не интересна: как ведьма слаба, да и дар не велик, она слышит ложь, когда человек говорит неправду. Ее сестра Нина обладает даром заставлять людей говорить правду; это намного выгодней. Марго иногда ее вытаскивает, когда кто-нибудь из Химер скрывает свою вину, пару раз ее вызывали в Сенат. Поэтому Нину не любят свои же.

Хотя Химеры никого не любят. Нина очень специфична: долговязая, тощая, с белесыми бровями, чуть сутулая. Она часто окрашивает прядки своих пшеничных волос в разные цвета акварелью. Некрасива по сравнению с Леной: когда они обе были рядом, складывалось ощущение, что старшая забрала всю красоту, и младшей достались лишь остатки. Лена, кстати, очень напоминала Еву лицом и некоторыми повадками. Возможно, поэтому к Валльде я чувствовала родство с самых первых минут знакомства: просто та подспудно

напоминала мне Лену Субботину.

Нина же была нелюдимой и самодостаточной Химерой. Всегда держалась особняком, в первую очередь от своих же сестер и братьев, предпочитая им странных знакомых из мира смертных: могла и вовсе исчезнуть на несколько дней и не появляться дома, зависнув на квартире какого-нибудь гота-поэта или в «Кипятильнике», излюбленном месте наркоманов, фриков и прочего сброда. Уж не знаю, что она находила в этих людях, но что-то тянуло ее к ним.

– Нина, приди и забери меня куда-нибудь.

В трубке послышался хруст семечки и плевков.

– А что так? – голос у Нины грубый, как у курильщицы. Но она не курит. Голос у нее такой с детства, когда одноклассники ради забавы заперли ее в каком-то ящике в безлюдном доме. Шутники думали, что Нина сможет выбраться, но она там проторчала ночь, получив серьезную пневмонию.

– Тошно. Забери! Не могу сидеть дома.

И снова хруст и плевков.

– Хорошо. Сейчас буду.

Не прошло и получаса, как она появилась на пороге в своей излюбленной черной куртке и порванных на коленках джинсах.

– Пошли.

Ни здравствуй, ни до свидания. Субботина лаконична и замкнута, как всегда.

– Куда?

– У Сопатыча сегодня вечеринка.

Сопатыч, или Владик, был Химерой. Этот парень выращивал дома марихуану и торговал ею из-под полы. Имел дар кинетика-хамелеона: мог видоизменять дар оппонента. Один раз он изменил мой дар с регенерации на трансформацию. И вместо того, чтобы излечить одного парня после драки, я случайно превратила его кожу в рыбу. Хорошо, что это было на пару секунд (на большее время дар Сопатыча не способен), но все равно было жутко. Короче, Владик – противный товарищ. Но среди Химер достаточно адекватный.

– Вечеринка у Сопатыча? Шабаш?

– Не, просто туса.

Поразмыслив пару секунд, я согласилась. И вот мы выходим в главный офис клана Теней через портал. Пройдя по темному коридору, через окна которого светят уличные фонари Москвы, мы доходим до нужного кабинета с номером «32» – квартиры Сопатыча. Нина нажимает на ручку двери и открывает ее: грохот музыки оглушает моментально, также щекочет нос неприятный запах жженой марихуаны. Некоторые гости танцуют, некоторые сидят на полу и разговаривают, кто-то целуется, кому-то уже плохо. Жарко и душно. Первыми, кого замечаю в этом полумраке, где темноту освещают лишь красные лампочки, добавляя жути Химерской вечеринке, – брат и сестра Вёрт. Эти двое славятся извращенными сексуальными вкусами: спят друг с другом. Они давно уже продали души, получив выгоду от сделок:

один расширил свой дар, вторая, как поговаривают, получила что-то вроде вечной молодости. Экономия на салонах красоты. Дуэт Вёрт – это воплощение Дориана Грея. Неприятные. Они стоят у стенки и лапают друг друга, готовые заняться сексом прямо здесь. Омерзительно! Под их тяжелыми взглядами мы с Ниной проходим вглубь ада: в самый центр вечеринки. На полу сидит Лика, одетая во все черное, увешенная пентаграммами, с черным намалеванным ртом. По взгляду понятно, что она обкурилась и ничего не соображает. Лика промышляет услугами ведьмы для смертных: приворот, отворот, гадание на картах, родовые проклятия. Этим многие у нас занимаются, если ты недостаточно талантлив, как Инициированный, и не имеешь сильного дара.

Судя по вечеринке Сопатыча, тут всякий сброд из Химер. Сильных магов нет. Они обычно куда размашистей устраивают праздники. Да и не водятся они с мелкими по рангу или отъявленными извращенцами, типа Вёрт, которые готовы совокупляться чуть ли не у всех на виду.

– Нина, что мы тут делаем?

– Ты хотела развлечься.

– Ага, но не на квартире с марихуаной и пьяными колдунами-извращенцами.

В этот момент с диким грохотом под взрыв всеобщего смеха кто-то выломал дверь туалета. Заряд магии пролетел мимо и отрикошетил от стены. Вот еще одно подтверждение, что здесь придурки и неучи. Только слабый маг может про-

махнуться с заклинанием. Хотя пьяный тоже может...

– Мы тут ненадолго. Нужно кое-что.

– Давай по-быстрому! А то я уже не рада, что к тебе обратилась.

Нина кивает и исчезает. Я стою столбом, не зная, куда себя деть в этом притоне. Какая-то ведьма пытается закурить и поджигает себе волосы. Тут же льется отборный мат, а колдун рядом ржет, перекрывая музыку. И все это в грязной квартире, где нет мебели, но зато куча мусора в виде стаканчиков, бутылок, окурков, даже шприцов. На подоконнике тухнет закуска из нарезанной колбасы, селедки и огурцов.

– Ну что? Выпьешь?

На меня наваливается парень с дредами. От него пахнет йодом. Неприятно, как и он сам. Парень протягивает мне пластиковый стаканчик с чем-то красным. Я принохиваюсь к жидкости.

– Что это?

– Суть всего живого.

Он хитро улыбается. Я макаю кончик пальца в жидкость и подношу к носу – опять ничего. После этого решаюсь лизнуть. Вкус странный, кисло-соленый. Парень продолжает загадочно улыбаться.

– Что это? – повторяю я вопрос.

– Змеиная кровь с вином и чем-то еще. Ну и немного магии! – внезапно появившаяся Нина выхватывает пластиковый стаканчик и выпивает залпом. Парень издает радостный

ключ в ее честь. Меня же передергивает от осознания, что я это чуть не выпила.

– Ты сделала, что хотела? – обращаюсь к Нине, которая начинает подтанцовывать под электронную музыку.

– Нет. Надо подождать. Должен чувак один прийти.

Я тяжело вздыхаю и оглядываюсь в поисках места для себя. В итоге решаю сесть на один из подоконников, забравшись с ногами и привалившись к холодной стенке. Нина тем временем ловит какую-то девицу с жутко размалеванным лицом и красными волосами и что-то спрашивает. После чего подходит ко мне и говорит:

– Должник мой пришел. Пойду, поговорю с ним.

– Должник?

– Да. Был один, требовался мой дар. В обмен я получу одну книгу.

– Что за книга?

– Да один старый заклинательский сборник. Давно гоняюсь за ним...

– А-а-а...

Забыла упомянуть, у Нины была одна страсть – книги Инициированных. Особенно она любила старые фолианты, написанные Химерами и Инквизиторами о расширении магии и даров. Из некоторых она вылавливала довольно забавные заклинания и нужные советы. Например, если нажать серебряной, специально заговоренной монетой на свой Знак, то можно получить на пару секунд обратный дар – дар сест-

ры или брата. Помню, Варя так баловалась: я несильно резала себе палец, а она исцеляла. К сожалению, только на царпины дара и хватало.

Когда Нина ушла из комнаты, я осталась в комнате одна с кучей странного народа: кто-то шастал туда-сюда, кто-то танцевал, кто-то колдовал, а кто-то дымил косяком, запивая коктейлем «Суть всего живого». Надо отдать должное, вся эта кампания отвлекала от мыслей о Рэе и звонке ему. Больше думалось о том, чтобы Нина побыстрее получила свою чертову книгу, и мы ушли отсюда.

– Клади ее сюда! – Сопатыч указывает какому-то парню на место возле моего окна. Они тащат какую-то девицу без сознания. Наверное, напилась или обкурилась. Когда ее кладут, привалив к стенке, вижу, что руки у нее все изрезаны в кровь, а сама она бледная и костлявая.

– Что с ней? – я в ужасе таращусь на девушку.

– О! Анька! – Владик радостно разводит руками. Его шатает от выпитого. – Давно не видел тебя, бестия!

– Привет-привет, – уныло отвечаю, не отводя взгляда от девушки. – Что с ней?

– Да анорексичка чертова, с суицидальными наклонностями. Ее Дракула привел. После косяка стала себе руки резать. Ну наши и поперли на дармовщину: когда тут смертный бесплатно кровь раздает? Как упыри прямо! Еле оттащил.

«Наши» – под этим подразумевались те, которые продали душу Ламии, демонице, взимавшей плату человеческой кро-

вью. Я знаю, что были в кланах Воронов и Темных любители отдать ей душу и стать последователями, взамен получая то, что хотели.

Я морщусь от сказанного Сопатычем. Это даже хорошо, что девушка обкурена до бессознательного состояния, значит, она не будет помнить всей этой дряни. Владик бурчит, чтобы я присмотрела за анорексичкой, а сам уходит куда-то.

– Смотри-ка, они все-таки порезали ее, – доносится из угла женский голос. Я поворачиваюсь и вижу Лику с той девицей, у которой красные волосы.

– Да нет! Она сама сделала. Слышала, как рассказывал Сопатыч.

– Идиотка, – Лика издевается над смертной. – Как думаешь, она что-нибудь чувствует сейчас? Или ничего?

– Зачем тебе?

Лика закуривает обычную сигарету и взглядом указывает на нее красноволосой.

– Проверим? Прижжем сигареткой?

И обе, словно звери, со страшным взглядом идут к смертной.

– Не троньте ее! – Я вылезая из своей засады и преграждаю путь к девушке.

– Ты еще кто такая? – девица с красными волосами смотрит на меня вызывающе и самоуверенно. Я же чувствую, как во мне поднимается страх. Ведь я не ведьма сейчас, так же беззащитна, как эта анорексичка на полу, и не смогу дать от-

пор этим двум Химерам.

– Это Шувалова, – говорит Лика, которая внезапно при-
смирела при виде меня.

– Кто?

– Шувалова. Одна из близняшек. Я тебе рассказывала.

– А-а-а! Наша панацея? Или оружие массового пораже-
ния?

– Да тихо ты! – шикает на нее Лика, одергивая за руку. –
Чего тебе?

Она обращается так, будто не обо мне сейчас речь шла.

– Я сказала: оставьте в покое смертную.

– Да мы ее пальцем не тронем!

Эта, с красными волосами, начинает хохотать, будто Лика
сказала потрясающую шутку. Притом заходится в смехе так,
что начинает утирать слезы.

– Оставьте ее и уходите, – я стараюсь говорить тихо, твердо
и уверенно, не показывая страха.

– Э-э-э! Очумела, что ли? – красноволосая все никак не
может уgomониться: ее кидает из крайности в крайность. Те-
перь она возмущается, будто я оскорбила ее самыми непри-
стойными словами.

– Успокойся, Даш! – Лика одергивает свою подружку. –
Хорошо, как скажешь, детка, мы уйдем! Смотри, уже ухо-
дим!

Она, ошалело улыбаясь, поворачивается и тащит Дашу к
выходу. По пути к двери я все еще слышу их обсуждение:

– Да кто она такая? Раскомандовалась! Я ее вмиг в порошок сотру!

– Заткнись, дура. Она из высших. Ее Марго облизывает, как кошка своих котят. На нее работает Кукольник...

Слово звучит подобно выстрелу. Сразу вспоминаю ночной разговор с Кевином. Да кто он такой, этот Кукольник? Кажется, еще там был какой-то Психолог...

– Чего стоишь, рот разинула? – Нина незаметно оказывается рядом. В руках держит тонкую серенькую брошюрку, напоминающую цветом и форматом школьный орфографический словарь.

– Нина, сделаешь одолжение?

– Какое?

– Мне нужно узнать кое-что. Мне нужна правда.

Нина жует жвачку, громко чавкая, с открытым ртом. От этого становится похожей на человека с ЗПР: стеклянный взгляд, механическое пережевывание, большой открытый лоб из-за косичек, которые заплела сегодня.

– Окей. Кого будем спрашивать?

Субботина никогда мне не отказывала в даре, как и я ей. При этом все делала бескорыстно. В этом и заключалось ее понятие дружбы. Она никогда ничего не просила у меня взамен. Так же и я, хотя мы обе не ночевали друг у друга, не сплетничали о парнях, не обменивались сообщениями – короче, не делали того, что обычно делают подруги. Мы с ней скорее напарницы, боевые товарищи.

Я оглядываю комнату в поисках Сопатыча. Словно по заказу, он появляется в дверях и идет к нам, точнее, к анорексичке, которая все еще лежит на полу в очень неудобной позе.

– Ну что? Пошли домой! – Владик наклоняется к смертной, будто та сейчас очнется и ответит ему. После чего подзывает какого-то бугая, и тот, перекинув несчастную через плечо, уходит.

– Владик! – зову я Сопатыча, который был готов покинуть нас. – А куда он ее понес?

– К ней домой. Сейчас сдаст на ручки папе с мамой. Не беспокойся, Миша ответственный, не бросит ее где-нибудь.

– А-а-а... – тяну так, будто мне это интересно, а сама кошусь в сторону Нины.

Субботина сразу понимает, что от нее требуется и принимает сосредоточенный вид, буравя взглядом Сопатыча.

– Влад, слушай, ты, может быть, в курсе: здесь девчонки были, они упоминали некоего Кукольника, который работает с Марго. Это кто? Новенький?

– Новенький? Нет, – интригующе тянет довольный Сопатыч, не подозревая, что уже находится под воздействием Нины. – Кукольник? О, милая моя, это мистическая личность!

– Да? И чем же он «мистическая»?

– О нем лишь слухи витают, – Владик говорит тихо, практически соблазнительно шепчет на ухо, приобняв меня за плечи. От него пахнет марихуаной и кисло-сладким одеко-

лоном.

– Да ты что? И что за слухи? – я начинаю заигрывать, игнорируя неприятные ощущения от прикосновений Сопатыча.

– Якобы на нашей стороне появился сильный колдун. Никто его не видел, никто его не знает, но он, если захочет, будет знать тебя.

– Это как?

– Технику вуду знаешь?

– Ну... имею представление.

– Здесь то же самое. Делает куколку, пишет твое имя и с помощью дара влияет на тебя.

Словно рядом услышала голос Кевина: *«Среди Химер есть кто-то, кого она назвала Кукольником. Якобы он работает на дистанции в тандеме с Психологом над тобой и Варей»*. Во рту пересохло от страха. Неужели Ганн прав? Бред какой-то!

– А что означает «влияет на тебя»?

– Ну, знаешь, есть такие Инициированные, с телепатией или с психологической сенсорикой: якобы вкладывают свои мысли тебе в голову или заставляют действовать так, как им нужно?

Я киваю, не в силах подать голос от страха, что даже знаю одного такого.

– Как я понял, здесь то же самое.

– То есть Кукольник управляет человеком на расстоянии

с помощью куклы?

Сопатыч довольно улыбается, сам будучи под воздействием Нины и не догадываясь об этом. Додумается он позже, если вспомнит или осознает, что сболтнул лишнего.

– А Психолог? Это кто?

– Впервые слышу! А что? Проблемы с психикой?

– Нет, – смеюсь я. Хотя его вариант имеет место быть. Давно подозреваю, что мне пора в дурдом на постоянное место жительства.

– Ладно, Владик, мы пойдем. Спасибо тебе! – я вижу, как расслабляется Нина, прекращая влиять даром на Сопатыча.

– За что спасибо-то?

– За все! – смеюсь я, утягивая Нину за рукав к двери.

– А! Ну бывайте! Приходите еще, девчонки.

Мы практически вываливаемся из квартиры Сопатыча в офисное здание Химер. Резкая тишина коридоров с раздающимся эхом странно оглушает после громкой вечеринки Владика.

– Э! Ты куда? – басит Субботина, наблюдая, как прохожу мимо двери, ведущей домой.

– Прогуляться хочу. Я вся провоняла марихуаной и прочей дрянью! – Во мне просыпается задор. Не хочу сразу домой, выбираю путь длиннее: пройтись и освежиться через весь город.

Субботина идет за мной. Обе слышим, как снова открылась и закрылась дверь квартиры Сопатыча, выпуская в ти-

шину здания чей-то крик: «Ну и катись к черту!» Кто-то покинул вечеринку, торопясь убраться оттуда. Может быть, и к самому черту. У Химер и это возможно.

Мы с Субботиной пробираемся к черному ходу и выходим на улицу. Свежий влажный воздух будоражит. Только что прошел дождь, и в свете фонарей искрятся лужи.

Нина достала и уткнулась в добытую книгу, я же стала ее поводырем, чтобы она случаем не врезалась в кого-нибудь из прохожих. До метро обе молчали, каждая в своих мыслях.

– Как понять, есть на тебе воздействие или нет? – Мы ехали до Тушинской в полупустом вагоне. Нина не отрывалась от своей книжки, что-то сосредоточенно вычитывая.

– Как получишь кирпичом по голове без помощи рук, тогда и поймешь.

– Вот ты воздействовала сейчас на Сопатыча. Он даже не почувствовал!

– Он это поймет позже... – бурчит она, перелистывая страницу.

– А как почувствовать?

– Ну разные способы есть...

– Какие?

Нина наконец-то отрывается от книги и смотрит мне в глаза.

– Можно заклинание произнести одно, оно покажет: находишься ты под воздействием сейчас или нет. Если надо на более долгий период, можно амулет сварганить.

– Я вот смертная сейчас. Ничего не могу. Как мне узнать?
Нина тяжело вздыхает и поднимает глаза к потолку.

– Думаю, никак. Если только, типа, заклинания. И то, это проверка на данный момент, а не постоянное отслеживание. И кровь твоя, наверное, нужна будет...

– Хорошо. Бери! – протягиваю ей руку. Нина недоуменно пялится сначала на мою кисть, затем на меня.

– Не-е-е... Я не знаю заклинания и что нужно делать. Это надо искать в книжках.

Я горько вздыхаю и снова засучиваю рукав так, чтобы ладонь спряталась в рукаве куртки. Одеваться я стала, как раньше, не отличаясь от Нины: черная большая кожаная куртка, напоминающая мотоциклетные, в которую очень удобно кутать свое тощее тело, серая безразмерная футболка, подарок сестры с цитатой из песни группы «Сплин»: «Прочь из моей головы! Над Москвой на метле, через тернии к звездам», черные джинсы и кожаные тяжелые ботинки. От Гриффит ничего нет. Ее кружевные платья и блузки остались в Саббате. Меня как девушку печалит этот факт. Все-таки я тряпичница.

Люди входили в вагон, садились, уныло замирали и снова выходили, сменяя друг друга. Мы ждали свою очередь рядом с ними. Ощущение одиночества: вот они, люди, но каждый в себе. Я не выдерживаю молчания.

– О чем хоть книга?

– О кинетике.

– И что там? А то сидишь, ушла туда с головой.

– О магии, о том, как она в нас развивается, как блокируется, как можно стать смертным и, наоборот, как можно смертного сделать Инициированным.

– А такое возможно?

– Ну... Пишут, что были такие дары, правда, это было чревато для Смертного и чары действовали на пару минут.

В эту минуту слышим объявление нашей станции.

– Пойдем, – и Нина убирает книгу, мы плетемся к выходу.

Двадцатое сентября. Утро началось с мысли: «Позвонить Рэю». Но посчитала, что если позвоню ему в четыре часа ночи, он вряд ли будет рад. Хотя у меня семь часов утра.

Решила подождать, мучимая мыслью: желанна я ему еще или нет?

Коротала время, как могла. Закончилось тем, что я напекла всем на завтрак блинов. Варя вышла из спальни на запах, толком еще не проснувшись. Я тарасилась на сестру и поражалась, как она может быть такой томной и соблазнительной, еще не умывшись и не причесавшись, одетая в свой черный атласный халат и ажурный пеньюар. Я так не могу! С утра у меня обычно воронье гнездо на голове, лицо опухшее, помятая, а во рту кисло. Никакой сексуальности и в помине нет!

На часах время нещадно шло к обеду, а Кевин с Варей только проснулись, лениво почесываясь и зевая!

Сестра сразу же стала поглощать блинчики, оценив мое

мастерство и заботу. Ганн, заметив мою нервозность, понял ее причины и взглядом указал на спальню, улыбаясь своей фирменной мальчишеской улыбкой.

– У тебя какие планы? – крикнула Варя, когда я, сделав вид, что пошла в свою комнату, рванула в спальню сестры. На прикроватной тумбочке вожаделенно сверкал смартфон Ганна.

– Не знаю. А что? – схватив телефон, я решила поскорей убраться из их комнаты.

– Сегодня Виктор приезжает.

– Да. Знаю. – Я заглянула в кухню, поймала взгляд Кевина и незаметно для Вари подмигнула ему. – Так или иначе, я никуда не собираюсь. И он может мне позвонить сам, если что изменится. Ладно, пойду к себе, книжку почитаю.

С этой фразой я исчезаю в своей комнате и закрываю дверь. Меня лихорадит от нетерпения. Посчитав время, понимаю, что в Саббате уже восемь часов и звонить можно. Открываю телефонную книжку и ищу его. Среди множества имен нахожу заветное «Рэйнольд». Сердце готово взорваться из-за бешеного ритма. Звоню...

* * *

– То есть вы даете Стефану Клаусснеру только положительные характеристики?

– Именно.

– И вы никогда не замечали в его действиях превышения Инквизиторских полномочий?

– Нет. – Щелчок зажигалки, Реджина затягивается через свой длинный мундштук. Мы все взвинчены. Стоим мрачные и пялимся на Архивариусов, допрашивающих нас. Ева сидит белая как мел, с широко открытыми глазами и крепко сцепленными руками. Подхожу к ней и в знак поддержки кладу руки на плечи. Валльде вздрагивает и оборачивается посмотреть, кто рядом с ней. Потом улыбается мне в благодарность и кладет свою холодную руку поверх моей. У меня отличный день рождения! Вечеринка в самом разгаре.

По делу Стефана глухо. Реджина покрывает тех, кто был свидетелями убийства Заклинателя, а это я и Ева. Потому что мы не можем доказать, что спасали жизнь Мелани. На словах все получается гадко: Стефан из-за личной неприязни к Химерам убил колдуна-немца. Прокололся Клаусснер на входной двери, где остались следы его магии. А я ведь его спрашивал: все он зачистил, ничего не забыл?

Химеры после того, как мы проиграли дело Мелани, не упустили случая добить лежачего. Им не понравилось, что Саббат вышел сухим из воды, что ни один Инквизитор не сгорел. Вот теперь решили отыгаться на Стефане.

– Мисс Хелмак, тогда зачем вы отправили его на Начало?

– Просто нарушение порядка школы.

– Какое?

– Он ударил смертную.

– С каких пор стали так наказывать? Ведь, скажем так, провинность не достойна удалением из школы.

Твою мать! Этот кореец хитрый, как черт. Знает, на что жать. Мы находимся в кабинете вместе с новенькими, которых это дело вообще не касается. Но таковы правила, при допросе обязаны присутствовать все. Так же в комнате, помимо Инквизиторов, находятся кореец-Дознаватель и два его помощника: неизвестный мне Архивариус и Тогунде, который был Дознавателем по делу Мелани. Эти двое следят за нами, чтобы не было воздействия, магии и всяких разговоров и общенных знаков. Сейчас они допрашивали Реджину. Очередь Евы уже прошла. А вот мне предстоит еще отвечать на вопросы Сената.

Именно в этот момент заиграл мой мобильный, тут же привлекая всеобщее внимание и поднимая злость внутри: кого еще черт дернул?

Достаю телефон, готовый скинуть номер, как тут же взгляд задерживается на имени звонящего: Кевин Ганн. Я, как баран, смотрю на дисплей.

– Простите, у Рэйнольда Оденкирка сегодня день рождения, – Реджина обращается к Дознавателю, после чего обращается ко мне. – Звонит твоя мама, дорогой?

Сообразив, что требуется соврать, я отпрашиваюсь у рядом стоящего Тогунде:

– Можно, я отвечу на звонок? С утра жду его.

Тогунде в недоумении смотрит на напарника, тот кивает

в знак согласия, после чего взглядом спрашивает у Дознавателя.

– Да, конечно, ответьте, – кореец взмахом руки разрешает выйти. Я кидаюсь из кабинета под трезвон своего телефона и останавливаюсь в замешательстве у выхода: за мной следует Архивариус. – Тогунде вас проводит. Простите, но таковы порядки.

Просто отлично! Я киваю и выхожу в коридор, смиряясь с тем, что разговор будет проходить под надзором Сената.

– Да?

Готовый услышать знакомый тембр Ганна с беспечными юношескими нотками я застываю в шоке, когда в трубке звучит ЕЕ голос. Мое сердце забывает, как надо стучать, сбиваясь с ритма.

– Рэйнольд? Это я, Мелани.

Все, что я могу сказать, это сухое «да». На меня, не отрывая взгляда, пялится Тогунде, будто надсмотрщик в тюрьме. Сложив руки в ожидании, он замер, весь превратившись во внимание. Сама собранность. У меня же пересыхает в горле, и руки дрожат, но стараюсь не показать свою нервозность и радость, что могу слышать ее.

– Я звоню поздравить тебя. Слышала, что у тебя сегодня день рождения...

Ее голос мягкий, тихий, неуверенный, но такой родной, такой реальный. Где же ты, Мел?

– Да. Спасибо.

В трубке повисает пауза. Я слышу ее дыхание и понимаю, что она в замешательстве. Не молчи, милая, не молчи!

– Как у тебя дела? – первым нарушаю эту тишину. Мои мысли путаются, в голове полный кавардак.

– У меня? Ничего... Нормально. А у тебя?

– Я... соскучился.

Это единственное, что могу сказать ей, малую толику того, что чувствую. В трубке снова молчание. Слышу тихие всхлипы. Она плачет. Просто невозможно! Я не могу ее успокоить, и от этой беспомощности чувствую себя взвинченным, к тому же еще больше нервирует Тогунде, который уже дернул рукой, глянув на часы: показывает, что пора заканчивать разговор.

– Прости, но не могу говорить сейчас.

– Ты занят?

– Да.

– Может, мне перезвонить?

О боже! Я хочу этого! Но нельзя. Я не знаю, сколько пробудут тут Архивариусы. Да и опасно. Клаусснер уже в Карцере. Мне еще не хватало там оказаться. Боюсь, как бы Архивариусы не оставили здесь кого-нибудь из своих или не поставили на нас какие-нибудь магические запреты. Слишком зачастили Саббатовцы в суды. Это чревато проблемами.

– Не стоит. Не звони.

«Не рискуй», – мысленно добавляю я. На том конце снова молчат. И я делаю то, что не должен был при Тогунде, про-

клиная себя на чем свет стоит:

– И прекрати, пожалуйста, меня... звать.

– Звать?

В голосе Мелани слышатся нотки удивления. Это как глоток свежего воздуха, потому что слышать печальный голос невероятно тяжело. Я еле сдерживаю себя, чтобы не прошептать ее имя в трубку...

– Да. Ты постоянно зовешь. Позавчера ты сидела на стульях и позвала меня...

Я слышу глухую тишину и на мгновение пугаюсь, что звонок прервался:

– Алло?

– Я тут. Просто... как? Я же была в Вяземке!

– Я тебя слышу! – рычу я в трубку, ловя сосредоточенный взгляд Тогунде. Твою мать! Он может на минуту отвлечься?

– Рэй, это невозможно! Я же смертная.

Я только уж собрался ответить, как дверь открылась, и в коридор вышла Кристен.

– Рэй! – громко окликает она, эхом разнося мое имя по коридорам Саббата, и кивком головы указывает на кабинет. – Пошли! Они требуют именинника. Наверное, поздравлять будут.

Тогунде хмыкает на шутку Деннард, расслабляясь в своей позе.

– Меня зовут. Не могу больше говорить.

– Да, конечно.

Мне не нравится, как прозвучал ее голос! Но времени нет.

– Прости, – шепчу я в трубку и отключаю мобильник. Тогунде взмахом руки приглашает в кабинет. Я тяжело вздыхаю, пытаюсь отвлечься и настроиться на предстоящий допрос. В конце концов, у меня теперь есть возможность с ней связываться. Если она звонила с телефона Кевина, значит, Ганн рядом с ней. А это уже много!

Начинай!

Я стояла и глупо пялилась на телефон, в котором шли частые гудки. «Прости» – и связь прервалась. Что сейчас произошло?

ЧТО ЭТО БЫЛО?

Я не на такой разговор рассчитывала. В грудной клетке разрасталась боль, дышать стало трудно, сердце стучало, будто сорвалось с катушек. Я снова начала набирать номер Рэйнольда, но как пошли гудки, тут же сама скинула звонок.

Плачу. Точнее, слезы льются бесконтрольно, размывая дрянную реальность в пятна. Смотрю на мир глазами утопленницы.

В дверь стучатся, но, не услышав от меня ответа, решают робко заглянуть.

– Аня? – это голос Кевина. Но самого Ганна не вижу, лишь нечеткий силуэт. Его горячие руки ложатся на плечи, а затем он берет мое лицо в ладони. – Что случилось? Ты звонила ему?

Я киваю. Чувствую, как он забирает телефон из моих не слушающих пальцев.

– Ты с ним говорила?

Снова киваю.

– Что он сказал?

– Чтобы не звонила ему...

Откуда взялись силы прошептать? Ганн прижимает меня и гладит по волосам. И я плачу, уткнувшись в его плечо. Не знаю, сколько прошло времени, когда Кевин предложил мне умыться. Он отпускает, и я прохожу в ванную комнату, не видя ничего, наткнувшись на дверной косяк и споткнувшись о порог. Холодная вода действует освежающе. Я успокаиваюсь. Истерика, как гроза, нахлынула и прошла, оставив внутри глухую тишину. Пытаюсь разобраться, в чем было дело.

Сначала убил его голос. Резкий, холодный тон – понятно было сразу, что он не обрадовался звонку, не желал слышать меня. Это было невыносимо. Думала, бросит трубку, но он продолжил разговор и сказал, что скучает.

«Не могу говорить сейчас», – воскрешаю я в надежде, что не все потеряно. Просто это нелепость! Абсурдная случайность! Я не вовремя, надо только перезвонить попозже.

«Не стоит. Не звони». Он обрубает концы. Это как пощечины.

«И прекрати, пожалуйста, меня... звать. Ты постоянно зовешь. Позавчера ты сидела где-то на ступеньках и позвала меня...»

А вот это было неожиданно.

«Я тебя слышу!»

Как? Я же смертная!

Смотрю на запястье, оно чистое, без Знака. Я не понимаю, как могла посылать ведьмин зов? Как он мог видеть и слышать меня? Бред какой-то! Так или иначе, это пустое и

ненужное.

Рэй не желал меня слышать. Он сказал, что любит меня, но там, на ступенях Вашингтонского суда, просто не простил. Возможно, пытается забыть и начать жизнь, где нет меня.

«Рэй! Пошли! Они требуют именинника», – незнакомый женский голос в трубке возвестил, что у него жизнь течет по своему руслу, в собственных берегах.

– Анька! С тобой там все хорошо? – тревожный голос Вари за дверь. Беспокоится. Наверное, видела, в каком состоянии я шла в ванную.

– Да. Нормально, – мой голос ломается, звучит по-другому: с какой-то хрипотцой и тягучими нотками, будто я пьяная. Открываю дверь и вижу Варю, которая нервно щелкает ногтем, а в глазах волнение. Она влетает в ванную и обнимает меня. Позволяю сестре привлечь себя, и мы шепчемся, как детстве, когда было плохо, чтобы бабушка или мама не услышали.

– Мне Кевин рассказал...

– Я люблю его, Варь... А он попросил не звонить...

– Ну, может, это и к лучшему? Три месяца ему нельзя к тебе подходить и разговаривать с тобой. Может, он боится нарушить запрет?

– Нет... Не в этом дело. Он сказал, что любит меня, там, в Вашингтоне. Я его предала, а он не простил...

Варя приподнимает кончиком пальца мое лицо и загля-

дывает в глаза. По щекам опять текут слезы, но уже не так сильно, просто капают. Сестра нежно утирает их.

– Если он действительно любит, то простит.

Я скептически ухмыляюсь, шепчу сестре, глядя в ее зеленые глаза:

– Это красиво в теории. В жизни даже любящие не прощают предательства. Ведь закон выбора суров. Нельзя получить сразу все.

– А ты изменилась. – Варя смотрит на меня и жалеет. Обычно это я сострадала и уговаривала ее, что все будет хорошо. Кажется, мы поменялись местами. – Если он любит тебя, а ты любишь его, то будет все так, как вы захотите. Магия сведет вас. И прощение будет. А если нет, то значит вам просто не по пути.

– Ты же его ненавидишь. Наверное, рада сейчас, что он не простил меня.

Я жестока в словах. Смотрю, как сестра немного, но отстраняется от меня. На лице Вари возникает холодное отчужденное выражение.

– Я уже сказала, что чувствую по отношению к тебе и нему. Но мне не нравится видеть, как ты страдаешь. Если честно, его отказ меня не радует, но и сожаления не чувствую. По крайней мере, это даст тебе толчок оценить то, что вокруг.

Она отворачивается от меня и начинает рассматривать кофе, будто он стал интересней.

– Сегодня приедет Савов. Погоди отталкивать его. Дай ему шанс.

– Хорошо, – я смиряюсь, как и всегда. Поломки в моей системе бытия исправляются только таким способом.

Он приехал к вечеру с огромным букетом роз. Ярко-алые – цвет крови. Бутоны были взрывом багрянца из тонких зеленых стеблей с шипами. Скрипящие, шуршащие пакетом. Когда я принимала их из рук Савова, розы будто злобно зашелестели на меня, пару раз уколов мне руки и обдав сладким ароматом. Первое желание – избавиться от этой мерзости. Но я поставила их в вазу. Цветы не виноваты. Это все я со своей больной психикой.

– Аня, я соскучился, – Виктор повторяет то, что сказал мне Рэй, невольно вызывая боль и горечь в душе. Но я не показываю этого, улыбаюсь, как кукла, позволяя себя обнять и поцеловать в щеку.

– Я думаю, вас стоит оставить одних. – Варя хитро ухмыляется и утаскивает гулять Кевина.

Мы остаемся с Виктором одни. Не знаю, сколько мы проторчали в прихожей, где Савов меня обнимал, а я позволяла. Но вскоре не выдерживаю:

– Кофе? – Я помню, что Виктор пьет арабику: три ложки на маленькую турку, без сахара. И, не дожидаясь ответа, выскальзываю из его объятий, иду на кухню, где делаю вид, что поглощена приготовлением кофе. На секунду теряюсь, и мне кажется, что я одна в кухне. Оборачиваюсь и вижу, что

Виктор стоит, опершись плечом о стену, и не сводит с меня своих хитрых серых глаз. Не придумав ответа, смущенно улыбаюсь.

– Как в прежние времена, – он напоминает, как после моего выпуска с Начала, приходил к нам. Я была влюблена в него, как кошка. Все искала ласки с его стороны. Выслуживалась. А он покровительственно главенствовал в наших отношениях. Тогда это было нормальным. Сейчас, после недели любви, когда я грелась в лучах солнца по имени Рэйнольд Оденкирк, мне не нужен холодный свет луны Савова. Я замерзаю с ним.

«Погоди отталкивать его. Дай ему шанс».

– Помнишь, как ты смеялся, когда я работала над притяжением предметов и примагнитила к себе сковородку?

Савов тут же раздражается смехом. О да, это было одно из самых нелепых и смешных наших воспоминаний! С заклинанием притяжения, с телекинезом Виктор отлично управляется – это, как говорится, в крови. У меня же не получалось притяжение: то перелет, то недолет, то примагничивание.

– Ты мне ведь так и не ответила.

– Что?

– Я сказал, что скучал по тебе.

Он лукаво смотрит исподлобья, а у меня внутри все переворачивается. Нет, не скучала.

– Виктор... Я... Прости меня.

Вот и все, что могу сказать. А как еще? Я внутри полая, пустая, а когда-то там были чувства – ведь были! – а сейчас только и осталось, что извиняться: не удалась ни как жена, ни как невеста, ни как возлюбленная, ни как жертва обмана, ни как Инквизитор. Даже Химерой не могу быть.

В этот момент шипение гаснувшей конфорки возвещает, что кофе сбежал. Я начинаю суетиться: наливаю напиток в чашку, пытаюсь осторожно вытереть плиту.

Я не слышу, как он подошел ко мне сзади, лишь чувствую, что его большие ладони заскользили по талии, окольцовывая в объятиях. Я замираю. И тут его губы касаются моей шеи, неловко дергаюсь – и моя рука попадает на раскаленную конфорку. Я взвизгиваю от обжигающего железа. Кожа горит. Очень больно! Охая и хныча, кидаюсь к раковине, чтобы залить ожог холодной водой.

Виктор цокает, как обычно делал, когда я попадала в нелепые ситуации вроде этой.

– Давай помогу, – он осторожно берет мою руку, дует на ожог и произносит «sanitatum», чтобы быстрее зажил. Сейчас должен исчезнуть.

– Я такая неловкая.

– Ты всегда такая была! – Савов смеется, глядя мне в глаза. И это не нравится. Получается, что он смеется надо мной! Рэй такое себе бы не позволил.

Забудь, Аня, забудь! Все. Тебя не простили.

Но Виктор не замечает моего недовольства и пытается

снова обнять. Я внутренне ломаю себя, соглашаясь на близость: кладу руки ему на плечи, все еще ощущая, как жжет ладонь. Савов подумал, что я даю разрешение на большее, и стремительно приникает к моим губам. И снова ломаю себя, позволяя вспомнить, каково целоваться с ним. Его губы более жесткие, требовательные, напористые. В поцелуях Савов – хозяин, только он позволяет получать мне или не получать удовольствие. Виктор стискивает голову, положив руку на затылок, чтобы я не смела отпрянуть раньше времени. Его вкус – вкус моря: чуть соленый с шипровым запахом парфюма.

В конце концов, я с ним целовалась много раз. Его объятия – давно изведанная территория. Поэтому стараюсь расслабиться и, если не получить удовольствие, то хотя бы не отторгать мужчину.

– А вот и мы. Простите, что так скоро! Там дождь начался, а мы зонтиков не взяли, – Варя с Кевином входят в кухню и сразу замечают нас. Думаю, что по мне и так все видно. Сестра смущенно, но не скрывая радости, отводит глаза. Кевин смотрит хмуро. В его взгляде читается, что ему не нравится то, что увидел.

– Вы нам помешали, – Савов бесцеремонно осаживает сестру и Кевина, несмотря на то, что все произносится с вежливой холодной улыбкой.

Варя сразу как-то тушует. На мгновение кажется, она даже испугалась. Но Ганн сразу берет ситуацию в свои руки,

обворожительно и задорно улыбнувшись.

– Все. Нас нет. И не было. Мы ваши галлюцинации.

Он практически утаскивает Варю из кухни. Как только сестра с Кевином уходят, Савов поворачивается, сладко облизываясь.

– Нас прервали.

– Нет, прости, но на сегодня поцелуев хватит.

Я смущена и раздосадована, что меня видели в объятиях Виктора. Да и поцелуй не зажег былой страсти и желания. Это вдвойне неприятней. Не вижу причин продолжать наши отношения. А пока решаю начать разговор, разглядывая ожог на своей ладони:

– Когда к тебе отправляемся?

– Дня через два. Там все уже в курсе, что ты приезжаешь.

Я никогда не была в клане Савова, но Альфа славился сильными и беспредельными магами. Он был популярен еще тем, что там было много мужчин. Это противоположность клану Юрей, женщин туда брали очень редко, либо попадали случайно, как я.

– А почему через два дня? У тебя какие-то дела?

– Да. С Марго поговорить и Джеймсом.

– Джеймс? Он тут?

– Да. Приехал вместе со мной.

Джеймс Морган – любовник Марго, а заодно Темный клана Альфа. Хитрый черт. Я его видела пару раз, и то мельком. Знаю только по разговорам. Так же знаю, что когда-то

у Альфа было двое Темных – братья Морганы. Но близнец Джеймса ушел в Сенат и где-то там до сих пор.

– Понятно, – больше мне сказать нечего. Как-то резко закончились все темы.

– А ты чем занималась?

Говорить, что убивала время мыслями об Оденкирке, что звонила сегодня в обед, не хочется и не надо.

– Ничем. Ездили в Вяземку, виделась с мамой.

– И как?

– Все так же. Вяземка разваливается, мама нас ненавидит.

Зачем Марго посылала нас туда?

– Марго хочет, чтобы ты забыла о Мелани Гриффит и стала прежней. – Савов элегантно присаживается на стул и внимательно, изучающе, смотрит на меня. – Только вопрос: что хочешь ты?

– Не знаю. Я даже не уверена, хочу, чтобы мой Знак проявлялся, или нет.

Савов берет мою руку и нежно гладит. Он никогда таким не был.

– Так или иначе, я жду Химеру. Свою Химеру, – и целует в запястье, заглядывая в глаза.

– Ты никогда не был столь нежным со мной.

– Исправлюсь, – и он целует ладонь, незаметно задев ожог. Я не подаю вида, что больно, а Виктор не замечает. Именно в этот момент меня осеняет.

Почему до сих больно? Во Франции мне проткнули руку,

рана зажила в считанные минуты. А тут маленький ожог, который никак не пропадет.

Я вынимаю руку из горячих ладоней Савова и смотрю на нее, как на нечто любопытное, диковинное.

– Аня? – Савов пытается понять мое странное поведение.

– Почему не заживает?

– Детка, ты же смертная! Конечно же, не затянется так быстро.

Нет. Это не то. Раны же затягивались!

«И прекрати, пожалуйста, меня... звать. Ты постоянно зовешь. Позавчера ты сидела где-то на ступеньках и позвала меня... Я тебя слышу».

Ведьмин зов, усиленный страданиями сердца и любовью, покрывал огромные расстояния, пробивался через пространство и время и доходил до адресата, до Оденкирка. Смертные так не могут. Что это значит? Что, черт возьми, происходит?

Недолго думая, я хватаю нож для разделки мяса и резко провожу лезвием по ладони. Боль молниеносно опалает руку. Начинает жечь и сильно идти кровь. Запах солоноватый, железный – запах жизни.

– Анна! Что ты делаешь?

Савов вскакивает и хватается меня за кисть, теперь и он испачкан моей кровью.

– Не понимаю! Почему не заживает? Почему раньше затягивались, а сейчас нет? Почему зов проходит, а мой дар не

работает?

Ошалевшая, ничего не понимающая, кидаюсь в комнату сестры.

– Кевин!

Он выходит ко мне из зала. За спиной стоит Савов, из спальни выходит Варя, испуганно таращась на мою окровавленную кисть.

– Аня, что все это значит? – Варька смотрит на Савова в поисках ответа.

– Я и сам бы рад послушать.

– Она не заживает!

Меня заедает на этой фразе, как испорченную пластинку. В башке хаос мыслей и догадок. Но нужен Кевин!

– Кевин! Ты должен воздействовать на меня!

– Что? – три голоса в унисон.

– Увеличь мой дар, как делал в Саббате. Помнишь? Нужно, чтобы знак проявился!

– Аня, нельзя! Ты смертная! – сестра пытается отговорить меня.

– Послушай Варвару, не вздумай. Это чревато. Надо просто залечить рану.

– Кевин! – я не слушаю никого, только умоляюще смотрю в медовые глаза Ганна. Он стоит бледный, в полной растерянности.

– Аня, ты помнишь, чем закончилось все в прошлый раз? Перегруз – не самое страшное.

– Так! Хватит! – Варя кидается ко мне и пытается остановить кровотечение. Пол подо мной уже достаточно запятнан.

– Варя, мне нужен Кевин. И он сейчас же воздействует на меня!

Я практически рычу на сестру, осознавая, что в данный момент больше похожа на Химеру, чем она.

Варька отступает, а я хватаю за руку Ганна.

– Начинай!

Все разом затихают. Ганн нерешительно косится на Савова, который, кажется, готов убить только взглядом, дай только волю.

– Я СКАЗАЛА, НАЧИНАЙ!

И магия током начинает идти по телу. Приятное щекочущее чувство наполняющей меня энергии. Я не свожу взгляда с запястья – пусто.

– Сильнее, Кевин.

И ток увеличивается. Теперь он покалывает мои нервные окончания. Но снова пусто: Знак даже не думает проявляться, а рана не затягивается.

– Еще! Сильнее! – приказываю я.

В ответ слышу голоса сестры и Савова:

– Аня!

– Прекрати! Это опасно!

– Кевин, по максимуму. Как можешь! – Мне все равно на них. Хочу докопаться до истины: кто я.

И теперь я чувствую мощь силы Ганна. Магия уже жжет

вены и гудит в ушах. Сердцебиение заходится в ритме, меня прошибает холодным липким потом. Знак начинает проявляться скуными тусклыми тремя нитями.

– Ну, давай! Что же ты не проявляешься? – скулю, мне уже плохо, голова кружится от магии, я задыхаюсь, а Знак медленно проступает сквозь кожу. Слышу, как увеличивается еще сильнее мощностъ дара, подгоняя появление первых завитков, но в этот момент происходит вспышка – между моей рукой и Ганна проходит нереальный разряд магии. Дар опалает все мое тело, взрываясь в области сердца. Меня отбрасывает назад. А дальше темнота. Глухота...

* * *

Я сижу в машине и жду ее в указанном месте в назначенный час. Из радио доносится тягучая песня Ланы Дель Рей. В подстаканнике дымится кофе из «Старбакс». Я нервно стучу пальцами по рулю, будто это ускорит ее приход. Взвинчено. Нервно. На всякий случай проверяю силок в кармане. В кобуре ждет, когда его вытащат и пристрелят им какую-нибудь Химеру, Ruger LC9. Но не сегодня. И не ее. Взяла оружие ради спокойствия. Еще в бардачке лежит моя «Беретта», подаренная Куртом, который разбирается в оружии лучше всех в Саббате.

«Ты где?» – проносится ее голос в крови.

«Крайняя машина справа».

И вот уже вижу, как она идет твердым шагом в мою сторону. На ней нет яркого красного пальто, просто черная куртка и джинсы. Одета обычно, чтобы не заметили. Хотя не обратить на нее внимание очень трудно: слишком красивая и заметная. Почти как мой Стефан. Он тоже, несмотря на свой порой запущенный вид, привлекает внимание противоположного пола. Не скажу, что ревную, но и не радуюсь, когда с ним начинают нагло заигрывать.

Она подходит и стучит по стеклу дверцы машины, чтобы я открыла. Нажимаю на разблокировку, слышится тугий щелчок. Сладкий запах ее духов с горчинкой звучит в салоне раньше, чем садится Лаура. На улице мелкая морось. Два часа дня.

Навязчивый аромат парфюма усиливается из-за ее влажных волос. Мне не нравится, что приходится с ней общаться, но по-другому никак.

– Отказали? – я первая начинаю разговор без вежливых вступлений. Лаура недовольна. Она откидывает темную прядь волос, и я замечаю, что Знак на запястье ничем не скрыт. Видно, торопилась, и ей было не до этого.

– Они все как один твердят, что помогать не будут.

– Я тебе говорила...

– Может, подкупить кого-нибудь из Сената?

– Кого?

– Какая разница? Есть свои люди. Просто посмотри этот вариант, и все!

Я сосредотачиваюсь на этом варианте будущего. Тяжело, когда нет конкретики – грядущее размытое. Образы клубятся и развеиваются. Но все еще пылает костер со Стефаном.

– Нет... Все то же.

Лаура разочарованно выдыхает и нервно начинает грызть ногти. И снова несвойственная деталь в ее облике – ненакрашенные губы.

– Я повторяю снова: нужно вытащить Мелани с показаниями в суд. Она – единственный наш шанс.

– Ева, не тупи! Уверена, что все это затеяли Альфа с Тенями, не забудь приплести еще десяток других кланов. И вот как ты представляешь: я пойду просить у них, чтобы выдали свидетельницу? Я даже не сунусь туда.

– Ага. Значит, как подкупать Сенат – ты можешь, а к Марго сунуться боишься?

Лаура смотрит на меня своими пронзительными синими глазами. У Стефана они темно-карие, доставшиеся от отца.

– Все-таки ты еще та сучка.

Я хмыкаю.

– Спасибо за комплемент. – Отворачиваюсь и делаю глоток кофе. Напиток уже остыл и не бодрит, получается какое-то противное варево. – Может, тебе попробовать обойти Марго, напрямую обратиться к Мелани?

– Марго мне голову оторвет.

– Воздействуй на нее.

Впервые вижу Лауру испуганной, злой и беспомощной.

– Если хочешь, я поговорю с Мелани. Мне тоже голову оторвут за это. Но ради Стефана...

– Не надо тут намекать, что ради Стефана ты готова на все, а я нет! Не забывайся, Валльде! Ты и толики не пожертвовала ради него в сравнении со мной! И все это, чтобы в один миг на горизонте появилась шведка и забрала его.

– Он не вещь!

– Он мой брат! Он – моя родная кровь, мои слезы и надежды! Он – моя семья!

Мы обе уже кричим друг на друга. Воздух в машине начинает вибрировать; магия бешено носится по венам, готовая выйти из-под нашего с Лаурой контроля. Клаусснер начинает ругаться на итальянском, я делаю вид, что не знаю языка.

– Ладно, Валльде, я устрою тебе встречу с Шуваловой! Только никому, слышишь?

Она с грацией кошки выходит из машины. Но прежде, чем уйти, наклоняется, чтобы посмотреть мне в глаза и говорит:

– Если уговоришь ее дать показания, если Стефан останется жив, так уж быть, я приму тебя, как равную для него, девочка-мажорка.

Хлопок двери – и она стремительно уходит от машины.

«Девочка-мажорка» – так она называла меня на Начале. Лаура, которая пожертвовала образованием, собой ради брата, никогда не принимала нас с Ноем, потому что мы из благополучной семьи финансистов. У Валльде было всего в достатке, тем временем Клаусснеры жили в нищете с чокнутой

мамашей, где всю ответственность за проживание взяла на себя Лаура. Поэтому она не может простить мне, что все ее жертвы не были оценены братом, что тот не стал Химерой, не разделил те же жизненные приоритеты, что и она, что однажды на Начале «появилась шведка и забрала его».

Теперь мы с ней в одной лодке, и нам решать, куда и как грести, если хотим спасти Стефана. А я должна спасти его, потому что наши дети стали исчезать из грядущего так же, как в вариантах будущего начинаю стираться и я...

Кто такая Мелани?

Как только они ушли, все почувствовали облегчение. Хорошо, что не оставили в Саббате надсмотрщика над нами и никаких запретов не наложили.

– Ной, повтори, – обращается Реджина к Валльде, чтобы тот снова прокрутил некоторые детали допроса. Хелмак пытается понять: допустила ли она оплошность в ответах или нет. Курт хмуро сидит и вертит в руках гильзу от патрона. Новенькая Чейз о чем-то тихо переговаривается с Артуром. Ева сидит с отсутствующим взглядом: она поднимает сострадание в моей душе. Я подхожу к ней, ловя косой взгляд Кристен.

– Ева, тебе принести что-нибудь? Может, воды?

Я присаживаюсь на корточки возле ее ног. В серо-голубых глазах плещется ужас.

– Они его сожгут, Рэй... – я слышу, как дрогнул голос Евы. – Ни один вариант будущего не допускает, что Стефан останется жив.

Я нежно беру холодные пальцы девушки и пытаюсь согреть в своих ладонях.

– Ева, ты забыла одно «но».

Она удивленно смотрит меня, я же пытаюсь подбодрить упавшую духом подругу:

– Ты забыла, что ты – никудышный пророк.

Я все-таки смог вызвать улыбку у нее, но тут же слезы снова потекли по ее щекам.

– Иди сюда, – я встаю и привлекаю Валльде в свои объятия, глажу по спине и волосам, вспоминая, что когда-то так успокаивал другую девушку в лифте.

– Кстати, что нужно было Мелани? – оборачивается Реджина, услышав мои мысли. Все замирают и смотрят в нашу с Евой сторону. Даже подруга чуть отстраняется, чтобы заглянуть в мое лицо.

– Она звонила поздравить... – Я невольно опускаю взгляд на ботинки, чтобы никто не видел мою боль. Мелани звонила, а я не смог нормально поговорить с ней. Скупое «я соскучился» вместо исповеди, как мне дьявольски тяжело без нее. Еще чуть-чуть – и от тоски я кинусь на поиски.

– Тебе же нельзя с ней общаться, – Ной смотрит на меня исподлобья, не могу понять: осуждает он или констатирует факт.

– Нельзя. Но общался. Притом при Архивариусе.

– Он ничего не заметил. Можешь не волноваться, – успокаивает Реджина мои сомнения по поводу Тогунде, который проторчал весь разговор у меня на глазах, вслушиваясь в каждое произнесенное слово.

– А кто такая Мелани? – голос Кристен звучит неожиданно резко. Она смотрит на меня испытующе, сама же сидит в расслабленной позе, по-мужски широко расставив ноги и заткнув пальцы за пояс. И снова дерзит, снова сует нос в мои

дела. Игнорирую.

– Это одна из наших бывших учениц, – вежливо поясняет Реджина.

На слове «бывшая» я не сдерживаюсь и хмыкаю.

Ева внезапно делает шаг назад и, бормоча извинения, уходит.

– Интересно, – доносится голос Реджины, как только за Валльде закрывается дверь. Хелмак смотрит вслед ушедшему пророку.

– Надеюсь, она не додумалась обратиться к Мелани? – Курт словно очнулся от своей игры с гильзой. Меня передергивает от мысли, что Ева решила обратиться к той, чье имя вертится у каждого в голове, но никто не озвучивает. Все понимают, что спасение Стефана – это показания Мел в суде, но она у Химер. И еще на нас запрет Сената. От этого становится невозможным спасение Клаусснера с помощью Гриффит.

Мелани... Я словно опять слышу нежный голос в трубке. Надеюсь, что я ее не оттолкнул от себя своими скупыми ответами.

«Рэй, это невозможно! Я же смертная».

Надеюсь, что это так, и она останется такой еще до окончания запрета Сената. Мелани... Мелани... Мелани. Мысли о ней крутятся постоянно.

Надо постараться отвлечься...

– Пошли! Пора на занятия, – грубо кидаю я Деннард через

плечо, выходя из кабинета. Слышу, как скрипит стул под ней и следующие за мной ее легкие шаги.

– Показывай, – я приказным тоном обращаюсь к Кристен, кладя перед ней пустой силок. Мы находимся в оружейной. Хочу понять, что она знает, а что нет.

Деннард с наглой ухмылкой берет силок, открывает его и начинает плести заклинание. Вязь выглядит цепкой и вязкой энергетической субстанцией – очень хорошо. Но надо проверить.

Кристен вкладывает силок в пластиковую коробку и закрывает. После чего протягивает мне.

Беру в руки, он тяжеловат для нормы.

– Пойдем, проверим.

Я отправляюсь в спортзал. Кристен следует за мной.

– И все-таки, кто она? – Мы уже на втором этаже, подходим к залу. Я пропускаю даму вперед.

И снова молчу на ее вопрос.

В спортзале прохладнее, чем в самом замке. На улице пасмурно, того и гляди хлынет дождь. Снимаю пиджак, закатываю рукава у рубашки, убираю часы, чтобы не разбить.

– Попробуй поймать.

– В смысле? – Кристен смотрит пронзительным непонимающим взглядом.

Я готовлюсь к удару и электрическим разрядам силов.

– Попробуй меня поймать. Я же должен проверить, на-

сколько ты правильно плетешь заклинание для силков.

– Ну как знаешь! – Она хищно улыбается и кидает в меня ловушкой.

Пластиковая коробка падает у моих ног, раскрывшись и выпустив энергетическую сеть. Меня сшибает с ног, будто кто-то огромный набросился, и заваливает на пол, сильно сковывая каждую мышцу, – знакомое неприятное ощущение. В последний раз меня держали силки Химеры, из которых я наблюдал, как пытаются Мелани. Но, в отличие от тех, ловушка Кристен неидеальна. Заклинание связано туго и добротнo, я не могу пошевелить ногами и левой рукой, но там, где правая рука, – брешь. Силки Деннард держатся лишь на нескольких энергетических нитях, несмотря на их тугость и силу. Поэтому свободной правой рукой вызываю заклятие энергетического ножа и разрезаю силки к изумлению Кристен, которая с удовольствием наблюдала, как меня приковало к полу.

– Хорошо. Вязь тугая. Но у тебя проблема с покрытием. У меня была свободная рука. Попробуй еще раз, – я кидаю ей в руки пластмассовую коробку, чтобы она еще раз сделала силки. Деннард недовольтно косится, но бормочет заклинание и создает новую ловушку.

– Еще раз! Только сейчас я буду нападать на тебя, – я снова готовлюсь, разминая руки. – Защищайся, сразу силков не выкидывай.

– Без разминки будем драться?

– А ты у Химер просишь разминку? – Она ухмыляется, поняв, что спросила глупость. Я пользуюсь этим моментом и посылаю заряд магии, схватив ее в энергетический кулак и несильно сжимая. Кристен барахтается, я жду, когда она будет отбиваться.

– Ну? – не выдерживаю, подгоняя ее. Но видно, что бесполезно. Уже с первого удара я поймал Деннард. Прекращаю воздействовать, отпуская ученицу. Кристен падает на колени, как подкошенная.

– Это нечестно! Ты воспользовался тем, что я отвлеклась! – она рвет и мечет, бесится. Кажется, за последние два дня я сильно повредил ее самоуверенности. Мне нравится сбивать с нее спесь: слишком своенравна.

– Извини, в следующий раз буду высылать тебе письма с просьбами на атаку.

Она дышит шумно и часто, рот яростно кривится, некрасиво искажая черты.

– Еще раз, – приказываю, кружа вокруг нее. Кристен, не отрывая взгляда от меня, снимает кофту, оставаясь в тонкой майке, через которую просвечивает черный бюстгальтер, на руках напульсники, один из которых скрывает Знак. Я притягиваю силок в свои руки.

– Попробуй, отними!

Деннард начинает посылать один за другим заряды то огненные, то силовые; я легко от них уворачиваюсь, некоторые даже могу отрикошетить. Кристен это бесит еще больше.

– И ты еще хотела к Охотникам! Ты даже попасть в меня не можешь.

Все. Я вызвал приступ ярости и бешенства. Деннард посылает самый сильный из всех зарядов, сумев сшибить меня с ног. После чего тут же пытается «сжать» заклинанием. Чувствую, как ее энергетические потоки захватывают меня в тиски, но недостаточно мощные; на своей шкуре испытывал и более сильные.

– Ego speculi! – я посылаю заклятие, и ее захват отражается от меня, попадая в хозяйку. Кристен охает, но тут же отпускает заклинание, которая сама и создала.

И вот мы оба стоим друг против друга, готовые атаковать. Я начинаю плести заклинание пут.

Сообразив, что надо нападать, Деннард делает то, чего я не ожидал: создает чары высшего уровня, и так быстро, что не успеваю отреагировать...

Кто-то назвал это заклятие «Тьма Египетская»⁵, потому что произнесенное с поднятой рукой и правильным воздействием на противника, оно моментально вызывает на некоторое время слепоту.

Я лишаюсь зрения. Тьма приходит неожиданно, так что теряюсь и подставляю сам себя, Кристен с легкостью сбивает меня на землю. После чего отбирает силок из моих рук и приковывает заклинанием из ловушки к полу. В этот момент

⁵ Исх. 10:21 «И сказал Господь Моисею: прости руку твою к небу, и будет тьма на земле Египетской, осязаемая тьма».

я прозреваю, и свет резко бьет по глазам, вызывая резь и слезы. Проморгавшись, вижу, что надо мной нависает Кристен с довольной улыбкой. Она вся сияет от гордости.

– Ты так и не ответил. Кто такая Мелани?

– Тебе уже ответила Светоч. – Я пытаюсь понять, где слабое место силка: заклинание опять тугое, но сплетено явно неравномерно.

– Ее ответ не объясняет того, как ты меняешься в лице.

– Да? И как же? – я ухмыляюсь, создавая вид беспечности, будто не лежу тут приклеенным к полу силком. Хотя мне не нравится тема нашего разговора...

Деннард не должна вообще влезать на эту территорию!

– Не знаю. Ты как-то весь напрягаешься. У тебя сразу такая маска на лице, что эмоций не понять.

Пока она говорила, я нашел силовую брешь в заклинании: не может ученик плести сразу же правильные силки. Это приходит с опытом. Если тот был криво сделан, то и этот тоже.

Я приподнимаю голову, чтобы посмотреть на свои ноги и оценить, сколько нитей там меня держат. Это дается с трудом, потому что стоит двинуться, и силки тут же впиваются болью в каждую мышцу тела.

– Так кто она?

– Ученица, как и ты.

– Твоя?

Я мычу в знак согласия, а сам пальцами, преодолевая

боль, тянусь к бреши, чтобы создать там заклинание энергетического ножа и вскрыть силки.

– И где она?

– Ушла.

– Почему?

– Не выдержала моего педагогического подхода, – и рву энергетические нити, одновременно сбивая Деннард заклинанием. Девушка кубарем отлетает к противоположной стене на сложенные маты.

Пока она не пришла в боевую готовность, успеваю сплести заклинание пут и наслать на нее. Она вцепляется в невидимую вокруг шеи веревку, которая начинает ее душить. Пытается встать.

– Ruit! – я придавливаю нахалку к полу и снимаю путы с шеи. Она громко вдыхает благословенный воздух полной грудью. Кажется, переборщил с заклятием.

Теперь я стою над ней и смотрю на лежащую и беспомощную девушку, которая придавлена моими чарами.

– Кто научил Тьме Египетской?

– Один учитель, лучше, чем ты.

Дерзит, но видно, что она напугана. Я доказал, что сильнее, что опять Деннард проиграла.

– Ты знаешь, что это излюбленное заклинание Химер?

– И к чему ты это мне сказал? Думаешь, мой учитель был Химерой?

– Нет. Я к тому, что ты должна знать этот факт. Чтобы не

было неожиданностью в бою.

– Для тебя, похоже, было неожиданным. – Она смеется, гордо задирая подбородок и показывая изящную тонкую шею. – Даже контрзаклятие не использовал.

Я присаживаюсь на корточки возле нее, аккуратно подбрав брюки, хотя меня уже изрядно помяло в бою.

– Запомни, Деннард, у Тьмы Египетской нет контрзаклятия. На то она и Тьма.

Кристен выслушивает с яростным блеском в глазах и соблазнительной улыбкой. Почему-то у меня проходит аналогия с Химерой. Она больше похожа на них, чем на Инквизиторов. Как вообще Деннард попала на нашу сторону? Хотя Стефан тоже почти был Химерой. Однако судьба уготовила для него другое развитие сюжета. Может, с Кристен так же? Вполне.

– А можно вопрос? – после недолгой паузы она соблазнительно улыбается. Я тоже начинаю улыбаться в ответ. Хотя уверен: мы оба готовы придушить друг друга, несмотря на показное дружелюбие и некое подобие флирта.

– Я весь во внимании.

– Она была красивая? – Увидев, что я не понимаю, поясняет: – Мелани была красивая?

Словно нож всадила в сердце. Почему «была»? Что ее так зациклило на этой теме? Кажется, Деннард, как хищница, почувствовала мою слабость, мою рану, и теперь будет постоянно наносить по ней удары. Ну что же...

Я медленно наклоняюсь, будто хочу поцеловать ее, чувствуя, как девушка от ожидания замерла на вдохе. Так и есть! Влюблена по уши. А делать этого не стоит! Вот тебе первый урок: не тронь тему Мелани. Я оглядываю ее лицо, будто люблюсь, останавливая взгляд на приоткрытых губах, и произношу.

– Красивая ли она? Очень. Ты и рядом с ней не стояла.

Теперь смотрю в ее глаза, не скрывая презрения и ненависти. В ответ получаю то же самое, только приправленное женской обидой.

Я встаю и теперь смотрю на нее с высоты своего роста. Она униженно отводит взгляд в сторону.

– У тебя шелковое заклинание слабое. Вязь тугая, хорошая, но неровная, покрытие состоит из пары энергетических нитей. Твоя задача на сегодня: сплести мне сильное, тугое, чтобы было хотя бы пять нитей. Минимум. Проверю после обеда.

После чего уйду из спортзала, прихватив свой пиджак. Ощущения в душе дрянные, будто там наследили. Нужна чистка. Срочно. Поэтому направляюсь на плавучий дом, пересчитывать Уайльда.

– Показывай.

Мы только что из столовой. Не дело, конечно же, проверять силки на сытый желудок, но ничего не поделаешь. Кристен замкнута и холодна. От нее просто исходят волны от-

чуждения и неприязни ко мне. Все-таки я унизил девушку, обидел. Пришло время извиняться. Иначе она мне точно свернет шею, если предоставится такой случай: ведь от любви до ненависти один шаг. И я сам подтолкнул ее к этому.

Деннард молча и без вопросов становится напротив и кидает в меня силки. Коробка раскрывается, и мощное захватывающее заклинание обрушивается на меня, сбивая с ног так, что отлетаю на пару метров, после чего меня «приклеивает» к стене зала. Тугая вязь давит на тело и грудную клетку. Очень мощно! Не то что пошевелиться не могу, даже просто пребывание в силках отдается болью. Я, морщась, пытаюсь сосчитать сколько энергетических нитей на мне...

Пять. Всего пять. Мало. Зато очень сильные! Не нити, а настоящие стальные канаты. И все равно есть брешь, где рука. Но уже протиснуть пальцы к ней непросто – дико больно.

– Отпускай, – я стараюсь не заныть и не закричать от боли. И Деннард разрушает силковое заклинание, из которого падаю на пол с двухметровой высоты.

– Отлично! Лучше, чем с утра. Хотя недочеты есть. Но за счет тугости заклинания ты их перекрыла.

Я растираю ноги: им больше всего досталось от силков, сейчас мышцы болезненно ноют после давления ловушки. Девушка кивает в знак благодарности за похвалу, отводя глаза, в которых читается обида на меня.

– Кристен. – Моя ученица оборачивается и вызывающе смотрит в глаза. – Я хочу извиниться за свои действия с утра.

Понимаю, что не должен был играть на твоих чувствах. Но и ты должна знать: тема «я и Мелани» – очень личная. И со всеми подряд я на нее болтать не буду.

– Я так и поняла, – Кристен говорит тихо и опускает взгляд. Видно, что она смиряет свою гордыню. – А нельзя было сразу это сказать?

– Нельзя. Тогда бы ты не поняла, что это личное.

И снова голубые глаза Деннард гневно блестят, пока девушка не замечает, что я улыбаюсь, специально спровоцировав ее.

– Может, и хорошо, что она ушла от тебя!

– Почему?

– Ты грубо себя ведешь с девушками.

Я хмыкаю. А она права, если вспомнить, как вел себя с Мелани в самом начале нашего знакомства. Обзывал чудовищем, публично унижал, всячески игнорировал и не доверял. Зато потом влюбился так, что и минуты не мог без нее. Сейчас сам удивляюсь своей выдержке. Хотя понимаю, что это ненадолго. Тяжело бороться с самим собой.

– Она была твоей девушкой? – продолжает Деннард. Да что с этой девицей не так? Одного урока ей было мало?

Я поворачиваюсь и вижу, что она серьезно интересуется, не для издевок. Поразмыслив, решаю снова не отвечать. Меньше знает – крепче спит.

Именно в этот момент я почувствовал Мелани: прекрасное забытое чувство ее энергии. Когда-то я искал ее по зову

крови: мягкая нежная магия клубилась вокруг меня и помогала найти. Но в этот раз после нежного всполоха магия Мел в моей крови обрушивается подобно волне – резко, оглушающе, удушающе.

Удар ее энергией приходится в солнечное сплетение, и я сгибаюсь пополам, пытаюсь вдохнуть. Я даже увидел Мелани, стоящую за спиной удивленной, ничего не понимающей Кристен.

Любимая просто смотрела на меня своими голубыми глазами, осколками неба; мгновение – и в области сердца проносится невероятная боль, сжимающая мышцы, словно от тока, так что невольно с вскриком хватаюсь за грудь. Мелани уже нет, исчезла.

– Рэй! Тебе плохо? – Кристен подлетает ко мне, заботливо подставляя руку, чтобы я оперся. Пытаюсь сконцентрироваться и понять, что произошло. Мел... Мелани, милая, что случилось?

– Кристен, посмотри, чтобы я вернулся в тело! Следи за моим пульсом. Если начнет замедляться, буди меня!

– Да что случилось-то?! – восклицает она, наблюдая, как я стремительно кидаю пиджак на пол, а сам ложусь на него, как на одеяло. Снимаю часы и кладу Деннард в руку.

– Кажется, она открыла мне сознание...

– Она? Кто?

Но я уже бормочу заклинание, чтобы уйти из тела. И вот толчок – выход. Легкость. Парение. Я обращаюсь ко Вселен-

ной: показать мне Мелани, и Она откликается. Переносусь в незнакомое узкое помещение, где происходит какая-то непонятная мне возня. Ужас накрывает, как только понимаю, кто эти люди и что происходит.

– Давай, дыши! Аня, дыши!

На полу лежит бездыханная Мелани, возле нее на карточках сидят Савов и Кевин и пытаются реанимировать ее: Кевин делает искусственное дыхание, Савов посылает разряды тока в ее сердце. Сестра Мелани в истерике звонит по телефону в скорую: «Девушка. Не дышит! Удар током. Приезжайте!»

Но самое страшное, что душа Мелани стоит со мной рядом и наблюдает.

– Ты что здесь делаешь? – кричу я на нее, ощущая страх от происходящего.

– Рэй! – Мелани замечает меня и улыбается самой обволаживающей улыбкой. Она вся лучится любовью ко мне.

Но не сейчас! Не сейчас! Боже!

– Мелани! Возвращайся!

Если бы я был в теле, то меня колотило бы от кошмара, а так я испытываю лишь отчаяние, горе и панику.

– ВОЗВРАЩАЙСЯ В ТЕЛО! Ты должна жить!

– Рэй! Но Знак не проявлялся... – бормочет она в недоумении, уставившись на свое распластанное тело, и я замечаю, что ее рука вся в крови. О, Боже! Она догадалась, что дар заблокирован и испытывала себя на регенерацию!

ЧТО Я НАДЕЛАЛ!

Пытаюсь справиться с отчаяньем и уговорить ее.

– Милая, пожалуйста, иди в тело. Знак вернется! Тебе нельзя так долго находиться вне тела!

Я умоляю ее, но она продолжает смотреть на саму себя. А время идет на секунды! Если не вернется, то я ее потеряю навсегда.

– Я заблокировал твой Знак. Не хотел, чтобы ты стала Инициированной, а оставалась Смертной. Прости меня!

Она поворачивается ко мне и смотрит своими пронзительными голубыми глазами. Из-за усиливающегося свечения, которое предвещает уход души из мира, Мелани стала подобна ангелу. Она и есть ангел!

– Мелани, иди в тело, пожалуйста! Умоляю...

И она плавно скользит к себе и возвращается. Облегчение и радость волной накрывают меня. Я вижу, как девушка с шумным вздохом приходит в сознание, часто дыша и преодолевая боль, как она невидящим взором смотрит в потолок, пытаюсь осознать, где она и что произошло. Вижу, как Савов заботливо приподнимает ее, чтобы посадить, как Варвара, вся в слезах, кидается к сестре, а бледный Кевин дрожащими руками ерошит свои волосы, пытаюсь отойти от пережитого ужаса.

– Рэй... – Мелани одними губами произносит мое имя, переводя взгляд туда, где я стою, но знаю, что сейчас не видит меня. Я же пытаюсь прийти в себя от страха, ощущая,

как горькое разочарование поднимается в душе от того, что не могу ощутить ее живьем. Почувствовать снова любимый запах тела, ощутить мягкость волос и нежность кожи, почувствовать вкус поцелуя, обнять и сказать, что все будет хорошо...

– Я люблю тебя, – знаю, что не слышит, но я должен это сказать. Все сказанное – материально. Вселенная никогда не пропускает ни одного слова. Надеюсь, Она нас соединит в жизни, а не в смерти. Я еще не готов отпустить Мелани к ангелам.

Возвращение сразу обрушилось осязанием своего тяжелого тела с проступающими от силков синяками. Очнулся я на холодном полу в спортзале. Рядом сидела сосредоточенная Деннард, державшая руку на моем пульсе и отсчитывающая по моим же часам.

Она обернулась, и я увидел испуг в ее глазах. Она явно не понимала, что произошло, но сдерживалась от многочисленных вопросов. Лишь скупое:

– Ну, как?

Я не знаю, что ответить. На ум только приходит: «Хорошо. Теперь все хорошо».

Светлое будущее

– Здравствуй, – он протягивает свою изящную руку для крепкого рукопожатия. – Чай? Кофе? Что-нибудь покрепче?

Его бровь игриво вопросительно выгибается: Темный намекает, что в последний раз я напился до чертиков, так что закончил вечер в постели с двумя стриптизершами. Хотя тогда не собирался пить и заявлял ему об этом.

– Нет, Джеймс. Только кофе.

Джеймс Морган щелкает пальцами, и в комнату заходит Прислужница, потупив взор. Отмечаю, что у девушки обалденно красивые длинные ноги.

– Лена, сделайте нам кофе, – Джеймс переходит на русский. В его исполнении этот язык звучит рычаще, по-звериному.

– Вам какой?

– Мне эспresso. А тебе, Виктор?

– Двойной эспresso.

Девушка кивает и уходит.

– Ну? Как там Анна?

Моя заноза, головная боль последних лет выкинула, как всегда, номер!

– В больнице. Ее там задержат на несколько дней. Наш отъезд придется отложить...

Черт! Торчать еще несколько дней в Москве.

– Ничего. Выжми по максимуму пользы из ее положения: ухаживай, посещай. Девушки очень ценят внимание.

В этот момент вошла Прислужница Лена, снова сверкая своими острыми коленками. Соблазнительная штучка! Горячая.

Подавая кофе, она словно случайно заглянула в глаза, кокетливо улыбаясь легким изгибом губ; в ее карих глазах читалось отсутствие души. Думаю, стоит на нее обратить внимание, раз сама девочка не прочь! Давно у меня не было горячего секса.

– Не стоит. Все-таки иногда воздержание – полезная штука, – произносит Джеймс, как только за Прислужницей закрывается дверь. – Лучше потратить силы на свою невесту. Уверен, скоро награда за ней не постоит, если будешь стараться.

– Она изменилась, Джеймс. Все сохнет по Оденкирку. Не знаю, как выбить из нее эту дурь...

– Я тебе сказал как. Твоя задача слушаться Психолога и делать, что он сказал, – Джеймс говорит таким тоном, чтобы я понял: эта тема ему наскучила и раздражает.

– А Кукольник?

– Кукольник работает не с Анной. У него другие задания. Я не понимаю одержимость Моргана: человек рвется к власти, притом маниакально, не чувствуя преград и страха.

– Зачем вам Саббат? Он же неинтересен...

– Мне нужно понять, насколько они в курсе наших пла-

нов. Да и Кукольник помогает тебе с Анной. Ты должен вернуть свое влияние над девушкой, – он берет двумя пальцами печенье и разламывает его, одну половинку кидает в рот. – К тому же там Реджина...

Он иступленно ломает оставшееся печенье ногтем, смотря, как оно превращается в крошево. Я никак не могу понять, что чувствует Морган к этой седой стерве: ненависть или любовь? Наверное, сам не может разобраться.

Именно в этот момент кратко стучатся в кабинет. Джеймс тут же расцветает улыбкой. В кабинет не входит, а всплывает, покачивая бедрами, Марго. Следом за ней – ее сестра, глава клана Воронов, Наталия. Я, по правилам этикета, встаю, наблюдая, как женщины проходят и разбивают сугубо мужскую компанию.

Маргарита подходит к Джеймсу и нежно обнимает, шепча на ухо какие-то сладкие слова, отчего довольный Морган начинает противно хихикать. Наталия грациозно присаживается на стул, никого и ничего не замечая вокруг, щелчком пальцев подзывает Прислужницу и приказывает принести чай с бергамотом и клубнику в шоколаде.

– Здравствуйте, – я здороваюсь с дамами лишь тогда, когда Марго замечает меня. Два цепких взгляда оценивающе пронзают меня. Наталия улыбается лишь уголками губ, но выражение лица говорит не о дружелюбии, так смотрят на жертву, когда та попадает в лапы хищника. Младшая сестра Маргариты славится своими извращенными садистскими

методами.

– Виктор! Рада видеть тебя. Я только что от Анюты, – Марго восклицает так, будто встреча со мной – праздник для нее.

– И как она?

– Все лучше и лучше. Уже не выглядит умирающей.

Марго подходит ко мне почти вплотную, обворожительно улыбаясь. Она заботливо поправляет мне воротник пиджака.

– Еще бы ей выглядеть умирающей! Мы с Варварой устроили там целый санаторий.

Ох! Сколько денег и магии было потрачено на то, чтобы выделили отдельную палату с удобствами, да еще на несколько дней.

– Конечно же, устроили! – щебечет Марго, все еще как бы невзначай поглаживая воротник. В следующую минуту ее магия, словно невидимая стальная рука, вцепляется в горло и начинает душить меня. Я сгибаюсь, судорожно пытаюсь вдохнуть. Марго злобно шипит мне в ухо, опалая дыханием и ненавистной мне «Chanel № 5»: – Попробовал бы не устроить, сволочь этакая! Я бы тебя живьем сожрала, если бы с ней что-нибудь случилось! Ты бы у меня сам на тот свет отправился! За ней! Я тебе что говорила? Беречь ее! Холить, лелеять и баловать! А ты, тварь, вздумал шутки шутить? Позволил в магию играть? Инквизитора к ней подпустил? Запомни, Савов, сдохни сам, а Анюку с Варькой живыми мне оставь!

Я чувствую, что все, теряю сознание. В глазах пляшут черные точки, в ушах звенит, голос Марго звучит откуда-то издалека, как и смех Моргана.

– Хватит, Марго. Оставь его в покое. Он не виноват, что твоя девочка решила ускорить Знак.

Химера слушается моего Темного и отпускает: резкий приток воздуха болезненно отзывается в легких, кровь барабанами пульсирует в голове. Пытаюсь отдышаться и прийти в норму, схватившись за спинку стула. Стерва! Ведьма чертова! Чуть не придушила...

– Наоборот! Может, это и к лучшему? Доказывает, что Анна хочет вернуться в наши ряды, – Джеймс успокаивает взбешенную любовницу. Он подходит к ней и целует руки.

– Кстати, что ты будешь делать с этим Инквизитором? Мне не нравится, что он околачивается возле моих девочек! Я требую его наказать, Джеймс.

– Наказать? – Морган недоуменно смотрит то на Марго, то на Наталию.

– Да.

Наталия получает в этот момент свою клубнику и чай, успев прошипеть на Прислужницу, что «та уж больно не спешила к ней». Девушка рассыпается в извинениях, пытаясь невредимой поскорее скрыться с глаз Наталии.

– Я предлагаю его сдать своим же. Подставить. И посмотреть, как они растерзают его, – Темная Воронов делает глоток чая, от которого разносится приятный запах бергамота,

и начинает поедать свою клубнику в шоколаде. – Или отдай его мне. Я придумаю, как наказать.

Морган начинает задорно смеяться, будто Наталия сказала хорошую шутку и не способна на такое.

– Наталия, милая моя, давайте остынем. Я все понимаю! Жажда мести за Анну, нарушение правил и все такое... Но Кевин Ганн очень нужный для нас элемент. Нам несказанно повезло, что этот паренек у нас. И уж отдавать тебе, Наташа, я не собираюсь. Извини. Я такими дарами не разбрасываюсь. – Морган засовывает руки в карманы и задумчиво начинает прохаживаться по кабинету. – Нам нужны гарантии, что Ганн не сбежит от нас... Ну-ка, девочки, включайте свою природную хитрость!

Джеймса забавляет все это. Этот дьявол уже все продумал и знает, как достичь нужной цели. А все это – показное, игра на зрителя, чтобы мы почувствовали себя не его прислугой, а нужными деталями механизма.

– Может, превратим его в Химеру? – Наталия эротично положила в рот клубнику, вызывая у меня дрожь по телу. Чем старше Химера, тем она лучше в постели, по опыту знаю. Только, боюсь, в случае Наталии мало кто живым выходит из ее кровати. У этой дамочки не то что любовь к извращениям: в ней скрывается чистый Суккуб, Черная Вдова – потрахалась и убила.

Я сажусь на стул на достаточном расстоянии от Наталии и Марго.

– Нет. В Химеру превращать не будем. С его даром это опасно. Да и Варвару так оттолкнем. А нам выгодно держать их вместе.

Марго раздраженно фыркает. Она ненавидит, что ее «девочка» Варя сошлась с Инквизитором. По мне, это было ожидаемо. Эта сучка постоянно что-то выкидывала. Жить с ней было как на пороховой бочке. Не знаешь, в какой момент рванет. Вспомнить хотя бы, как она в Амстердаме сбежала от меня, переколотив все в квартире. Я тогда ее чуть не придушил. Жалко, что чуть! Была бы моя воля, показал бы, кто в доме хозяин.

– Я думаю, мне стоит поговорить с Ганном. Сыграть на его чувствах к девушке...

– Ты думаешь, что парень настолько любит Варвару? – Марго скептически смотрит на Джеймса, после чего берет клубнику у сестры и закидывает в рот.

– Дорогая моя, он ради нее своих предал.

– Ну не знаю, – Марго хмыкает и начинает играть с браслетом на руке.

– Я придумаю что-нибудь. Посоветуюсь с Психологом насчет него... Шантажировать нужно аккуратно.

– Ну почему у вас так все сложно? – вздыхает Наталия, опершись на руку и состроив невинный вид. – Шантаж, Психологи, Кукольники. Будь моя воля, я бы не цацкалась ни с Анной, ни с Варей, ни с вашим Ганном. С одной бы обряд Инцициации провела, другого – сразу в Химеры, а Варьку ва-

шу продала бы демону Баратрону. И все! Армия готова.

– Грубо действуешь, Наталия! – рычит Джеймс, практически нависая над Темной. Он, в отличие от меня, ее не боится. – Мне не нужны бездушные машины, которые через некоторое время выйдут из строя. Мне нужны люди, мои люди! Они сами должны сделать выбор. Чтобы потом их тыкать носом в этот выбор, как нашкодивших котят! – Он расслабляется и снова улыбается. – Как там в клятве? «Ибо мой выбор делаю я сам»? До этого мои методы не подводили меня. Все, кто мне нужен, так или иначе, а пришли ко мне. – Морган поворачивается ко мне и смотрит в упор. – Кстати, снова дело для тебя.

Твою мать! Опять...

– Кто?

Темный подходит к своему кейсу и достает от туда папку.

– Ее зовут Нора. Красивая девочка. Шестнадцать лет. Глупенькая, романтичная. Ты уже с такими работал.

Он подает мне папку прямо в руки. Открываю. На меня смотрит длинноволосая девочка, серенькая, худенькая, с чуть крючковатым носом, но милая. Сразу видно, не Химера. Но и Инквизитор из нее будет никакой. В глазах не читается напористость их породы. Неопределившаяся...

Под ее фотографией написаны данные. Читаю: «Нора Грод. Дания. Шестнадцать лет. Родилась седьмого марта».

– Милая, правда? Чем-то на Анну похожа. Тот же мышинный цвет. Торчит на Начале уже год и пару месяцев. Запоз-

далая инициация. Все никак не решится, какую сторону выбрать...

– Что за Начало? – я пытаюсь прикинуть, куда Архивариусы могли кинуть датчанку, где мне работать.

– Канада, Калгари.

Неплохо. Канада мне нравится!

– Сестры? Братья?

– Брат на семь лет старше. Ушел к Инквизиторам. Знак проявился сразу через месяц. Да там видно было, что он не наш. Да и не интересный, – Морган подходит почти вплотную. От него тоже разит парфюмом «Chanel». Они с Марго в этом схожи: любят покупать вещи одной марки, притом не запланированно.

Ко мне не спеша приближается Маргарита и заглядывает в папку.

– Нет. Анна красивее этой в сто раз. Что за дар?

Ну, конечно же, красивее! Марго просто в восторге от своих любимиц.

– Редкий дар. Талантище просто, – Морган подходит и обнимает любовницу. – Тебе понравится: эта девочка умеет пробуждать желания.

– О! – Марго, флиртуя, берет клубнику у сестры и дает откусить Джеймсу. В их исполнении это смотрится противно. – Дар Суккуба?

– Нет. Больше! Не низменные плотские страстишки, Марго. Девочка может дать цель жизни. Вложить, внушить чело-

веку, что именно ради этого стоит жить.

Наталия раздражается заливистым смехом, чем обращает на себя внимание.

– И что ты будешь делать с этим?

– Что? Я разгоню ее дар с помощью Ганна и вложу всем в головы мысль, что любить меня, почитать – цель всей их жизни.

Тут уже смеются Марго и Джеймс. Я тоже. Хорошая шутка! Только сколько в ней правды? За Морганом не постоит.

– Дорогой, когда не будет ни Инквизиторов, ни Сената, ни этих трех дураков, Старейшин, тебя и так будут почитать и любить.

– Может быть, Марго, может быть... – Он отпускает женщину из объятий. – Но диктаторов тоже не любят! Ваш Сталин тому пример.

Джеймс садится в кресло и снова принимается есть печенье, кроша на свои дорогие брюки и свитер.

– И когда мне на Начало? – интересуюсь я, прерывая довольно затянувшуюся паузу Главных, где каждый строит свои планы на «светлое будущее».

– Как привезешь Анну к нам, так можешь начинать.

– Понятно. Можно идти? А то невестушка заждалась в больнице. Апельсины, наверное, закончились.

– Иди, мой дорогой! Привет Анюте, – Морган делает пас рукой в сторону двери.

Попрощавшись, выхожу в коридор, спрятав папку в свою

сумку. Дьявол! Придется опять охмурять еще одну девицу, чтобы та пошла к Химерам. Опять изучение новой пассивности, ее жизни, нахождение слабых точек в характере. Дар вкладывать цель жизни... Хм... Что-то мне это напоминает. Точнее, кого-то.

Моя милая Мириам Оденкирк. Грустная печальная Мария-Тереза наших душ – неудавшийся эксперимент, закончившийся неожиданно для меня самого.

Прислужница с шикарными ногами замечает, как я ухмыляюсь своим мыслям, и на ее лице расцветает очаровательная улыбка.

– Что ты делаешь сегодня вечером? – я подхожу к Лене, кажется, так ее зовут, наблюдаю, как развратный огонек желания загорается в карих глазах.

– Ничего особенного.

К черту Моргана с его воздержанием!

– Как насчет встретиться сегодня? Я знаю одно уютное местечко. Тебе понравится.

– Я подумаю...

– Не думай. Звони, – я пишу свой номер на первой попавшейся бумажке.

Соблазнительная улыбка говорит, что позвонит. Она не дура упускать меня. Наверняка, после секса попросит замолвить словечко перед Главной, чтобы та отпустила ей грехи и перестала держать в Прислужницах. Я, конечно же, обещаю, но не сделаю.

Иду к своей зазнобе. Анна, Аня, Анюта. Назови, как хочешь, суть та же. Люблю ли я ее? А как не любить того, кого ты сотворил своими руками, кого ты сделал таким, как тебе надо.

Красивая, покладистая, неуверенная, но со своей обидой на мир – такой я встретил ее на Начале. Долго влюблять в себя Шувалову не пришлось. Хотя сестра немного мешалась, но она не была против. Ух! Зажатая девочка превращалась в хищницу у меня на глазах. Мне льстило, как Аня смотрит на меня. Как на бога. Еще ни одна моя пассия так на меня не смотрела. Что уж говорить о нраве: слушалась меня беспрекословно. А когда научил плотским утехам, так вообще стала идеальна. Безотказная, жаждущая меня и моей любви. И как тут не любить? Как же переживал, когда она исчезла! Я еще ни за одну женщину так не переживал, как за нее: моя Анна исчезла, возможно, мертва... Варька тенью ходила по квартире и твердила, как заведенная, что сестра жива. Думал, что она чокнулась или просто внимания не хватает; я даже переспал с Варварой, чтобы присмирить, думал, что отвлечется на меня. В итоге, стало только хуже. Мне хотелось убить Варвару собственноручно, поставить ее на место, чтобы не забывалась.

И вот я получил невесту обратно.

Чертов Оденкирк испортил ее! Я вижу, как она не хочет меня, как отталкивает, уже не слушается. Ничего, Виктор! Если не пряником, так кнутом верну.

Я покупаю очередной букет из роз и заезжаю в кондитерскую французского ресторана, чтобы купить конфет. Отлично! Я готов к встрече.

– Вы к кому?

– К Шуваловой. – Толстая баба, дежурная медсестра, тут же замолкает, снова плюхнувшись на свой стул. Ненавижу больницы, русские в особенности. Если вы думаете, что Химеры достигли апогея безразличия к ценности жизни, то вы не попадали в больницу, где она обезличивается и приравнивается к стоимости оплаты лечения. Нет денег – иди подыхай. В русских больницах это еще подается с царским видом: что ни медсестра, то монаршая особа, которая неведомым образом наказана пребывать и работать здесь.

Пройдя коридор, дошел до нужной двери. Открываю и вижу стоящего призрачного Оденкирка над спящей Аней.

– Сгинь! – приказываю ему. И тот исчезает. Волна ненависти тут же опалает меня. Тварь! Бес! Придурок! Подхожу к Анне, спит, как невинная овечка. Интересно, как далеко оба зашли? Я чувю его магию вокруг нее. Раньше такого не было. Знаю, что Анька поставила блок. Похоже, он снялся, когда у нее была остановка сердца...

– Не люблю, когда мне рога ставят, Анна. Я вас отучу лазать друг к другу. Не хочешь по-хорошему, буду по-плохому.

И начинаю шептать заклинание, ставя свой блок на ее сознание, чтобы этот ублюдок к ней больше не совался.

– Не люблю, когда мое отбирают. С детства не люблю...

– Савов! Ты чего это с ней делаешь? – Я оборачиваюсь. На пороге стоит Варвара, за ней маячит ее игрушка – шотландец.

– Страхуюсь, Варвара. Чтобы на Анну не было влияния извне. Сама знаешь, как уровень восприимчивости магии меняется, когда человек физически слаб. А у Ани была остановка сердца. Считай, перезапуск системы.

– Хм! Тоже мне, нашел компьютер, – Варя говорит слишком громко, чем будит сестру, которая открывает глаза и спросонья непонимающе таращится на потолок. Надо отдать должное, у Ани потрясающие глаза, чистые, большие, блестящие. А сколько в них открытости и незащитности! Сладкая девочка.

– Здравствуй, Аня.

Она переводит взгляд и видно, как приходит понимание, что сон кончился. Отмечаю, что Аня ступевалась, увидев меня на своей кровати.

– Привет, – она встает, шурша свежим отутюженным постельным бельем, от которого пахнет хлоркой. Тут вообще пахнет хлоркой. А также чем-то кислым, так пахнут больные.

– Я тебе конфет принес и цветы, – кладу розы на кровать, чтобы оценила красоту букета. Аня всегда любила цветы, маленькая девчачья слабость. Открываю коробку трюфелей и кладу ей на колени. Но она странно смотрит на них и легонько отодвигает.

– Спасибо. Но что-то не хочется.

– А я тебе плеер принесла и ряженку с батоном, – Варвара достает продукты и кладет их в холодильник, а Кевин – плеер ей на тумбочку.

– Как прошла встреча? – наверное, Anne Марго рассказала, где я был с утра.

– Меня снова отправляют учительствовать.

– И когда?

– Как прибуду в Америку. Но не думаю, что мы не сможем встретиться. Я же должен следить за невестой в своем клане. А то там парней куча. Еще уведут.

Аня слабо реагирует на мою шутку. Черт! Что они делали в бессознательном состоянии с Оденкирком?

– Что тебе снилось? – спрашиваю как бы невзначай. Румянец покрывает ее щеки. Я еле сдерживаюсь, чтобы не показать злость на нее и любовничка.

– Да так... Разное.

– Я там был?

Она улыбается и опускает глаза, после чего уходит от ответа, съедая конфету. Ну-ну! Я из тебя эту дурь выбью. Не придет больше он к тебе. Забудь.

– А у вас как дела? – я встаю и смотрю на несуразную пару: Инквизитор и Химера. Старо предание... Сколько их было, таких пар! И мало, кто остался вместе.

– В порядке. Живы.

Я перевожу взгляд на рыжего шотландца: тощий, смазли-

вый и носатый. Девочки любят, когда у парней такие острые, четкие профили, как у Ганна. Интересно, что нашла Варька в этом сопляке?

– Марго злится на тебя. За то, что воздействовал на Аню.

– Нет! Виктор, скажи ей, чтобы не думала даже наказывать Кевина! Это я виновата! – звонкий голос Аньки разрывает нашу тихую беседу. – Я ей сама скажу!

Заклинило же этих сестричек на Инквизиторах.

– Успокойся. Наказывать Кевина никто не будет. Он же не Химера. – Я поворачиваюсь и улыбаюсь Ане, чтобы успокоилась. А то аж выпрыгивает из своей футболки из-за любимчика Сената. Этому сопляку везет вдвойне: что дар сильный и что с Варей.

А так бы Марго даже думать не стала: быстро отправила бы к Наталии. А та сотворила бы с ним, что в голову взбредет, вплоть до расчленения и каннибализма. У этой бездушной бабы давно крышу рвет. Вороны боятся свою Темную, но и в другие кланы рыпаться не смеют.

– Заберите меня отсюда, а? Что вы меня сюда поместили? Я как в Карцере! Нет. Хуже!

– Отдыхай. Набирайся сил. Тебя тут проверяют на каждом аппарате. Следят за тобой, – Кевин улыбается и пытается уговорить нахохлившуюся Аню. Я ее понимаю, тут и пяти минут не выдерживаешь, а мы с Варварой тут на несколько дней заперли несчастную.

– Ладно, дорогая, я пойду. Дела не ждут. – Я целую руку,

ошутив тонкую хрупкую кисть в своей руке. – Не возмущайся. Мы тебя все любим и хотим, чтобы ты восстановилась поскорей. А то напугала нас.

Я целую ее в щеку. Пока только в щеку. Поцелуи в губы я потребую позже.

– Я тебя люблю, – шепчу ей на ухо, играясь с локоном. После чего прощаюсь, желая побыстрее уйти отсюда. Уже на пороге из больницы на мой телефон начинают звонить с неизвестного номера.

– Да?

– Виктор? Это Лена. Мы сегодня виделись в офисе у Марго и Джеймса. Помните?

– Конечно.

– Я уже освободилась на сегодня и жажду увидеть вас и ваше обещанное уютное местечко...

Перезапуск системы

Я помню его. А точнее глаза цвета грозы, темно-серые с проблесками синего. Они испуганы, умоляют меня не обрывать свою жизнь, продолжать бороться, как тогда на крыше в Нью-Йорке.

Меня отвезли в больницу. Помню тяжесть тела, боль в грудной клетке на каждом вдохе, глаза Рэя, слезы Вари, руки Виктора, бледность Кевина. На ночь меня определили в общую палату на восемь человек. В темноте комнаты я слышала чей-то храп, кашель, кто-то ворочался, скрипя кроватью, кто-то шумно вздыхал и бормотал. И запах – противная вонь потных тел, кислых лекарств и хлорки. Но мне было все равно.

Я чувствовала себя куклой. Не хотелось жить совершенно. Хотелось туда – в легкость, в искрящуюся невесомость, где был он...

«Мелани, иди в тело, пожалуйста! Умоляю...»

Как это возможно? Я слышала его! Я разговаривала с ним! И я была мертва...

Почему рядом со мной был Рэй? Неужели, он тоже... Нет! Не может быть! Я бы почувствовала, если бы с ним что-то случилось. Не знаю как, но знала бы. Потому что люблю. Люблю так, что вернулась в это костлявое несуразное тело, променяв свет и легкость.

Почувствовала бы...

В прошлый раз Варвара ощутила, когда у меня был перегруз. И она пыталась дозваться через сон. Может, здесь так же? Рэйнольд ощутил?

«Я заблокировал твой Знак. Не хотел, чтобы ты стала Иницизированной, а оставалась Смертной. Прости меня!»

Так вот в чем было дело. Он просто спрятал мой дар. Я уже давно ведьма и, наверное, могу делать простые заклинания, но Знак не проступает из-за блокировки. Рэй хотел удержать меня этим. Ну что же... Я прощаю его. Понимаю. Только... как же мне теперь снять блок? По идее, кто ставил, тот и снимает. Но Рэйнольд далеко, до встречи ждать почти два месяца. Если бы Знак проявился, я стала Инквизитором и смогла бы его увидеть. Но как это сделать?

Очнулась, когда в палату пришла уборщица и громыхнула над ухом стальным ведром. Каким-то образом я смогла уснуть под всеобщее кряхтение, шарканье и храп. Сначала подумала, что обо мне забыли. Ощущение повторяющегося кошмара. Я целый год провела в неизвестности в больнице Ливерпуля. Сейчас другой город, другая страна, у меня есть имя и память, но больница все равно призвала меня, как свое порождение. Неужели все повторится?

Но примерно через час врачи будто вспомнили обо мне и начали таскать на разные проверки и процедуры. А потом и вовсе перевели в одиночную палату с достижениями цивили-

лизации в виде телевизора, холодильника и электрочайника. Я мельком увидела Варвару. Забегала Марго, которая по-матерински погладила по голове и пожелала скорейшего выздоровления. Услышала, что Виктор сюда определил меня на пару дней, чтобы «отдохнула».

На руке ныла рана от ножа, которую мне зашили еще в скорой. На груди расцветали лиловые синяки от разрядов Виктора во время реанимации. И я снова подключена к капельнице. Вся эта суета и кудахтанье вокруг меня сильно утомила, я провалилась в сон.

И снова слышу успокаивающий плеск воды о борта плавающего дома, шелест листвы, свежие порывы ветра и запахи дерева и воды. Во сне я снова вернулась туда, куда хочу больше всего на свете: в китайский плавучий домик, который укрывал меня и успокаивал. Там мне было хорошо. Там были только счастливые воспоминания.

И чья-то осторожная рука касается моих волос, затем кто-то нежно проводит по шее костяшкой пальца, и вот я ловлю заботливую мужскую кисть и лгну щекой к ладони.

Мне не надо оборачиваться. Я знаю, кто это, – тот, который снится постоянно, тот, кто не покидает моих мыслей, тот, кого люблю.

– Мелани...

Его шепот такой родной. Такой реальный. Я оборачиваюсь и вижу его в лучах солнца. Улыбается. Смотрит с высоты

роста и улыбается мне. Рэйнольд Оденкирк принимает меня в объятия, зарываясь носом в мои волосы, а я прячу свое лицо у него на груди.

– Прости меня. Пожалуйста, прости меня... – шепчу то, чем болит сердце.

Я готова расплакаться. Рэйнольд отстраняется, чтобы посмотреть мне в глаза. В его темно-серых с синевой светится любовь и нежность. Я вижу, как открываются его губы, чтобы что-то произнести в ответ...

Но вместо нежного любимого баритона Рэя, слышу ядовитый шепот Виктора:

– Сгинь!

И вот уже Савов обнимает меня и смотрит с хитрым прищуром. Улыбается и крепко держит. Не отпускает.

– Виктор? Ты что здесь делаешь?

– Считай, что перезапуск системы.

– Что?

В этот момент откуда-то сверху, с небес, доносится голос Варьки:

– Хм! Тоже мне нашел компьютер.

И я просыпаюсь. Первое, что вижу, – потолок, состоящий из панелей, и желтые крашенные стены.

– Здравствуй, Аня, – как продолжение сна слышится рядом голос Савова. Оборачиваюсь и вижу его, сидящим на моей койке. За ним маячат Варя и Кевин.

– Привет, – приподнимаюсь и сажусь.

– А я тебе конфет принес и цветы.

На мои колени ложатся букет из бордовых роз и коробка с трюфелями. Конфеты тут же напоминают о Рэе и Париже. Будто снова слышу: «Одна конфета – один поцелуй». В горле сразу пересыхает от воспоминаний.

– Спасибо. Но что-то не хочется.

Я чуть отодвигаю злосчастный трюфель.

– А я тебе плеер принесла и ряженку с батоном, – Варя как всегда в своем репертуаре: издевается над романтическим порывом Савова. В холодильник кладется не только ряженка, но и колбаса, сыр, фрукты и много всего другого. Боже! Судя по провизии, они меня тут надолго запирают.

– Как прошла встреча? – Я должна быть милой с Виктором. Ведь он старается: букет купил, конфеты.

– Меня отправляют снова учительствовать.

– И когда?

– Наверное, как прибуду в Америку. Не думаю, что мы не будем видеться. Я же должен следить за невестой в своем клане. А то там парней куча. Еще уведут.

Как неожиданно! Я сразу вспоминаю, как часто бывал Савов на Начале. Хоть Виктор и говорит, что ему нравится быть педагогом, все равно ощущается некая нервозность и усталость от пребывания там. Я никогда не понимала его Темного, Джеймса Моргана, который маниакально оправлял его на Начало. Виктор говорит, что это дает ему хорошую прибыль:

«Лучше преподавать и уставать, чем заниматься незаконными Химерскими делами».

– Что тебе снилось? – вопрос Савова застаёт меня врасплох. Моментально вспоминаю такие желанные объятия Рэйнольда.

– Да так... Разное.

– Я там был?

Молчу, опустив глаза. Был. Еще как был! В самом конце испортил идеальный сон. Эх!

Горечь от того, что я так и не узнала, что хотел мне сказать Рэй, заедаю трюфелем. Савов встает и теперь общается с сестрой и Кевином. А я скорбно молчу: дано ли мне увидеть еще раз такой сон? Не то что мне Рэйнольд не снится, нет, снится! Каждую ночь, но так реально у меня давно не было...

– Марго злится на тебя. За то, что воздействовал на Аню, – слышу, как Савов обращается к Кевину, и я тут же выхожу из забытья и сладких грез о Рэе.

– Нет! Виктор, скажи ей, чтобы не думала даже наказывать Кевина! Это я виновата! Я ей сама скажу!

У меня начинается паника. Ведь Марго может что угодно сделать с Кевином. Она сурова на наказания, а тут еще Инквизитор – для нее это, как красная тряпка для быка!

– Успокойся. Наказывать Кевина никто не будет. Он же не Химера.

Савов поворачивается и на его губах читается снисходи-

тельная улыбка. Журит, как ребенка. Будто сам не знает, какие Темные быстрые на расправу и месть.

– Заберите меня отсюда, а? Что вы меня сюда поместили? Я как в Карцере! Нет. Хуже!

Я хнычу сестре и Савову. Это ненормально: держать здорового человека в больнице! Да я с ума тут сойду. Но по их лицам читаю, что нет, не отпустят.

– Отдыхай. Набирайся сил. Тебя тут проверяют на каждом аппарате. Следят за тобой, – Кевин улыбается и пытается уговорить меня. И снова этот покровительственный тон, как к малому дитяти. Тоже мне санаторий нашли! Если хотят такого счастья, пусть сами тут побудут хотя бы часок. С удовольствием уступлю место.

– Ладно, дорогая, я пойду. Дела не ждут. – Виктор подходит и целует мою руку. – Не возмущайся. Мы тебя все любим и хотим, чтобы ты восстановилась поскорей. А то напугала нас.

Он заботливо целует в щеку, обдав меня шипровым ароматом своего парфюма.

– Я тебя люблю, – его шепот опалает ухо. Виктор ласково берет мой локон и пропускает между пальцев. В моей душе пустота: ни отклика на эту нежность. Что делать? Как сломать себя? Как выжить? Как прекратить пытку?

Савов исчезает из палаты, оставляя меня с сестрой и Кевинном.

Ганн заметно расслабляется, стоило лишь выйти Виктору

из палаты.

– Зачем вы меня сюда поместили? Дома бы отлежалась...

– Аня, прекрати! Шутишь? У тебя была остановка сердца! Тебя Кевин с Виктором откачивали несколько минут! И делать вид, что с тобой все хорошо, не надо.

Кевин смотрит и улыбается мне, тем временем как в зеленых глазах Вари читается возмущение и гнев. Я ее сильно напугала. *Mea culpa*.

– Ладно, мы пойдем. – Вот и Варя сбегает от меня. – Лучше сиди здесь, набирайся сил, спи больше и ешь. А то от тебя кожа да кости остались. Смотреть противно.

Внезапно Кевин подходит ко мне и шепчет на ухо:

– Выходи на улицу через десять минут. Варе ни слова.

Я недоуменно смотрю на него: несмотря на задорную улыбку, в глазах читаю опасение и серьезность.

– Хорошо, – киваю в ответ. Варя странно косится на Кевина. Поэтому я улыбаюсь ей, чтобы отвести подозрение от Ганна.

– Идите, сладкая парочка. Так уж быть, побуду тут.

В глазах сестры тут же зажигается радость, и она принимает довольный вид. Они с Ганном выходят. Интересно! Кевин зовет меня на тайное свидание! Зачем?

Я тут же кидаюсь к шкафу со своей одеждой. Одевшись, выбегаю из палаты.

– Девушка, вы куда? Сейчас врач придет!

Я отмахиваюсь от дежурной и стремительно направляюсь

к лестнице. Выйдя на свежий воздух, чувствую, как становится легче: ни запаха хлорки, ни кислых лекарств, ни потных тел – ничего. И куда дальше? Оглядываюсь в поисках Кевина, все еще нерешительно топчась на пороге. Но его не видно. Тогда иду к беседке под березой в разбитом возле здания палисаднике. На лавочках сидят больные с родственниками; пациентов узнать легко: одеты в домашнюю одежду и в тапочках, родственники что-то им говорят, кто-то кормит домашней едой, а кто-то просто молча скорбно курит. Прохладно. А я в тонком свитере. Ежусь, пытаюсь согреть дыханием руки.

Ее голос звучит за спиной, и я дергаюсь от неожиданности, чуть не потеряв равновесие и не свалившись с лавочки.

– Ева?

Я шокировано пялюсь на девушку. Может, я еще не проснулась? Или у меня галлюцинация?

Она говорит на английском с британским акцентом, напоминая мне о языке Мелани Гриффит, той, которая первое, что услышала – английскую речь доктора Хоббса.

– Здравствуй, Мелани. Рада тебя видеть.

Я смотрела на нее, разинув рот. Валльде стояла в светло-голубом костюме и на каблуках, прекрасная девушка с голубыми глазами и практически белыми волосами. Она смотрелась инопланетянкой посреди двора старой больницы в запущенном диком палисаднике.

– Ты меня узнаешь? – Ева тушует, глядя на меня. На-

верное, у меня вид полнейшей идиотки.

– Ты как здесь очутилась? – я еле выдавливаю из себя английские слова, пытаюсь справиться с шоком.

– Как? Как обычно. Из Саббата.

– А! Ну да...

Я попыталась совместить в голове это обшарпанное кирпичное здание в России и древний замок Саббат в Великобритании. Не получилось. Хотя не удивлюсь, что в школе Инквизиторов есть ход сюда в виде двери гаража или подсобки дворника.

– Можно? – Ева кивает на лавочку, слишком грязную для ее чистого дорогого костюма.

– Если не боишься запачкать.

Ева не боится. Она смело входит в беседку и садится рядом. Я еще больше изумляюсь ее нереальной красоте и тому, что она здесь.

Сочетание несочетаемого – Саббатовская особенность. Порыв ветра дует из-за ее спины, и я чувствую легкий аромат духов: чуть сладковатый, но приятный. Это возвращает меня в действительность. Я вспоминаю про запрет Сената.

– Тебе нельзя со мной общаться, Ева...

– Знаю. Но у меня серьезные причины быть здесь.

Она опускает взгляд на свои пальцы, а я отмечаю, что она стала какой-то острой: скулы стали еще четче, а под глазами пролегли тени. Кажется, Ева похудела. Может, заболела?

– Как у тебя дела? – Валльде смотрит в глаза, пытаюсь быть

вежливой.

Ох, не нравится мне этот подход издалека!

– Хорошо.

Ева смеется.

– А ты все та же! Кевин рассказал, что вчера тебя реанимировал, вытаскивая вместе с твоим женихом с того света. А у тебя «хорошо».

Я тоже смеюсь, согласна, глупо. Но такова я. Не люблю жаловаться без повода.

– А у тебя как?

Ева мрачнеет и опускает взгляд на переплетенные пальцы.

– Не очень хорошо...

Я никогда не видела Еву такой. Мне становится страшно, и я практически выпаливаю:

– Что-то с Рэем случилось?

– С Рэем? – она поднимает глаза, удивленная моей реакцией. – Нет, с ним все хорошо.

Камень упал с души. Слава Богу! Так и хочется кинуться расспросить про него, но еле сдерживаюсь.

Ева после небольшой паузы продолжает, и с каждым ее словом мне становится все хуже и хуже.

– Я из-за Стефана тут. Химеры подали в Сенат на пропажу Заклинателя Змей, того самого, который выкрал тебя с обряда экзорцизма. Они с Рэйнольдом не успели полностью очистить квартиру, и Архивариусы нашли следы магии Стефана. Его забрали в Карцер до суда. Ему угрожает костер...

– Но он же не виноват... Стефан спас меня!

– Это знаешь ты и Химеры. Но не Сенат. Тебя как главного свидетеля скрывают, чтобы ты не дала показания и не спасла Стефана.

В голосе Евы слышатся слезы и боль. Она храбрится, держится, чтобы не расплакаться, но близка к этому.

– Зачем Химерам убивать Стефана?

– Мелкая месть. – Ева горько ухмыляется, мол, неужели сама не догадалась? – Химеры не могут успокоиться, что Саббатовцы вышли сухими по твоему делу, что никто из нас не сгорел. Им хочется крови.

И я верю. Эта сторона Инициированных не любит мирных решений.

– Ты поэтому тут? Хочешь, чтобы я дала показания в суде?

– Да. Я знаю, что это вызовет проблемы у тебя, а также у меня, но я не хочу потерять Стефана. Не могу без него...

Все. Я вижу слезы Евы и мольбу в глазах.

– Прошу тебя, Мелани, спаси его! Ты любишь Рэя?

– Да... – я шепчу, сраженная лихорадочным блеском глаз Евы. Она говорит быстро, прерывисто, часто всхлипывая, схватив меня за руку, а я отмечаю, какие горячие пальцы у нее по сравнению с моими. Будто держала их над костром!

– Тогда ты должна понять меня! Я не могу потерять Стефана! Если его не станет, не будет и меня. Говорю тебе это не как пророк, а как любящая женщина!

– Да, конечно, Ева! О чем ты? Конечно, дам показания! – я обнимаю плачущую подругу, чувствуя, как она вздрагивает, как цепляется за меня. – Все будет хорошо... Поверь. Мы не допустим смерти Стефана! Не плачь, пожалуйста.

Я глажу по светлым мягким волосам. И вот Ева уже прекращает плакать, замерев в моих объятиях на пару секунд. После чего отстраняется, держа руки на моих плечах, которые согревают и отвлекают от пронизывающего ветра.

– Что я должна сделать? Как заявить свои показания в Сенат?

– Ты должна поговорить с Виктором об этом. Можешь сказать, что я обратилась к тебе напрямую. Не упоминай Кевина. Хорошо?

– Хорошо. А почему с Виктором?

Услышав, что должна говорить насчет показаний с Савовым, надежда на спасение Стефана начала таять: Виктор не разрешит.

– Потому что ты его пара по бумагам Сената. Он твой поручитель, опекун, назови, как хочешь, на протяжении трех месяцев или пока у тебя не проявится Знак.

Твою мать! И снова-здорово! Опять я утыкаюсь носом в стену, на которой написано «ЗНАК».

– Когда суд?

– Послезавтра.

– Послезавтра?! – я вскрикиваю так, что обращаю на себя внимание других сидящих на лавочках пациентов.

– Трудно будет?

– Виктор не согласится.

– Как-то, но согласится! Ты есть в грядущем. И спасешь Стефана! Иначе, я бы к тебе не пришла.

Я недоуменно замолкаю, обдумывая варианты, как уломать Виктора. Не знаю... Руку даю на отсечение, он не отпустит меня в суд!

– Я попробую...

Ева благодарно кивает. А затем произносит то, что окрыляет меня:

– Рэй скучает по тебе. Очень. Пытается делать вид, что все нормально. Но снова отгородился стеной. Весь сам в себе.

Теперь моя очередь лить слезы: Ева незаметно тронула кровоточащую рану.

– Я сделала ошибку, выбрав Савова. Подумала, что год отношений – это гарантия, это то, что я хочу... Правда, меня бы не поняла Варя... Боже! Все так сложно! – я тру глаза, пытаюсь взять под контроль свои чувства. И у меня получается. – А я ему звонила вчера утром. Поздравляла...

– Знаю.

Ева сочувственно кивает. Понятно. Значит, она знает, что он просил не звонить. Это больно.

– А вообще, как в Саббате идут дела?

– Строим планы по спасению Стефана... Ах, да! У нас две новенькие.

– Новенькие?

– Угу. Кристен и Сара. Сара своим даром похожа на Ноя, ему отдали ее на обучение. А Кристен обучается у Рэя.

– Новая ученица для Оденкирка? – я горько улыбаюсь. Хелмак быстро нашла мне замену.

– Да. Реджина пытается отвлечь его.

– И как? Получается у Кристен?

– Судя по тому, как они огрызаются друг на друга, не очень.

– Огрызаются?

Ева кивает, смотря куда-то вдаль.

– Рэй ее на дух не переносит. Деннард дерзит постоянно, чем бесит его. А он не любит таких девушек, – ее слова как бальзам на душу. Значит, заменить меня им не удастся, – он будет на суде Стефана. Будет давать показания, – тихо произносит Ева, давая надежду увидеть Рэйнольда вживую. От этой мысли сладко засосало под ложечкой. Знать, что он где-то, реальный, а не часть моих снов и не голос в трубке – это невыносимо, так и хочется кинуться на поиски, сбежав ото всех.

– Я попробую уговорить Виктора.

Ева кивает.

– Я пойду. Мне нельзя долго быть с тобой. Вдруг кто-то из твоих увидит меня. Хватит того, что и так нарушила решение Сената.

Она встает со скамейки, отряхнувшись и поправив волосы. Некоторые мужчины во дворе сразу же оборачиваются

на нее. Еще бы! Такая красавица!

– Что-нибудь передать Рэйнольдсу?

В голове сразу взрывается тысяча ответов. Но есть одно но: он попросил не звать и не звонить ему. Поэтому качаю головою, не в состоянии произнести «нет».

Ева странно смотрит на меня, но потом жмет плечами, мол, твое дело, – и грациозно уходит. Я остаюсь в разодранных чувствах. На ум приходит только одно: «Разметало». Нас разметало по разным сторонам света. Хотим собраться, объединиться, но не можем. Упущено. В какой-то момент все пошло кувырком, будто споткнулись и кубарем летим под откос. Только в какой? И можно ли все исправить?

Послезавтра будет суд над Стефаном. Итак, Анна Шувалова-Мелани Гриффит, как тебе уговорить Виктора? Думай.

Не преступлю, не нарушу, не предам

– Ну и о чем ты хочешь поговорить?

Я судорожно сглатываю. Страшно, что аж поджилки трясутся. Виктор стоит и улыбается мне с высоты своего роста, наблюдая, как я нерешительно трогаю лацкан его пиджака и иступленно кусаю губы. Мы находимся в моей палате.

– Обещай не сердиться...

– Анечка, разве можно на тебя сердиться?

Угу! Можно, Виктор. И ты сейчас это узнаешь. Савов нежно треплет за подбородок, заставляя посмотреть в его глаза.

– В общем, нужно спасти одного человека от костра. И я хочу выступить с показаниями на суде...

– Что? – Виктор непонимающе смотрит на меня. – Что за суд?

– Ну, одного знакомого будут судить, и мои показания могут спасти его.

– Что за знакомый? – Его руки соскальзывают с моих плеч, и он убирает их в карманы брюк.

– Стефан Клаусснер...

Пауза длилась мгновение, но ощущение – будто вечность пронеслась. И на смену нежности и улыбки Савова пришла холодная непроницаемая отчужденность.

– Ты серьезно? Или шутишь?

Виктор просто излучает негатив. Он презрительно поднимает подбородок и смотрит на меня сверху вниз.

– Я знаю, что его обвинили в убийстве Заклинателя Змей. Но это несправедливо!

– Аня, ты понимаешь, что говоришь? Ты защищаешь Инквизитора! Того самого, который виноват в потере тобою памяти, того, кто хотел убить тебя, того, кто обманом скрывал тебя от нас! Клаусснер ненавидит Химер и тебя заочно. И ты хочешь его спасти?

– Виктор, он не плохой... – шепчу я. Виктор практически нависает надо мной, у него страшный блеск в глазах, будто еле сдерживается, чтобы не накричать на меня.

– «Не плохой»? Это один из лучших охотников на ведьм. Ты в курсе, сколько он сжег наших? Если надо, он тебя сожжет и не поморщится! Клаусснер твою шкуру спасти не будет.

Савов наклоняется так, что теперь его глаза напротив моих. Его лицо очень близко. Я чувствую дыхание Виктора на своей коже. Савов подавляет меня. Пугает.

– Но он уже однажды спас мою шкуру...

Савов неожиданно толкает меня назад – и вот я загнана в ловушку между его руками и стенкой.

– Клаусснер спасал, потому что все хотели, чтобы ты стала, как они. Чтобы ты по щелчку Сената убивала своих Сестер и Братьев.

Каждое слово он практически выплевывает мне в лицо. В его тихом голосе слышен рык зверя.

– Кто сказал тебе про Суд? – Его рука ложится мне на горло и начинает ласкать. Пальцы, будто играючи, нежно исследуют шею. Мне становится страшно до дурноты. Мгновение – и ведь свернет ее, как цыпленку, в порыве гнева. – Так кто сказал?

– Ева Валльде...

– А-а-а! Подружка Клаусснера! Блондинка! Помню. Ну что же, я подам в Сенат обвинение в нарушении субординации.

– Нет! Виктор, пожалуйста! – я начинаю плакать и умолять. Савов смотрит на свои пальцы на моем горле. Голос не слышится, шепчу, выжимая из себя слова: – Не надо... Я сделаю все, что ты хочешь... Только не надо подставлять Еву! Помоги мне спасти Клаусснера, и я сделаю все, что ты хочешь...

Внезапно мои слова достигают цели. Савов начинает улыбаться, будто получил желаемое. Я мысленно представляю, что будет: поцелуями дело не ограничится.

– Хорошо. Мне нравится такой вариант.

Его руки медленно соскальзывают на мои плечи, а большой палец ложится на яремную впадину, нажми – и будет удушающе больно.

– Что ты хочешь, чтобы я сделала?

– Я хочу, чтобы ты вышла за меня замуж, – он беззаботно

улыбается, будто не хочет придушить.

– Ну... вроде, я и так собиралась это сделать... – лгу, пытаюсь скрыть правду, что мечтаю уйти от него, что хочу другого мужчину, что Савов мне не нужен.

– Вот именно, собиралась. Но я же не дурак, Аня! Вижу, что ты готова отказаться от меня. Я хочу, чтобы ты пообещала мне выйти за меня замуж, а потом перейти от Марго в мой клан.

– Обещаю...

Я с ужасом понимаю, что цена вопроса высока. Но согласна. Я найду потом способ уйти от Виктора.

– Нет. Не так. Мне нужны гарантии. – Савов берет мою ладонь и целует. – Как клясться будешь? На крови? Или по духу?

Все. Это уже серьезно. Он просит обряд клятвы. А это значит, обмануть его будет уже нельзя.

– Я не готова...

– Хорошо! Тогда пускай горит Клаусснер синим пламенем! А его блондинка будет оправдываться перед Сенатом. Отлично! Убьешь сразу двух Инквизиторов, не прикасаясь к ним.

Он резко отталкивается от стены и идет к выходу. Паника и ужас волной накрывают меня. И я выпаливаю, прежде чем успеваю осознать, что говорю:

– Я согласна! На крови! Дам клятву на крови.

Савов оборачивается и разводит руками.

- Хорошо! Когда суд?
- Завтра...
- Завтра же и проведем обряд.

После его ухода весь день прошел серым пятном, а затем была мучительная ночь. Плакала. Попыталась найти другие решения, но ничего не находилось. Клятва – это серьезно. Не пустые слова. Это принуждение. Нарушение – смерть, притом, как твоя, так и близких родственников. Автоматически запускается родовое проклятие. Обойти Виктора не получится. Я не знаю, как дозваться до Сената. Пускай я и не совсем смертная сейчас, но я без Знака, не Инициированная, я не дозовусь до Архивариусов. А если попросить кого-то, чтобы привели? Только через кого?

Кевину нельзя соваться в Сенат. Варя откажется. Ева приведет Архивариуса, но время будет упущено, пока еще я дозовусь до Валльде. Да и чревато для нее. А завтра уже суд! То есть сегодня, если судить по московскому времени.

Рэйнольд... Любимый, прости! Я все глубже зарываюсь. Еще больше оттолкну тебя.

В мире сказок Принцессу спасает Принц, убив Дракона. В моем мире Драконы имеют человеческое обличье. И Принц может перепутать, убив не того. Либо просто уйдет, не понимая, что требуется спасение...

Утро пришло слишком быстро. Страшно. Я так и не придумала, как достучаться до Сената, обойдя Савова. Если бы

Знак проявился, тогда я не была бы зависима от Виктора...

Они вошли ранним утром, когда все еще спали. Я сначала удивилась, что их пропустили в больницу, но потом вспомнила, что колдунам нет запретов от смертных.

Виктор одет в черный костюм, рядом стоял кореец в таком же костюме, но с черной рубашкой и кейсом в руках.

– Доброе утро. Архивариус Кан Син Гю. Я веду дело по обвинению Инквизитора Стефана Клаусснера в незаконном убийстве Химеры Макса Бёхайма. Меня позвали, так как у вас есть информация по этому делу. Так?

Я киваю, не в силах выдавить из себя ни слова. Позади Архивариуса пристально смотрит исподлобья Виктор, его взгляд хищный, волчий. Надо отдать должное, выглядит представительно и дорого.

– Итак, что вы хотите мне сказать? Хочу напомнить, что в своем лице я представляю Святой Сенат и его Старейшин.

Я снова киваю в ответ.

– Простите, мистер Син Гю, но девушка немного напугана. Не видите? Она недавно побывала в Карцере и пережила суд, поэтому так смущается. Можно, я поговорю с ней наедине, а потом вы продолжите?

Архивариус взмахом руки дает разрешение, молча разворачивается и выходит за дверь, оставив меня наедине с моим драконом – Виктором Савовым.

– Итак, ты, надеюсь, не передумала? Или все-таки возъ-

мешь на себя грех за смерть Клаусснера и Валльде?

Виктор стоит в стороне, но все равно ощущение, что продолжает держать руку на горле.

– Нет. Не передумала... – Я просто не нашла других вариантов спасения и себя, и Евы со Стефаном.

– Тогда приступим к клятве?

Он достает из внутреннего пиджака маленький ритуальный нож, после чего, не поморщившись, режет им себе ладонь и передает мне.

Взяв кинжал, я почувствовала, как он переполнен темной магией: над этим маленьким серебряным предметом очень долго и страшно поработали. А это значит, что клятва будет крепкой и сильной. Резать пришлось правую ладонь, так как на левой швы. Нож был очень острым, он легко рассек кожу, и багровой полосой заалела рана.

– Сама вспомнишь слова? Или помочь?

Я вздыхаю и произношу:

– Я, Анна Шувалова, клянусь, что выйду замуж за Виктора Савова и перейду в его клан, как проявится Химерский Знак. Кровь моя – жизнь. Слово мое – камень. Сказанное не преступлю, не нарушу, не предам. Ибо тогда камень разрушится, кровь в землю уйдет. Да будет так.

Слова темные, неприятные, они зажигают черную магию, которая, как яд, ползет по моим сосудам и венам. Виктор закрепляет клятву, когда кровь смешивается при соединении наших рук.

– И ушел Каин от лица Света, и поселился в земле Нод, на восток от Эдема⁶, – Савов цитирует Библию с неприятной ухмылкой. После чего произносит заклинание *Sanitatum*, убивает кинжал и достает черную коробочку.

– Держи. А то у тебя же нет кольца от меня.

Я открываю коробку: на черном бархате поблескивает простенькое витое золотое колечко.

– Я знаю, что ты не любишь вычурные кольца. То было ужасным, если честно, это больше подходит для невесты.

То кольцо было еще проще: серебро и сапфир. Я выпросила его у Савова на одной ярмарке, потому что очень понравилось. Он тогда подарил очень дорогое с крупным бриллиантом, которое совершенно было не моим. Оно мешалось, царапалось, цеплялось за все подряд и было тяжелым. Серебряное же было легким, незаметным и родным. Савов сдался, когда в очередной раз увидел меня без кольца. И вот на замену пришло новое.

– Дай, я надену. – Украшение скользит по безымянному пальцу левой руки. В России – это вдовый палец, в Америке на нем носят обручальные кольца. Символично получилось. Я хороню свое будущее, отдавая себя во власть Савову. Виктор легко касается моих губ, подобно поцелую жениха и невесты.

– А где то кольцо? Разве его не отдал Сенат?

⁶ Искаженная цитата из Библии (Быт.4:16): «И пошел Каин от лица Господня и поселился в земле Нод, на восток от Едема».

– Отдал вместе с вещами. Но я не взял, – он заглядывает мне в глаза и убивает следующей фразой: – Я все вещи оставил Оденкирку.

– Зачем? – Я в шоке. Голос не слышится, воздуха не хватает, еле шепчу.

– Будет знать, как портить чужие кольца защитными заклипаниями.

Он отворачивается и идет к двери, чтобы позвать Архивариуса, я же стою, окаменев от ужаса: Савов в курсе всего, а я слепая дура, думавшая, что он не замечает мою любовь к Рэйнольду и отвращение к нему, считающая, что смогу уйти от него. Виктор меня не отпустит. Никогда. Я давно загнала себя в ловушку, а сейчас сама закрыла дверь.

Архивариус входит и что-то говорит мне. Только когда меня окликают, я возвращаюсь в реальность, которая становится кошмаром.

– Так что вы хотите рассказать?

– Клаусснер убил Химеру, защищая меня... – и я рассказываю все, что помню.

Я должна спасти Еву и Стефана. Теперь обязана.

Иначе грош цена моей жертве.

* * *

Пока она рассказывает историю своего чудо-спасения великодушным Инквизитором, у меня звонит в кармане мо-

бильник. «Морган» светится на экране.

Извиняюсь и бесшумно ухожу из палаты.

– Да?

– О! Слышу довольные нотки!

Я не сдерживаюсь и счастливо смеюсь в трубку.

– Как все прошло?

– Все прошло идеально.

– Аня не сомневалась?

– Нет. Я жал на то, что из-за нее сожгут этих Инквизиторов. Сработало!

– Клятва?

– Дала. Она наша!

В трубке слышится довольный смех Моргана. Надо отдать должное: он гений. Хотя тут больше заслуга Кукольника и Психолога, которые смоделировали ситуацию, где Анна сама отдается нам в руки. Но все-таки я тоже молодец: сыграл, как по нотам.

– Савов! – ее яростный крик разносится по всей больнице звонким эхом.

– Женщина, не кричите! – цыкает дежурная, за что получает мощный заряд от Маргариты. Медсестра с шумом падает в обморок, сшибив своим грузным телом железный стул. Слишком громко! Это привлекает внимание. Некоторые пациенты с любопытством высовываются из палат и тоже получают от Маргариты.

– Савов! – рычит на меня Марго и подлетает, будто кор-

шун к жертве. – Объясни мне на милость, что за суд, на который собирается Аня?

Она замахивается, чтобы ударить меня магией, но я быстрее, блокирую, шипя в ответ:

– Ну, давай. Начни душить, когда за дверью, – я киваю на палату Анны, – Архивариус из Сената. Вот он порадуетя на обездвиженную медсестру и того бедолагу, в которого ты попала зарядом. Кажется, парень получил гипертонический криз.

Марго, присмирив, начинает оглядываться. К дежурной уже подбежала другая медсестра и пытается привести в чувство. Кто-то из палат побежал за доктором для второго пострадавшего.

– Что, мать твою, происходит? – Марго сипит. Она вся красная от злости. Я чувствую, как клубится в ней магия, готовая прорваться и выплеснуться с разрушительной силой.

Вместо ответа протягиваю ей телефон.

– Поговори об этом с Джеймсом.

Марго недоверчиво берет смартфон в руки и прикладывает к уху.

– Джеймс? Что происходит? Зачем это?

Мой Темный ей что-то говорит, и с каждым словом Марго все больше успокаивается. Ее магия уже не пытается прорваться и взорвать все здесь к чертям собачим.

– И как это поможет ей в определении стать Химерой?

Марго не знает, что все проворачивалось за ее спиной, а

значит, не знает об истинных причинах. Наверняка, Морган сейчас ей сочиняет про то, что это еще больше отвернет Анну от Инквизиторов и склонит к Химерам.

– Психолог посоветовал?

А вот и главный козырь. Если Психолог советует, обсуждению не подлежит. Через пару мгновений телефон снова в моих руках.

– Да? Это Виктор.

– Когда у вас суд?

Я смотрю на часы.

– Через два часа.

– Отлично! Еще одно задание. Но уже от меня. Кинь Марго имя Евы Валльде в разговоре. Понятно?

Я улыбаюсь. Морган не может так просто оставить Саббатовцев в покое.

– Конечно.

И я отключаюсь. Именно в этот момент Архивариус выходит к нам. Он здоровается с Марго, после чего обращается ко мне:

– Прошу привести свидетельницу в Суд через два часа.

Я киваю в знак согласия.

– Конечно, придем. Надеюсь, Стефан Клаусснер останется жив. Мы с Анной не хотим оказаться причиной его гибели. Анна не переживет, что принесла столько страданий своей подруге, Еве Валльде. Они так сдружились! И такая самоотреченная любовь между этими Инквизиторами – Клауссне-

ром и Валльде!

На Син Гю моя речь не производит никакого действия, а вот Марго недоуменно выгибает бровь и оборачивается ко мне.

– Самоотреченная любовь? Ева была у Анны?

Я не отвечаю. Но всем видом даю понять, что она правильно все поняла.

– Архивариус...

– Кан Син Гю.

– Простите, – Марго ележно улыбается корейцу, – я хочу официально подать заявление в Сенат о нарушении постановления Суда Инквизитором Евой Валльде в отношении Анны Шуваловой, с которой ей нельзя общаться и контактировать.

Люблю

Ева неожиданно смеется за завтраком. Гробовое молчание, в котором мы хороним Стефана, внезапно обрывается ее переливистым смехом, так что даже Сара вздрагивает от неожиданности. Смотрится пугающе. Будто Ева сошла с ума.

– Она даст показания! ОНА ДАСТ ПОКАЗАНИЯ! – еще секунду назад Валльде молча сверлила взглядом свою тарелку, не притрагиваясь к еде, – и вот Ева счастливо смеется, утирая слезы радости. – Мелани будет в суде! Стефан спасен!

Звучит безапелляционно. Звучит радостно. Мы начинаем переглядываться, чувствуя, как наша скорбь сменяется счастьем. Друг спасен! Благослови Боже Мел!

Я знал, что Ева вчера ходила к ней. Видел, какая она пошла на встречу. Ева возвращалась, проходя мимо кабинета, в котором мы с Деннард сверяли отпечатки магии по сличителю.

– Ева! – я ринулся из-за стола, вскочив, будто ужаленный. – Ты видела ее? Как она? Согласилась?

Мне было плевать, что Кристен слышит и видит мое идиотское нетерпение.

– Да. Она обещала попробовать... Вначале сразу же согласилась, но как речь пошла о Савове и его разрешении, я по лицу поняла, что будет трудно.

Савов! Ублюдок! Он закрыл мне доступ к ней. Я не успел

и слова сказать, как он вышвырнул меня, будто какую-то темную сущность.

– Она что-нибудь говорила обо мне? Передавала?

– Спрашивала о тебе. Говорит, сожалеет, что выбрала Савова. Но больше ничего.

Киваю. Я все это знаю. Она постоянно просит прощения за это...

«Прости меня. Пожалуйста, прости меня...»

За что мне тебя прощать? Это я должен просить прощения, что невольно стал причиной остановки твоего сердца. С содроганием вспоминаю, как умолял возвращаться в тело. Это станет моим кошмаром. Это станет моим грехом, что не дал ангелу уйти, так как мне самому он нужен тут, на земле. Я потом всю ночь не спал, мучился мыслями о ней. Ева рискнула, была у нее! А я – нет. Трус! Слабак.

Только, чем это обернется для Мелани? Она как-то уломала Савова, чтобы пустил ее в суд. Ревность змеей поднимается во мне и шипит: что сделала Мелани для Виктора ради его согласия?

– А можно с вами на суд? – голос Кристен выводит из забытья, пока остальные счастливо обсуждают новость о согласии Мелани.

– Зачем тебе? – тихо интересуюсь, смотря на нее поверх стакана с соком. Мне не нравится ее желание поехать с нами.

– Просто посмотреть. Я никогда не была на суде Сената.

Кристен и Сара теперь сидят на местах Мелани и Кевина.

Я тоже покинул прошлое место с краю, рядом с Реджиной, меня стала бесить близость к Светочу. И вот я сижу напротив своей ученицы, постоянно ощущая ее любопытные взгляды на себе. Иногда она начинает заигрывать со мной для всеобщего веселья, я же молча ем, наблюдая, как резвится Деннард, пытаюсь вывести меня из себя.

– Там ничего интересного не будет.

– Мисс Реджина, можно мне с вами поехать на суд? – громко спрашивает Кристен через весь стол, игнорируя мои запреты, сразу обратившись к Светочу. Гнев на эту выскочку удушающей волной поднимается в груди. Просто невыносима!

– Конечно, можно.

Кристен победоносно улыбается мне.

– А где будет проходить суд? – Курт явно оживился.

– Рядом с нами. В Ливерпуле, – Ной хоть и не показывает явной радости, но в его движениях скользит легкость.

– С чего вдруг они решили рядом с нами? – теперь и Артур вступает в беседу.

– Наверное, чтобы ближе было разводить костер для Стефана, – Реджина произносит это прохладно, промокнув губы салфеткой и отбросив ее в сторону. – Жду всех, кто едет на суд, в час дня во дворе Саббата.

И первой уходит из-за стола. Недовольна, что Ева обратилась к Мелани, ясно как день. Но иначе нельзя было. И все это осознают. Мы за эти дни так и не нашли способ оправ-

дать Стефана.

– Ух ты! Симпатичное! – Я делаю дурацкую оплошность. Раздумывая о Стефане, Мелани, Еве и следя за всеми, забылся и, играясь с кольцом, случайно вытащил его из кармана, продолжая вертеть между пальцев. – Явно не твой размерчик.

Кристен смотрит на мои пальцы, которые продолжают сжимать серебряное украшение, кольцо Мелани. Никто не замечает моего промаха, потому что все встают из-за стола и расходятся. Лишь Деннард продолжает с ухмылкой смотреть на кольцо.

Я нагло смотрю в глаза девушки, раскрываю ладонь, чтобы она лучше рассмотрела его, после чего с улыбкой убираю снова карман. Посмотрела? Хватит с тебя.

Я встаю и ухожу, не оборачиваясь. Нужно подготовиться к суду.

Мы единой толпой вошли в здание суда. Как обычно, все одеты в черные деловые костюмы. Даже Деннард сменила свои майки и кожаную куртку на брючный костюм и туфли на каблуках, а волосы причесала и забрала в хвост, что сделало ее еще краше. К слову, девушка выглядела очень хорошо. Надо отдать должное, Кристен красива, когда молчит и строит вид пай-девочки. Так она меньше раздражает своим присутствием. Могу догадываться, почему суд вызвал такой интерес. Причина у нас с ней одна и та же: Мелани. И если у

Деннард это праздное любопытство, то у меня – жизненная необходимость.

– Вы понимаете, что с показаниями Мелани возможен и допрос вас? Вы ведь, получается, лгали, говоря, что ничего не знаете об убийстве этого Заклинателя. А это значит...

– Это значит, что применяют чей-нибудь дар, – закончила за Реджину Ева, которая была вся как на иголках. Последние события словно сняли с нее холодную броню отчужденности, обнажив перед нами ее настоящую. Валльде уязвима сейчас как никогда.

– Обычно в таких случаях они устраивают закрытый суд, – Ной знает эту систему лучше нас. Он столько раз был востребован Сенатом в делах о нарушении законов, что можно сказать, судебные тяжбы и расследования – это его стихия. А вот охотник на ведьм из Ноя плохой. Слишком медленный и брезгливый.

Курт, стоявший ближе всех к входу, первым заметил приближение Химер.

– Они идут.

И в холл вошли трое. Я был удивлен, ожидая увидеть весь клан Теней в довесок к немецкому клану Татцельвурм. Но нет.

Вначале появился Савов, тоже в черном, элегантно одетый сукин сын. Неприятный, с рыжеватой щетиной, хитрым прищуром глаз и немного вальяжной походкой. От него за милю несло черной магией и гордыней. А за ним следова-

ли две девушки. Одна была со светлыми волосами и разноцветными прядками, чуть сутулая и нескладная, одетая в костюм, похожий на школьную форму, который совершенно ей не шел. Рядом стояла Она.

При виде нее сердце забилось чаще. Я даже не узнал сначала Мелани: маленькая, похудевшая, в большой, не по размеру, кожаной куртке и джинсах.

– Они ее кормить не пробовали? – Реджина, как и я, удивленно рассматривала Мелани. Любимая выглядела тенью самой себя. Даже хуже, чем я видел ее через астральное тело. В моей памяти Мел одевалась всегда в светлые тона. А в бежевом кружевном платье ее забыть вообще невозможно. Она была худой, но не тощей. Сейчас Мелани казалась скелетом с забинтованными руками. Если на левой руке я знал, откуда рана, то вторая явно была свежая и болела. К тому же при любом движении плеч, я чувствовал боль синяков на ее груди. Господи... Что они с тобой сделали?

Мелани будто услышала эти мысли и посмотрела прямо на меня своими большими красивыми глазами, в которых отчетливо прочиталась печаль. Она тоже тоскует по мне.

– Не надо... – предупреждаяще цедит сквозь зубы Ной, удерживая меня за плечо.

Только сейчас замечаю, что сделал неосознанное движение в ее сторону.

Савов, как зверь, чувствует повисшее между нами напряжение и покровительственно обнимает Мелани, привлекая

к себе; девушка тут же смущенно опускает взгляд под ноги. Удушающе ревностно. Спокойно, Рэй...

– А кто это с ними? – я слежу за взглядом Реджины: она рассматривает Химеру, прибывшую с Мелани.

– Это Субботина, – Ной кивает ей. Та в ответ делает странное скупое движение в знак приветствия. При этом на лице не отражается ни одной эмоции. – Ее Сенат иногда привлекает в помощь к делам.

– А! Это та самая из Воронов? У нее дар...

– Гностик: заставляет неосознанно говорить правду.

– Забавные у нее мысли! – Реджина ухмыляется долговязой девушке. После чего кидает хитрый взгляд на Ноя.

В следующее мгновение слышу удивленный присвист Ганна. Он смотрит на только что вошедшую Лауру Клауснер, в черно-красном платье с глубоким декольте, открывающем соблазнительный вид. Если честно, я и сам готов присвистнуть из-за резкого прилива тестостерона, глядя на «богатство» Лауры. Интересно, кого она хочет здесь поймать в свои сети с таким вырезом? Не думаю, что Архивариусы и Инквизиторы заинтересуют ее.

Она поворачивается к нашей группе и делает приветственный жест рукой, очаровательно улыбаясь ярко-алыми губами.

Деннард сражена, по лицу видно. Она практически повисает на моем плече и жарко шепчет:

– А это кто?

– Это Лаура Клаусснер. Сестра Стефана, – я говорю тихо, стараясь не шевелить губами, читая восхищение и удивление на лице Кристен. Забавно наблюдать, несмотря на то, что Деннард почти прилипла ко мне. – Она Химера.

Я пытаюсь остудить ее пыл. Но, кажется, еще больше удивляю.

– Да ладно?!

– Тебя восхищают Химеры?

Кристен тут же возвращается в реальность и уже смотрит на меня, будто я ляпнул глупость. Ее рука соскальзывает с моего плеча.

– Красивая женщина достойна восхищения. И неважно, кто она по сути.

– Я тоже так считаю, – поддакивает ей Артур за спиной.

Я оборачиваюсь на Еву: она стоит в стороне и не подает вида, что увидела Клаусснер. И снова возвращаю взгляд на Мелани. Девушка сидит на скамье рядом с Савовым, который нежно держит ее за руку. Мне больно. Ревную. Она его терпит, видно по ней: Мелани отводит взгляд, смотрит куда-то под ноги и молчит.

«Рэй, осталось два месяца... Два каких-то месяца...» – твержу, как мантру, глядя на мыски своих ботинок и закусывая губу.

Внезапно ко мне подходит Курт и легонько толкает локтем одновременно с кивком головы. Я смотрю туда, куда он указал, и ком встает в горле. Я чувствую, как ненависть зажи-

гается в крови. Еле справляюсь, чтобы выглядеть бесстрастным и спокойным.

– Здравствуй, Рэйнольд, – Савов стоит на расстоянии, но достаточно близко, чтобы ударить. Если не магией, то кулаком. За ним к нам спешит Мелани, которая напугана выходкой Виктора.

– Привет.

И Курт придвигается ко мне ближе, становясь в боевую позицию, будто готов прикрыть своим даром, если понадобится.

– Как у вас дела? – Виктор оценивающим взглядом скользит по Кристен. – О! Да у вас пополнение! Надеюсь, девушка не с амнезией и уже с Инквизиторским знаком?

Мелани встает за спиной Савова и легонько берет его за локоть, словно пытается сказать, чтобы сдерживался. От этого мне становится нервозно. Я в последний раз видел ее на таком расстоянии месяц назад. Не могу удержаться, чтобы не начать жадно рассматривать ее лицо в поисках ответов на свои вопросы. Мелани смотрит мне в глаза, ее губы приоткрываются, будто хочет что-то сказать, но боится. Господи! Как же хочется сделать шаг и прикоснуться! Но нельзя. Савов специально провоцирует меня. Я с огромным усилием воли отвожу взгляд от Мелани и смотрю в противное лицо Савова – так и хочется врезать ему!

– Какое тебе дело до нас? По-моему, ты слишком много придаешь себе значения, считая, что мы будем вести милые

беседы.

– Какой ты невежливый, Оденкирк. А ведь нас связывает очень многое.

На слове «очень» специально делает ударение, намекая на Мелани и мою сестру.

– Я бы с удовольствием не имел с тобой ничего общего.

Когда-нибудь я с удовольствием размозжу тебе голову, Савов, а потом скормлю псам из преисподней!

Виктор криво ухмыляется, кладет руку на плечи Мел и уходит с ней. Внутри опустошение.

– Что он хотел? – Кристен непонимающе озирается на нас. Никто не решается ответить, лишь Реджина покровительственно треплет ее по плечу.

– Некоторые люди, как скунсы, детка. Напасть не нападают, но вони от них!

Ощущение дежавю. Вот она за трибуной, прячет взгляд и дает краткие ответы. Только цена сейчас – жизнь Стефана Клаусснера. Все слушают размеренные ответы Мелани, отвечающей тихо и боязливо. Она постоянно кидает взгляд то на Еву, то на Савова. Но не на меня.

– Итак, вы уверяете, что Клаусснер вас защищал?

– Да.

Слава Богу! Показания Мелани и Стефана совпадают. Стеф говорил, что спасал девушку. Но Химеры не отдавали Сенату Мел, скрывая ее фразами типа: «Она не хочет ни с

кем говорить. Ведь признания – дело добровольное. Это ее выбор».

Архивариусы понимают, что эти двое договориться никак не могли, поэтому ничьи дары при допросе не требуются.

– Рэйнольд Оденкирк и Ева Валльде, встаньте!

Дознаватель выкрикивает наши имена прямо во время показаний Мелани, так что я вздрагиваю. Мы с Евой встаем, будто в школе по оклику преподавателя.

– Мисс Субботина, воздействуйте на них.

Химера, подружка Мел, встает напротив нас.

– Мисс Валльде, почему вы не сказали на допросе, что брали на обряд экзорцизма Анну Шувалову?

– Потому что это сулило нам проблемы. Смертных братья на обряды запрещено.

Дознаватель копается в каких-то бумагах. После чего поворачивается к нам.

– Мистер Оденкирк, вы являлись учителем Анны на тот момент?

– Да.

– Почему допустили нарушение правила со стороны Евы Валльде?

– Приказ Первого Светоча.

– Реджина Хеллмак, почему был такой приказ?

– А как это относится к делу Клаусснера? – Я удивлен ответу Реджины. Она ловко обрубает нить, разматывающую клубок другого дела.

Дознаватель тушует и понимает, что она права.

– Мистер Оденкирк, вы можете подтвердить слова Анны Шуваловой о незаконченности обряда?

Меня бросает в дрожь от воспоминаний, в которых Мелани рвет змеей в кровавой воде. И самое страшное – когда она попросила меня убить ее.

– Могу.

– Расскажите.

– Мелани пожаловалась на свое здоровье. А потом не спустилась к ужину. Ее мысли услышала Реджина, и мы все поспешили в ее комнату. Мелани...

– Анна.

– Что, простите? – я не понимаю, что хочет от меня До-знаватель.

– Вы два раза назвали Анну Мелани.

Эта поправка Дознавателя болью отзывается во мне. Я сглатываю комок в горле и продолжаю, но уже сбившись с мысли.

– Да, Анна. Простите... Так на чем я остановился?

– Вы все вошли в ее комнату.

– Ах, да! Спасибо... Анна, – имя дается с трудом, я словно выдавливаю его из себя, – сидела на полу в беспамятстве. Она расцарапала себе всю шею и просила помощи. На тот момент она уже была заражена, но еще не одержима.

– И кто проводил обряд очищения?

– Я и Ева Валльде. Руководил Артур Хелмак.

Дознаватель опять зарывается в своих бумагах, после чего, не отрываясь от документов, спрашивает:

– И чем закончился обряд?

Я смотрю на Мелани, и наши взгляды встречаются. Вечность бы смотрел в ее глаза! Это как гипноз: ловит – и ты уже не можешь отвернуться.

– Змея. Анну вырвало змеей. А я потом убил тварь.

– Угу. Все так, – бормочет Дознаватель, понимая, что я все верно рассказал под воздействием Субботиной. – Садитесь, пожалуйста.

И мы садимся.

– Анна Шувалова, вы свободны. Спасибо.

Мелани сходит с трибуны и садится к Савову. И снова смотрит в мою сторону, пока возникает маленькая пауза между показаниями. Если мы не имеем права разговаривать, быть рядом, то никто не запретит нам искать взгляды друг друга. Примитивная и единственно доступная форма союза душ. Да наступит тьма Египетская, и пусть все ослепнут к черту! Только нам оставьте зрение – оно нужнее нам, чем вам всем. Глаза – зеркало души. А сейчас я смотрю в глаза ангела, я помню об этом...

– Прошу всех встать!

Меня будит не сам оклик Дознавателя, а то, что Савов небрежно берет Мелани за руку, задев рану. От резкой пронзительной боли, девушка шумно выдыхает через зубы и смотрит то на ладонь, то на Виктора. Все. Визуальный

контакт прерван. И я встаю вместе со всеми. В зал со своим Представителем входит Стефан, одетый в джинсы и белую майку, одежду содержащихся в Карцере Святого Сената. Стеф хмуро пялится себе под ноги, держа руки в карманах. Его обреченный вид отзывается болью в сердце. Он мой лучший друг, через столько всего прошли вместе, в каких только передрягах ни были – и вот ему угрожает костер. Знали ли мы оба? Нет. Но каждый внутренне готовился к такому исходу. Все хорошие охотники на ведьм ждут ранней смерти, если не от руки Химеры, так от Сената.

Дознаватель выходит в середину зала и громогласно зачитывает приговор. Я сжимаю холодную руку Евы в качестве поддержки. Валльде блее мела. Меня беспокоит ее вид, боюсь, что она близка к обмороку.

– Архивариусы Святого Сената рассмотрели дело Инквизитора Стефана Клаусснера, обвиняемого в незаконном убийстве Химеры Макса Бёхайма. В ходе следствия выяснилось, что Стефан Клаусснер попытался прервать незаконный темный обряд превращения на тот момент Смертной, Анны Шуваловой, в Химеру. Выслушав все показания свидетелей, а также учитывая законы и правила мира Инициированных, суд вынес вердикт: оправдать Стефана Клаусснера, так как он исполнял свои прямые обязанности Инквизитора и действовал в рамках закона. На этом считать дело Стефана Клаусснера закрытым. Да свершится суд. Да свершится день. *Dies irae, dies illa.*

И весь зал хором повторяет святые строчки всех Иницированных, которые набили оскомину у меня, став обычными заезженными фразами и потерявшие свой первоначальный глубокий смысл. Хотя слова «Да свершится суд. Да свершится день. *Dies irae, dies illa*» выбиты или выжжены на стенах любой Инквизиторской школы, как лозунг, как сама цель жизни.

Ева со вздохом облегчения кидается к Стефану. Мы радостно поздравляем друг друга. Химеры из Татцельвурма, одетые в черные широкие одежды и с татуировками клана на шеях, кидают на нас недовольные злобные взгляды. К Стефану и Еве присоединяется Лаура. От вида этой троицы мутнеет в глазах, Клаусснер терпеть не может сестру, а теперь обнимается с ней, притом на глазах Евы.

Я снова ищу глазами Мелани: она стоит с Виктором в стороне и слушает его с несчастным видом.

– Смотри, какие они чудные! – Деннард указывает на Ноя и Субботину. Они стоят и о чем-то говорят: девушка рядом со статным Ноем выглядит нескладным долговязым существом, какой-то школьницей-неформалкой. Она хмуро смотрит на Валльде снизу вверх из-за небольшого роста. Сам же Ной стоит, выпрямившись, словно по струнке, и что-то вещает Субботиной.

– Выглядят, как учитель с ученицей.

– Жаль.

– Почему? – удивляется Деннард.

– Жаль, что выглядят так только они, а не те, кто по-настоящему должен. – Я поворачиваюсь к ней и выпрямляюсь, как Ной, намекая Кристен, чтобы не лезла туда, куда не просят, и, вообще, была более этичной. Кристен злобно сверкает глазами и отворачивается от меня. Я возвращаюсь к мыслям о Мел, стоило лишь сунуть руки в карманы и нащупать ее кольцо.

Именно в этот момент в зал вошел Архивариус Тогунде и подошел к держащимся за руки Еве и Стефану.

– Добрый день! Ева Валльде, вы обвиняетесь в нарушении субординации к Анне Шуваловой, установленной решением Суда. Прошу проследовать в Карцер до принятия решения Святым Сенатом.

Неожиданная тишина накрывает зал, и кажется, что мое дыхание стало слишком громким. Стефан ошарашенно смотрит на Еву.

– Что? Ты же обещал! – голос Мелани резкий, звонкий, он выводит всех из забытья. Она гневно смотрит на Савова, тот в ответ что-то тихо говорит, явно отрицает. Такая маленькая, но разозленная и обиженная, как котенок. Ох, моя Мелли... Не суйся ты к нему!

Ева молча отходит к Тогунде, и Стефан начинает цепляться за нее. Твою мать! По виду Валльде становится ясно: она знала, она ждала этого исхода. Стеф же яростно пытается оттащить ее и закрыть телом. Я и Ной кидаемся к нему, захватывая в кольцо наших рук.

– Ева! – кричит Стеф, пытаясь отбиться от нас.

– Стеф, успокойся!

– Все будет хорошо!

Ко мне и Ною подбегает Курт. Теперь трое против Клаус-снера, который по силе превышает нас.

Ева оборачивается через плечо и посылает ему ведьмин зов, я чувствую это по пронесшейся магической вибрации в воздухе. Стефан сразу прекращает вырываться, обмякая в наших руках, с тоской глядя на уходящую Валльде. Все. Сдался физически...

– Ты как? – я смотрю на Клаусснера, который выглядит нездорово бледным.

– Почему вы допустили, чтобы она рисковала? – Стеф рычит на меня. В его глазах я вижу отчаяние и боль. Как я его понимаю... Еще недавно сам проходил этот ад.

– А ты бы не рискнул ради нее?

Стефан взвинченный. Мы его окружаем, чтобы он не мог рвануть за Евой. Он то ерошит волосы, то трет лицо. Клаусснер лихорадочно соображает, как спасти любимую. В нем узнаю себя, напуганного потерей Мелани, в голове тогда лихорадочно билась одна-единственная мысль: «Я ее потерял...»

– Что сказала Ева сейчас?

– Сказала, что все с ней будет хорошо. Чтобы доверился.

Он поднимает на нас взгляд, и в нем ясно читается, что он не верит. Из-за моей спины доносится голос Артура.

– Ева – пророк. Доверься. Если она говорит, что все будет хорошо, значит, все будет хорошо.

Мне показалось, или Хелмак только что воздействовал на Стефана? Так или иначе, Клаусснер успокаивается, и я вижу в его глазах тоску и смирение с неизбежным.

– Пойдем на улицу, освежишься, – предлагает Курт хорошее решение. Я подталкиваю Стефана к выходу. Но стоит нам повернуться, как мы тут же натолкнулись на Мел в проходе. «Моя девочка...» – проносится в голове. Ее взгляд печальный, умоляющий простить.

Стеф не сдерживается и рычит на нее:

– Это все из-за тебя!

– Заткнись! – обрываю Клаусснера, пока он не натворил еще чего-нибудь, и почти тащу за шкурку по проходу на улицу. Ко мне подлетает Курт, который подхватывает Стефа и помогает мне вывести Клаусснера на свежий воздух.

– Хватит! – он рычит на нас с Ганном и вырывается из рук. Слышу, как за нами спешат Ной и Артур, цокая каблуками, идут Деннард и Хелмак. Мы все взвинчены до предела.

– На! – Я достаю из кармана пачку сигарет и кидаю в руки Клаусснера. Тот, наплевав на этикет и правила, садится прямо на ступени и закуривает, глядя вдаль.

Мы молчим, каждый в своих мыслях. Слышу стук каблучков, и к нам выходит Лаура. Она гордо, словно не замечая нас, спускается по ступеням. После чего внезапно останавливается, поворачивается к молчащему брату и громко про-

износит:

– Зайди к матери! Она ждет тебя. Ты обещал! – После чего разворачивается и покидает нас. Все провожают ее взглядами.

– Наверное, рада, что Ева в Карцере, – бормочет мне вполголоса Курт, чтобы его не услышали другие.

Я не знаю. Ничего не понимаю. У меня в голове каша. Как понять, где начинаются чужие, а где заканчиваются свои? Сейчас я готов сесть к Клаусснеру на ступени и закурить, тоже послав все приличия куда подальше. Но, как назло, снова слышатся шаги. По ступеням, не оглядываясь ни на кого, спускается Субботина.

– Нина! – Ной окликает эту странную девочку. Субботина резко останавливается, замерев на пути, будто ее не позвали, а она что-то вспомнила. – Насчет книги!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.